Часть вторая

Учебник-хрестоматия

ЛИТЕРАТУРА

7

класс

ДРОФА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Учебник-хрестоматия для учащихся 7 класса входит в линию учебников, создаваемых по единой программе для 5—11 классов, составленной Т. Ф. Курдюмовой. Для каждого класса будут выпущены учебник или учебник-хрестоматия для учащихся и методическое пособие для учителя.

Программа и создаваемые учебные книги направлены на воспитание ученика как образованного и вдумчивого читателя, способного понять художественную ценность произведений, определить их место в историко-литературном процессе.

В учебнике-хрестоматии «Литература. 7 класс» раскрывается жанровая структура литературных произведений, приводятся сведения об истории развития некоторых жанров.

- Литература. 7 класс. Учебник-хрестоматия. В двух частях. Часть 2
  - Литература XIX века
    -
    - Из истории жанра сатиры
    - Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин
      -
      - Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил
    - Марк Твен
      -
      - Как я редактировал сельскохозяйственную газету
    - Антон Павлович Чехов
      -
      - Жалобная книга
      - Хирургия
    - Портрет героя в художественных произведениях разных жанров
  - Литература XX века
    -
    - Жанры эпоса, лирики и драмы в произведениях XX века
      -
      - Валерий Яковлевич Брюсов
        -
        - Труд
        - Хвала Человеку

- Константин Дмитриевич Бальмонт
  -
  - Бог создал мир из ничего…
- Игорь Северянин
  -
  - Не завидуй другу, если друг богаче…
- Редьярд Киплинг
  -
  - Если
  - Заповедь
- Из истории сонета
- Максим Горький
  -
  - Старуха Изергиль. Отрывок
  - Старый Год. Сказка
- Владимир Владимирович Маяковский
  -
  - Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче
  - Гимн обеду
- Михаил Афанасьевич Булгаков
  -
  - Ревизор с вышибанием. Новая постановка
- Константин Георгиевич Паустовский
  -
  - Рождение рассказа
- Роман – повесть – рассказ
- Михаил Александрович Шолохов
  -
  - Они сражались за Родину. Главы из романа
- Александр Трифонович Твардовский
  -
  - Как после мартовских метелей…
  - Июль – макушка лета…
- Валентин Григорьевич Распутин
  -
  - Уроки французского
- Из истории эссе
  -
  - Радость творчества
- Федор Александрович Абрамов

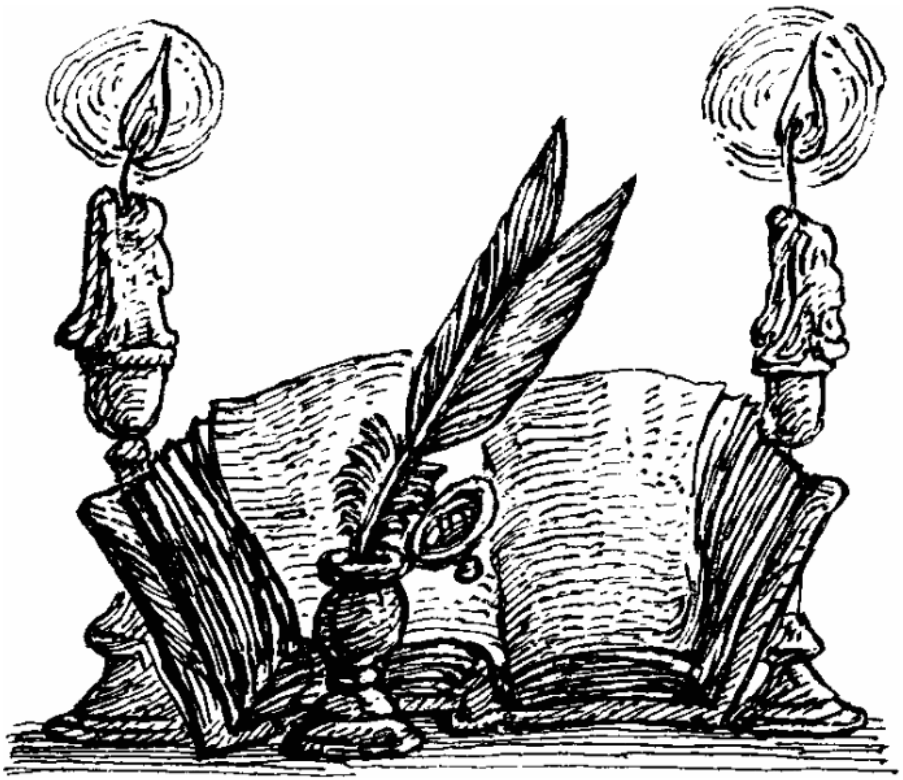
- О чем плачут лошади
- Александр Валентинович Вампилов
- Несравненный Наконечников. Водевиль в двух действиях с прологом и эпилогом
- Действие первое
- Из истории пародии
- Научно-фантастическая литература
- Роберт Шекли
- Запах мысли
- Детективная литература
- Артур Конан Дойл
- Пляшущие человечки
- Подведем итоги
- Краткий словарь литературоведческих терминов

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23

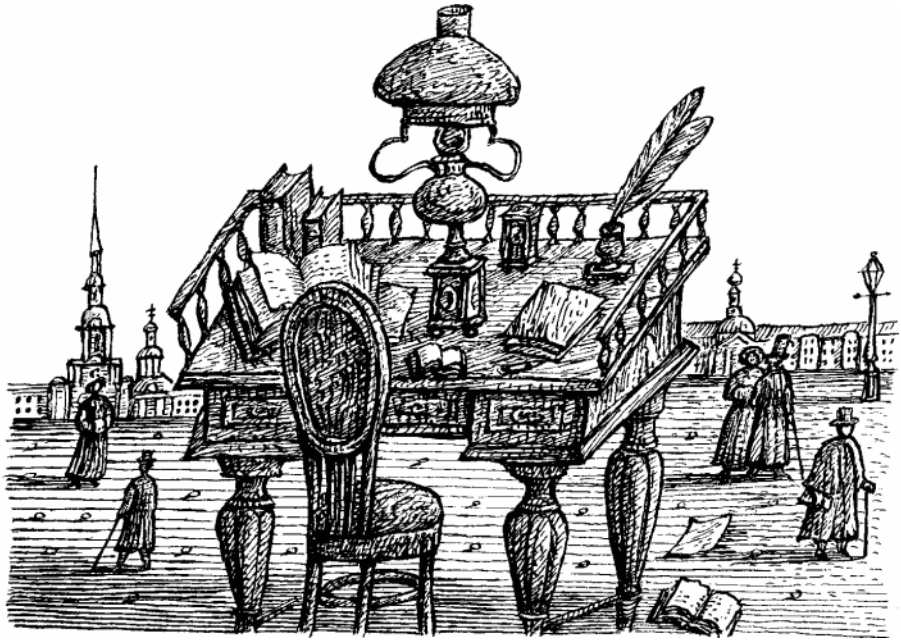
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40

Литература. 7 класс. Учебник-хрестоматия. В двух частях. Часть 2 (Автор-составитель Т. Ф. Курдюмова)

Литература XIX века



Басня. Баллада. Роман. Поэма. Сатира.



Из истории жанра сатиры

Стихотворная сатира возникла из названия развлекательного сборника «Сатуры» (смесь, всякая всячина), в котором были помещены басни и разного рода стихотворения, а также впервые появились шутливые нападки на конкретных лиц. Это произошло еще до нашей эры в Древнем Риме. Создал этот сборник поэт Энний.

В последующие века сатира становится чрезвычайно популярной. **Слово «сатира» стало использоваться для обозначения произведения искусства, в котором осмеиваются порочные явления действительности, содержится резкое обличение.** В сатирических произведениях часто используется такой художественный прием, как **гротеск – сочетание фантастики с реальными, но сильно преувеличенными бытовыми жизненными явлениями**. Сатира так и осталась «всякой всячиной»: она воплощается в самых различных жанрах, и та энергия смеха, которая ей присуща, делает ее грозным оружием.

Вспомним строки Пушкина:

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!..

Среди сатириков именно Ювенал (ок. 60 – ок. 127 гг. н. э.) «вспыхнул, – как пишет современный автор, – во времена упадка Рима как грозная комета». Его 16 сатир остались в веках и вызвали отклик в последующей литературе.

Общепризнанный законодатель литературных правил Буало (1636–1711) в своем теоретическом трактате в стихах «Поэтическое искусство» пишет, что жанр сатиры нужнее

обществу, чем ода.

Так мы утверждаемся в мысли, что в литературе существует **жанр сатиры**.

Однако в России XVIII века сатирическая стихия охватила множество жанров – это и собственно стихотворные сатиры, и басни, и эпиграммы, и прозаические произведения, и пародии.

Те, на кого была направлена критика, содержащаяся в сатирическом произведении, обычно реагировали очень активно, а иногда и забавно. Так, В. К. Тредиаковский заканчивает свой стихотворный ответ критику словами:

Когда, по-твоему, сова и скот уж я,
То сам ты нетопырь и подлинно свинья!

Но часто сатира вызывала очень жесткую и даже жестокую реакцию. Так, Екатерина II полемизировала с обличителями власти на страницах журналов и в собственных комедиях. Но она же отвечала на строки обличения репрессиями: Н. И. Новиков и А. Н. Радищев были арестованы и сурово наказаны.

Как же оценивали сатиру и ее возможные виды современники Пушкина?

В. А. Жуковский в статье «О сатире и сатирах Кантемира» утверждал: «Насмешка сильнее всех философских убеждений опровергает упорный предрассудок и действует на порок: осмеянное становится в глазах наших низким».

Через несколько лет в «Словаре древней и новой поэзии» указывалось, что «форма сатиры сама по себе не заслуживает большого внимания, – иногда бывает она эпическою, иногда драматическою, иногда имеет название речи, эпистолы и пр.».

Пора расцвета сатиры как жанра – начало XIX века. Затем «сатира ушла в прозу» и получила свое высшее выражение в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина. Однако она живет и по сей день не столько как жанр, который мало употребляется, сколько как самостоятельное направление в литературе. Есть литературоведы, которые утверждают, что сатира, подобно эпосу, лирике и драме, является равноправным родом литературы.

Вопросы и задания

⏩**1.** Как вы определите жанр таких стихотворений Пушкина:

История стихотворца

Внимает он привычным ухом
Свист;
Марает он единым духом
Лист;
Потом всему терзает свету
Слух;
Потом печатает – и в Лету
Бух!

Совет

Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный:
Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.
Сердиться грех – но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой.

2. Прочитайте стихотворение Н. А. Некрасова «Современная ода». К какому жанру вы его отнесете?

3. Прочитайте фрагмент стихотворения Н. А. Некрасова. Как вы определите его жанр?

Портреты

2

Подчас взойдет случайно в моду
Поэт, актер иль музыкант,
Который сам не думал сроду,
Что дал Господь ему талант.
Но вот о нем все закричали
И докричались до того,
Что бюст счастливца изваяли,
Великим назвали его…

А он?.. Он с бюстом чудно сходен:
Он так же точно, как и бюст,
Формально никуда не годен,
Ни в чем не грешен, тих и пуст!

3

С кого не пишем мы портретов?..
Богач, без мозга, без души,
Нам задал несколько обедов —
Скорей портрет с него пиши!
Тотчас чудес о нем наскажут,
Опишут жизнь его в два дни
И исторически докажут,
Что он Горацию сродни.
Полна хвалами биографья,
Где строчка каждая ложна
И где жена его Агафья
Агатой важно названа…

4. Можно ли назвать сатирой «Плач о неполучении жалованья» П. С. Политковского? Патрикий Симонович Политковский не был литератором. Это чиновник департамента податей и сборов, друг поэта М. В. Милонова, который сейчас мало известен.

Плач о неполучении жалованья (*Написано экспромтом в конце 1811 года*)

Бесплодно дни мои считаю,
Надежды в будущем не зрю:
Два месяца не получаю,
Увы! Вотще служу царю!
Начальство в жребий мой не входит,
Само бо ест и пиет всласть,
А брата нашего доводит
Терпети горе и напасть.
Придется умереть от стужи,
Коль с гладу умереть не мог:
Вся плоть моя почти наружи,

И пальцы лезут из сапог.
А ты, любезная отчизна,
Котору буду век любить,
На все в тебе дороговизна,
За гривну нечего купить.
Блажен, кто мелочным товаром
Торгует в лавочке простой
Или владеющий амбаром
И кучей в нем кулей с мукой!
День со дня цену прибавляют,
Они блаженствуют одни,
Купцы карманы набивают
В военные и мирны дни.
Итак, не лучше ль мне приняться
За их невинно ремесло,
Чем жалованья дожидаться
И плакать в первое число.

5. Прочитайте начало и конец «Сатиры первой» А. А. Шаховского, драматурга конца XVIII – начала XIX века. Какие признаки сатиры вы видите в этих строках?

Сатира первая

Мольер![1] Твой дар, ни с чьим на свете не сравненный,
В отчаянье меня приводит всякий раз,
Как, страстью сочинять, к несчастью, ослепленный,
Я за тобой хочу взобраться на Парнас.
Комедию пишу, тружусь, соображаю,
По правилам твоим мой план располагаю,
Характер, драмы ход, развязку, разговор —
Все, все обдумаю и сам собой доволен:
Мне кажется, мой слог приятен, чист и волен,
Смешного множество, прелестный шуток сбор,
И, словом, все в моей комедии мне мило.
Но на столе моем, как будто на беду,
Нечаянно твои творения найду,
Невольно разверну, прочту, вздохну уныло,
Новорожденное дитя мое беру,
Бешусь, кляну его и в лоскутки деру.
Так ты один, Мольер, без злобы и без шутства,
Смеяся над людьми, умел людей смешить!

……
Почто, Мольер, в наш век ты не родился?
Здесь твоему перу труда довольно есть.
Или когда б со мной умом ты поделился,
Я б пользу сделал всем, себе – бессмертну честь.

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826–1889)

Михаил Евграфович Салтыков родился в Тверской губернии в селе Спас-Угол. Его детство и отрочество прошли среди «повседневного ужаса» крепостного быта и сложных отношений в семье, которые никак не назовешь доброжелательными. Годы учения были удачнее: Салтыков окончил Царскосельский лицей, в котором ранее учился Пушкин, и был избран, согласно царившему там обычаю, «Пушкиным» тринадцатого выпуска, то есть самым литературно одаренным учеником.

Юноша не только писал стихи. М. Е. Салтыков отличался способностью к делам, которые принято называть административными. Он был талантливым организатором. Даже высылка в Вятку за смелые повести «Противоречия» и «Запутанное дело» на целые восемь лет не остановила ни литературной, ни административной деятельности. В Вятке он был чиновником по особым поручениям при губернаторе, а затем и советником губернского правления. Поездки по Вятскому краю обогатили писателя и наполнили его произведения суровыми фактами народной жизни.

Смерть Николая I прервала ссылку. Салтыков возвращается в столицу. В печати появляется новое имя: выходят «Губернские очерки» под псевдонимом Н. Щедрин. В эти же годы он женится на дочке вятского вице-губернатора. Считается, что среди жен русских писателей XIX века были две изумительные красавицы: Наталья Николаевна Гончарова (жена Пушкина) и Елизавета Аполлоновна Болтина (жена Салтыкова-Щедрина). Однако все то, что глубоко презирал писатель, нашло воплощение в его горячо любимой, но абсолютно чуждой по взглядам жене. «У жены моей идеалы не весьма требовательные. Часть дня (большую) в магазине просидеть, потом домой с гостями придти, и чтоб дома в одной комнате много-много изюма, в другой – много-много винных ягод, в третьей – много-много конфект. А в четвертой – чай и кофе. И она ходит по комнатам и всех потчует, а по временам заходит в будуар и переодевается». Таковы горькие, доброжелательные и насмешливые раздумья Щедрина о своей семейной судьбе в самом конце жизни.

Салтыков был вице-губернатором в Рязани, затем в Твери, возглавлял Казенные палаты в Пензе, Туле, Рязани. Везде он пытался поддержать честных чиновников и ограничить взяточников и казнокрадов. Эти действия постоянно вызывали

град доносов, и уже в 1868 году писатель получает отставку с запретом заниматься государственной службой.

Отныне вся его жизнь связана с литературой. Через год в журнале «Отечественные записки» появляются первые сказки Салтыкова-Щедрина. После смерти Некрасова он становится редактором журнала вплоть до его закрытия. Создаются бессмертные произведения – «История одного города», «Господа Головлевы» и многие другие. Продолжается создание сказок.

Годы и болезнь брали свое. В 1889 году Салтыков-Щедрин скончался. По завещанию его похоронили рядом с могилой Тургенева на Волковом кладбище в Петербурге.

Сатирик по природе, Щедрин обладал даром комизма. Он владел страшным оружием – смехом; более того, всеми формами смеха. Эти формы многообразны – от мягких и светлых, которые вы встретите на страницах сказки о двух генералах и мужике, до мрачных и жестких. Таков, например, «Разговор Свиньи с Правдой»: само название дает понять, как резко ставит вопросы автор.

Салтыков-Щедрин обращался к фольклорным традициям для создания произведений, обличающих недостатки современной ему жизни. Фантастика и вымысел соседствуют с реальностью, создавая неповторимый мир щедринских «Сказок», одну из которых вы сейчас будете читать.

Творчество Щедрина характеризуется объединением, сцеплением малых произведений в сборник или цикл произведений. Именно стремление быть «летописцем минуты» вызывало такое накопление мелких деталей для создания более общей картины. «Эзопов язык» произведений, который сочетался с яркой эмоциональностью и выразительностью его сатиры, был рассчитан на понимание того, кого он называл «читателем-другом». Картина России в его произведениях получалась впечатляющая. «Невозможно, – утверждал М. Горький, – понять историю России во второй половине XIX века без помощи Щедрина…»

Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил

Жили да были два генерала, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени – по щучьему велению, по моему хотению – очутились на необитаемом острове.

Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре, там родились, воспитались и состарились – следовательно, ничего не понимали. Даже слов никаких не знали, кроме: «примите

уверение в совершенном моем почтении и преданности».

Упразднили регистратуру за ненадобностью и выпустили генералов на волю. Оставшись за штатом, поселились они в Петербурге, в Подьяческой улице, на разных квартирах; имели каждый свою кухарку и получали пенсию. Только вдруг очутились на необитаемом острове, проснулись и видят: оба под одним одеялом лежат. Разумеется, сначала ничего не поняли и стали разговаривать, как будто ничего с ними и не случилось.

– Странный, ваше превосходительство, мне нынче сон снился, – сказал один генерал, – вижу будто живу я на необитаемом острове…

Сказал это, да вдруг как вскочит! Вскочил и другой генерал.

– Господи! да что ж это такое! где мы! – вскрикнули оба не своим голосом.

И стали друг друга ощупывать, точно ли не во сне, а наяву с ними случилась такая оказия[2]. Однако, как ни старались уверить себя, что все это не больше как сновидение, пришлось убедиться в печальной действительности.

Перед ними с одной стороны расстилалось море, с другой стороны лежал небольшой клочок земли, за которым стлалось все то же безграничное море. Заплакали генералы в первый раз после того, как закрыли регистратуру. Стали они друг друга рассматривать и увидели, что они в ночных рубашках, а на шеях у них висит по ордену.

– Теперь бы кофейку испить хорошо! – молвил один генерал,

но вспомнил, какая с ним неслыханная штука приключилась, и во второй раз заплакал.

– Что же мы будем, однако, делать? – продолжал он сквозь слезы, – ежели теперича доклад написать – какая польза из этого выйдет?

– Вот что, – отвечал другой генерал, – подите вы, ваше превосходительство, на восток, а я пойду на запад, а к вечеру опять на этом месте сойдемся; может быть, что-нибудь и найдем.

Стали искать, где восток и где запад. Вспомнили, как начальник однажды говорил: «Если хочешь сыскать восток, то встань глазами на север, – и в правой руке получишь искомое». Начали искать севера, становились так и сяк, перепробовали все стороны света, но так как всю жизнь служили в регистратуре, то ничего не нашли.

– Вот что, ваше превосходительство: вы пойдите направо, а я налево; этак-то лучше будет! – сказал один генерал, который, кроме регистратуры, служил еще в школе военных кантонистов[3] учителем каллиграфии[4] и, следовательно, был поумнее.

Сказано – сделано. Пошел один генерал направо и видит – растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет генерал достать хоть одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть. Попробовал полезть – ничего не вышло, только рубашку изорвал. Пришел генерал к ручью, видит: рыба там, словно в садке на Фонтанке[5], так и кишит, и кишит.

«Вот кабы этакой-то рыбки да на Подьяческую!» – подумал генерал и даже в лице изменился от аппетита.

Зашел генерал в лес – а там рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы бегают.

– Господи! еды-то! еды-то! – сказал генерал, почувствовав, что его уже начинает тошнить.

Делать нечего, пришлось возвращаться в условленное место с пустыми руками. Приходит, а другой генерал уж дожидается.

– Ну что, ваше превосходительство, промыслил что-нибудь?

– Да вот нашел старый нумер «Московских ведомостей»[6], и больше ничего!

Легли опять спать генералы, да не спится им натощак. То беспокоит их мысль, кто за них будет пенсию получать, то припоминаются виденные днем плоды, рябчики, тетерева, зайцы.

– Кто бы мог думать, ваше превосходительство, что человеческая пища, в первоначальном виде, летает, плавает и на деревьях растет? – сказал один генерал.

– Да, – отвечал другой генерал, – признаться, и я до сих пор думал, что булки в том самом виде родятся, как их утром к кофею подают!

– Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала ее изловить, убить, ощипать, изжарить… Только как все это сделать?

– Как все это сделать? – словно эхо, повторил другой генерал.

Замолчали и стали стараться заснуть; но голод решительно отгонял сон. Рябчики, индейки, поросята так и мелькали перед глазами, сочные, слегка подрумяненные, с огурцами, пикулями и другим салатом.

– Теперь я бы, кажется, свой собственный сапог съел! – сказал один генерал.

– Хороши тоже перчатки бывают, когда долго ношены! – вздохнул другой генерал.

Вдруг оба генерала взглянули друг на друга: в глазах их светился зловещий огонь, зубы стучали, из груди вылетало глухое рычание. Они медленно начали подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервенились. Полетели клочья, раздался визг, оханье; генерал, который был учителем каллиграфии, откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил. Но вид текущей крови как будто образумил их.

– С нами крестная сила! – сказали оба они разом, – ведь этак мы друг друга съедим!

– И как мы попали сюда! Кто тот злодей, который над нами такую шутку сыграл!

– Надо, ваше превосходительство, каким-нибудь разговором развлечься, а то у нас тут убийство будет! – проговорил один генерал.

– Начинайте! – отвечал другой генерал.

– Как, например, думаете вы, отчего солнце прежде восходит, а потом заходит, а не наоборот?

– Странный вы человек, ваше превосходительство; но ведь и вы прежде встаете, идете в департамент, там пишете, а потом ложитесь спать?

– Но отчего же не допустить такую перестановку: сперва ложусь спать, вижу различные сновидения, а потом встаю?

– Гм… да… А я, признаться, как служил в департаменте, всегда так думал: «Вот теперь утро, а потом будет день, а потом подадут ужинать – и спать пора!»

Но упоминание об ужине обоих повергло в уныние и пресекло разговор в самом начале.

– Слышал я от одного доктора, что человек может долгое время своими собственными соками питаться, – начал опять один генерал.

– Как так?

– Да так-с. Собственные свои соки будто бы производят

другие соки, эти, в свою очередь, еще производят соки, и так далее, покуда, наконец, соки совсем не прекратятся…

– Тогда что ж?

– Тогда надобно пищу какую-нибудь принять…

– Тьфу!

Одним словом, о чем бы ни начинали генералы разговор, он постепенно сводился на воспоминания об еде, и это еще более раздражало аппетит. Положили: разговоры прекратить и, вспомнив о найденном нумере «Московских ведомостей», жадно принялись читать его.

«Вчера, – читал взволнованным голосом один генерал, – у почтенного начальника нашей древней столицы был парадный обед. Стол сервирован был на сто персон с роскошью изумительною. Дары всех стран назначили себе как бы рандеву на этом волшебном празднике. Тут была и „шекснинска стерлядь золотая“[7], и питомец лесов кавказских – фазан, и, столь редкая в нашем севере в феврале месяце, земляника…»

– Тьфу ты, Господи! да неужто ж, ваше превосходительство, не можете найти другого предмета? – воскликнул в отчаянии другой генерал и, взяв у товарища газету, прочел следующее:

«Из Тулы пишут: вчерашнего числа, по случаю поимки в реке Упе осетра (происшествие, которого не запомнят даже старожилы, тем более что в осетре был опознан частный пристав, Б.), был в здешнем клубе фестиваль[8]. Виновника торжества внесли на громадном деревянном блюде, обложенного огурчиками и держащего в пасти кусок зелени. Доктор П., бывший в тот же день дежурным старшиною, заботливо наблюдал, дабы все гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая…»

– Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишком осторожны в выборе чтения! – прервал первый генерал и, взяв, в свою очередь, газету, прочел:

«Из Вятки пишут: один из здешних старожилов изобрел следующий оригинальный способ приготовления ухи: взяв живого налима, предварительно его высечь; когда же от огорчения печень его увеличится…»

Генералы поникли головами. Все, на что бы они ни обратили взоры, – все свидетельствовало об еде. Собственные их мысли злоумышляли против них, ибо, как они ни старались отгонять представления о бифштексах, но представления эти пробивали себе путь насильственным образом.

И вдруг генерала, который был учителем каллиграфии, озарило вдохновение…

– А что, ваше превосходительство, – сказал он радостно, –

если бы нам найти мужика?

– То есть как же… мужика?

– Ну да, простого мужика… какие обыкновенно бывают мужики! Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы!

– Гм… мужика… но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

– Как нет мужика – мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!

Мысль эта до того ободрила генералов, что они вскочили как встрепанные и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову без всякого успеха, но наконец острый запах мякинного хлеба и кислой овчины навел их на след. Под деревом, брюхом кверху и подложив под голову кулак, спал громаднейший мужичина и самым нахальным образом уклонялся от работы. Негодованию генералов предела не было.

– Спишь, лежебок! – накинулись они на него, – небось и ухом не ведешь, что тут два генерала вторые сутки с голода умирают! сейчас марш работать!

Встал мужичина: видит, что генералы строгие. Хотел было дать от них стречка, но они так и закоченели, вцепившись в него.

И зачал он перед ними действовать.

Полез сперва-наперво на дерево и нарвал генералам по десятку самых спелых яблоков, а себе взял одно, кислое. Потом покопался в земле – и добыл оттуда картофелю; потом взял два куска дерева, потер их друг об дружку – и извлек огонь. Потом из собственных волос сделал силок и поймал рябчика. Наконец, развел огонь и напек столько разной провизии, что генералам пришло даже на мысль: «Не дать ли и тунеядцу частичку?»

Смотрели генералы на эти мужицкие старания, и сердца у них весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли с голоду, а думали: «Вот как оно хорошо быть генералами – нигде не пропадешь!»

– Довольны ли вы, господа генералы? – спрашивал между тем мужичина-лежебок.

– Довольны, любезный друг, видим твое усердие! – отвечали генералы.

– Не позволите ли теперь отдохнуть?

– Отдохни, дружок, только свей прежде веревочку.

Набрал сейчас мужичина конопли, размочил в воде, поколотил, помял – и к вечеру веревка была готова. Этою веревкою генералы привязали мужичину к дереву, чтоб не убег, а сами легли спать.

Прошел день, прошел другой; мужичина до того изловчился,

что стал даже в пригоршне суп варить. Сделались наши генералы веселые, рыхлые, сытые, белые. Стали говорить, что вот здесь они на всем готовом живут, а в Петербурге между тем пенсии ихние всё накапливаются да накапливаются.

– А как вы думаете, ваше превосходительство, в самом ли деле было Вавилонское столпотворение[9] или это только так, одно иносказание? – говорит, бывало, один генерал другому, позавтракавши.

– Думаю, ваше превосходительство, что было в самом деле, потому что иначе как же объяснить, что на свете существуют разные языки?

– Стало быть, и потоп был?

– И потоп был, потому что в противном случае как же было бы объяснить существование допотопных зверей? Тем более что в «Московских ведомостях» повествуют…

– А не почитать ли нам «Московских ведомостей»?

Сыщут нумер, усядутся под тенью, прочтут от доски до доски, как ели в Москве, ели в Туле, ели в Пензе, ели в Рязани, – и ничего, не тошнит!

Долго ли, коротко ли, однако генералы соскучились. Чаще и чаще стали они припоминать об оставленных ими в Петербурге кухарках и втихомолку даже поплакивали.

– Что-то теперь делается в Подьяческой, ваше превосходительство? – спрашивал один генерал другого.

– И не говорите, ваше превосходительство! Все сердце изныло! – отвечал другой генерал.

– Хорошо-то оно хорошо здесь – слова нет! А все, знаете, как-то неловко барашку без ярочки! Да и мундира тоже жалко!

– Еще как жалко-то! особливо как четвертого класса[10], так на одно шитье посмотреть, голова закружится!

И начали они нудить мужика: представь да представь их в Подьяческую! И что ж! оказалось, что мужик знает даже Подьяческую, что он там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало!

– А ведь мы с Подьяческой генералы! – обрадовались генералы.

– А я, коли видели: висит человек снаружи дома, в ящике на веревке, и стену краской мажет, или по крыше, словно муха, ходит – это он самый я и есть! – отвечал мужик.

И начал мужик на бобах разводить, как бы ему своих генералов порадовать за то, что они его, тунеядца, жаловали и мужицким его трудом не гнушалися! И выстроил он корабль не корабль, а такую посудину, чтоб можно было океан-море переплыть вплоть до самой Подьяческой.

– Ты смотри, однако, каналья, не утопи нас! – сказали генералы, увидев покачивавшуюся на волнах ладью.

– Будьте покойны, господа генералы, не впервой! – отвечал мужик и стал готовиться к отъезду.

Набрал мужик пуху лебяжьего мягкого и устлал им дно лодочки. Устлавши, уложил на дно генералов и, перекрестившись, поплыл. Сколько набрались страху генералы во время пути от бурь да от ветров разных, сколько они ругали мужичину за его тунеядство – этого ни пером описать, ни в сказке сказать. А мужик все гребет да гребет да кормит генералов селедками.

Вот наконец и Нева-матушка, вот и Екатерининский славный канал, вот и Большая Подьяческая! Всплеснули кухарки руками, увидевши, какие у них генералы стали сытые, белые да веселые! Напились генералы кофею, наелись сдобных булок и надели мундиры. Поехали они в казначейство, и сколько денег тут загребли – того ни в сказке сказать, ни пером описать!

Однако и об мужике не забыли: выслали ему рюмку водки да пятак серебра – веселись, мужичина!

Вопросы и задания

1. Почему сказка о двух генералах названа автором «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил»? Что в этом произведении от жанра сказки? Почему в сборнике сказок оказалась повесть?

2. Определите важнейшие элементы композиции сказки. Есть ли в ней экспозиция? Какой эпизод вы считаете завязкой? Какой – кульминацией? Какой – развязкой?

3. Есть ли в сказке эпилог или сюжет обрывается на развязке?

1. Какие слова в этом произведении пришли из языка народных сказок, а какие из словаря канцелярий, в которых служили генералы? Попробуйте создать «Краткий словарь генералов из сказки».

2. Можно ли создать словарик тех слов, которые произнес мужик?

3. Какие художественные приемы более всего важны в этой сказке?

4. В каких произведениях вы встречали гротеск как ведущий прием изображения героев?

1. Создайте устные портреты генералов из сказки. Почему так трудно уловить их различие? Как вы объясните такой прием изображения героев?

2. Подготовьте рассказ о мужике, которому удалось двух генералов прокормить.

3. Подготовьте исполнение в лицах одного из диалогов этой сказки, предварительно оговорив характер исполнения каждой роли.

Марк Твен (1835–1910)

Марк Твен (Сэмюэл Ленгхорн Клеменс) создал замечательные повести «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна», которые познакомили вас с атмосферой его детства. Конечно, автобиографические произведения не воспроизводят в точности фактов жизни автора, но общее представление о судьбе ребенка и подростка дают прекрасное.

Смерть отца, ранняя самостоятельность, десятки профессий и несгибаемый характер сформировали блестящего писателя. Широкую известность ему принес забавный рассказ на фольклорной основе: «Знаменитая скачущая лягушка из Калавераса». Путешествие в Европу и Палестину стало основой юмористических репортажей, из которых потом была создана книга «Простаки за границей». Успех книги обеспечил автору вступление в большую литературу.

Интерес к современной Твену Америке и к далеким временам Средневековья («Янки при дворе короля Артура») показал нам писателя с широкими и отчетливо выраженными интересами. Он был активным человеком своего времени. Об этом свидетельствует все его творчество. При огромной популярности Марк Твен все же не смог полностью реализовать свой талант. Немалая часть его произведений была опубликована только после смерти писателя.

Как я редактировал сельскохозяйственную газету

Не без опасения взялся я временно редактировать сельскохозяйственную газету. Совершенно так же, как простой смертный, не моряк, взялся бы командовать кораблем. Но я был в стесненных обстоятельствах, и жалованье было бы мне весьма кстати. Редактор уезжал в отпуск, я согласился на предложенные им условия и занял его место.

Чувство, что я опять работаю, доставляло мне такое наслаждение, что я всю неделю трудился не покладая рук. Мы сдали номер в печать, и я едва мог дождаться конца дня – так мне не терпелось узнать, какое впечатление произведут мои труды на читателя. Когда я уходил из редакции под вечер, мальчишки и взрослые, стоявшие у крыльца, рассыпались кто куда, уступая мне дорогу, и я услышал, как один из них сказал: «Это он!» Вполне естественно, я был польщен. Наутро, когда я шел в редакцию, я

увидел у крыльца такую же кучку зрителей, а кроме того, люди парами и поодиночке стояли на мостовой и на противоположном тротуаре, с интересом глядя на меня. Толпа отхлынула назад и расступилась передо мной, а один из зрителей сказал довольно громко: «Смотрите, какие у него глаза!» Я сделал вид, что не замечаю всеобщего внимания, но втайне был польщен и даже решил написать об этом своей тетке.

Я поднялся на невысокое крыльцо и, подходя к двери, услышал веселые голоса и раскаты хохота. Открыв дверь, я мельком увидел двух молодых людей, судя по одежде – фермеров, которые побледнели и разинули рты при моем появлении. Они с грохотом выскочили в окно, разбив стекла. Меня это удивило.

Приблизительно через полчаса вошел какой-то почтенный старец с длинной развевающейся бородой и благообразным, но довольно суровым лицом. Я пригласил его садиться. Он, по-видимому, был чем-то расстроен. Он снял шляпу и, поставив ее на пол, извлек из кармана красный шелковый платок и последний номер нашей газеты.

Он разложил газету на коленях и, протирая очки платком, спросил:

– Это вы и есть новый редактор?

Я сказал, что да.

– Вы когда-нибудь редактировали сельскохозяйственную газету?

– Нет, – сказал я, – это мой первый опыт.

– Я так и думал. А сельским хозяйством вы когда-нибудь занимались?

– Н-нет, сколько помню, не занимался.

– Я это почему-то предчувствовал, – сказал почтенный старец, надевая очки и взглядывая на меня поверх очков довольно строго. Он сложил газету поудобнее. – Я желал бы прочитать вам строки, которые внушали мне такое предчувствие. Вот эту самую передовицу. Послушайте и скажите, не вы ли это написали?

«Брюкву не следует рвать руками, от этого она портится. Лучше послать мальчика, чтобы он залез на дерево и потряс его».

– Ну-с, что вы об этом думаете? Что вы имели в виду, когда вы это писали?

– Что думаю? Я думаю, что это неплохо. Думаю, что это не лишено смысла. Нет никакого сомнения, что в одном только нашем округе целые миллионы бушелей брюквы пропадают из-за того, что ее рвут недозрелой, а если бы послали мальчика потрясти дерево…

– Потрясите вашу бабушку! Брюква не растет на дереве!

– Ах, вот как, не растет? Ну, а кто же говорил, что растет? Это

надо понимать в переносном смысле, исключительно в переносном. Всякий, кто хоть сколько-нибудь смыслит в деле, поймет, что я хотел сказать «потрясти куст».

Тут почтенный старец вскочил с места, разорвал газету на мелкие клочки, растоптал ногами, разбил палкой несколько предметов, сказал, что я смыслю в сельском хозяйстве не больше коровы, и выбежал из редакции, сильно хлопнув дверью. Вообще он вел себя так, что мне показалось, будто он чем-то недоволен. Но, не зная в чем дело, я не мог ему помочь.

Вскоре после этого в редакцию ворвался длинный, похожий на мертвеца субъект с жидкими космами волос, висящими до плеч, с недельной щетиной на всех выступах и впадинах физиономии и замер на пороге, приложив палец к губам. Наклонившись всем телом вперед, он словно прислушивался к чему-то.

Не слышно было ни звука. Но он все-таки прислушивался. Ни звука. Тогда он повернул ключ в замочной скважине, осторожно ступая, на цыпочках подошел ко мне, остановился несколько поодаль и долго всматривался мне в лицо с живейшим интересом, потом извлек из кармана сложенный вчетверо номер моей газеты и сказал:

– Вот вы это написали. Прочтите мне вслух, скорее! Облегчите мои страдания. Я изнемогаю.

Я прочел нижеследующие строки, и, по мере того как слова срывались с моих губ, страдальцу становилось все легче. Я видел, как скорбные морщины на его лице постепенно разглаживались, тревожное выражение исчезало, и, наконец, его черты озарились миром и спокойствием, как озаряется кротким сиянием луны унылый пейзаж.

> «Гуано – ценная птица, но ее разведение требует больших хлопот. Ее не следует ввозить раньше июня и позже сентября. Зимой ее нужно держать в тепле, чтобы она могла высиживать птенцов».
>
> «По-видимому, в этом году следует ожидать позднего урожая зерновых. Поэтому фермерам лучше приступить к высаживанию кукурузных початков и посеву гречневых блинов с июля, а не с августа».
>
> «О тыкве. Эта ягода является любимым лакомством жителей Новой Англии; они предпочитают ее крыжовнику для начинки пирогов и используют вместо малины для откорма скота, так как она более питательна, не уступая в то же время малине по качеству. Тыква – единственная съедобная

разновидность семейства апельсиновых, произрастающая на севере, если не считать гороха и двух-трех сортов дыни. Однако обычай сажать тыкву перед домом в качестве декоративного растения выходит из моды, так как теперь всеми признано, что она дает мало тени».

«В настоящее время, когда близится жаркая пора и гусаки начинают метать икру…»

Взволнованный слушатель подскочил ко мне, пожал мне руку и сказал:

– Будет, будет, этого довольно. Теперь я знаю, что я в своем уме: вы прочли так же, как прочел я, слово в слово. А сегодня утром, сударь, когда я увидел вашу газету впервые, я сказал себе: «Я никогда не верил этому прежде, хотя друзья и не выпускали меня из-под надзора, но теперь знаю: я не в своем уме». После этого я испустил дикий вопль, так что слышно было за две мили, и побежал убить кого-нибудь: все равно, раз я сумасшедший, до этого дошло бы рано или поздно, так уж лучше не откладывать. Я перечел один абзац из вашей статьи, чтобы убедиться наверняка, что я не в своем уме, потом поджег свой дом и убежал. По дороге я изувечил несколько человек, а одного загнал на дерево, чтобы был под рукой, когда понадобится. Но, проходя мимо вашей редакции, я решил все-таки зайти и проверить себя еще раз; теперь я проверил, и это просто счастье для того бедняги, который сидит на дереве. Я бы его непременно убил, возвращаясь домой. Прощайте, сударь, всего хорошего, вы сняли тяжкое бремя с моей души. Если мой рассудок выдержал ваши сельскохозяйственные статьи, то ему уже ничто повредить не может. Прощайте, всего хорошего.

Меня несколько встревожили увечья и поджоги, которыми развлекался этот субъект, тем более что я чувствовал себя до известной степени причастным к делу. Но я недолго об этом раздумывал – в комнату вошел редактор! (Я подумал про себя: «Вот если б ты уехал в Египет, как я тебе советовал, у меня бы еще была возможность показать, на что я способен. Но ты не пожелал и вернулся. Ничего другого от тебя нельзя ожидать».)

Вид у редактора был грустный, унылый и расстроенный.

Он долго обозревал разгром, произведенный старым скандалистом и молодыми фермерами, потом сказал:

– Печально, очень печально. Разбиты бутылка с клеем, шесть оконных стекол, плевательница и два подсвечника. Но это еще не самое худшее. Погибла репутация газеты, и боюсь, что навсегда. Правда, на нашу газету никогда еще не было такого спроса, она никогда не расходилась в таком количестве и никогда не

пользовалась таким успехом, но кому же охота прослыть свихнувшимся и наживаться на собственном слабоумии? Друг мой, даю вам слово честного человека, что улица полна народа, люди сидят даже на заборах, дожидаясь случая хотя бы одним глазком взглянуть на вас; а все потому, что считают вас сумасшедшим. И они имеют на это право – после того как прочитали ваши статьи. Эти статьи – позор для журналистики. И с чего вам взбрело в голову, будто вы можете редактировать сельскохозяйственную газету? Вы, как видно, не знаете даже азбуки сельского хозяйства. Вы не отличаете бороны от борозды; коровы у вас теряют оперение; вы рекомендуете приручать хорьков, так как эти животные отличаются веселым нравом и превосходно ловят крыс! Вы пишете, что устрицы ведут себя спокойно, пока играет музыка, но это замечание излишне, совершенно излишне. Устрицы всегда спокойны. Их ничто не может вывести из равновесия. Устрицы ровно ничего не смыслят в музыке. О, гром и молния! Если бы вы поставили целью всей вашей жизни совершенствоваться в невежестве, вы бы не могли отличиться больше, чем сегодня. Я никогда ничего подобного не видел. Одно ваше сообщение, что конский каштан быстро завоевывает рынок как предмет сбыта, способно навеки погубить газету. Я требую, чтобы вы немедленно ушли из редакции. Мне больше не нужен отпуск – я все равно ни под каким видом не мог бы им пользоваться, пока вы сидите на моем месте. Я все время дрожал бы от страха при мысли о том, что именно вы посоветуете читателю в следующем номере газеты. У меня темнеет в глазах, как только вспомню, что вы писали об устричных садках под заголовком «Декоративное садоводство». Я требую, чтобы вы ушли немедленно. Мой отпуск кончен. Почему вы не сказали мне сразу, что ровно ничего не смыслите в сельском хозяйстве?

– Почему не сказал вам, гороховый стручок, капустная кочерыжка, тыквин сын? Первый раз слышу такую глупость. Вот что я вам скажу: я четырнадцать лет работаю редактором и первый раз слышу, что человек должен что-то знать для того, чтобы редактировать газету. Брюква вы этакая! Кто пишет театральные рецензии в захудалых газетках? Бывшие сапожники и недоучившиеся аптекари, которые смыслят в актерской игре ровно столько же, сколько я в сельском хозяйстве. Кто пишет отзывы о книгах? Люди, которые сами не написали ни одной книги. Кто стряпает тяжеловесные передовицы по финансовым вопросам? Проходимцы, у которых никогда не было ни гроша в кармане. Кто пишет о битвах с индейцами? Господа, не отличающие вигвама от вампума[11], которым никогда в жизни не приходилось бежать опрометью, спасаясь от томагавка, или

выдергивать стрелы из тел своих родичей, чтобы развести на привале костер. Кто пишет проникновенные воззвания насчет трезвости и громче всех вопит о вреде пьянства? Люди, которые протрезвятся только в гробу. Кто редактирует сельскохозяйственную газету? Разве такие корнеплоды, как вы? Нет, чаще всего неудачники, которым не повезло по части поэзии, бульварных романов в желтых обложках, сенсационных мелодрам, хроники и которые остановились на сельском хозяйстве, усмотрев в нем временное пристанище на пути к дому призрения. Вы мне что-то толкуете о газетном деле? Мне оно известно от Альфы до Омахи[12], и я вам говорю, что чем меньше человек знает, тем больше он шумит и тем больше требует жалованья. Видит Бог, будь я круглым невеждой и наглецом, а не скромным образованным человеком, я бы завоевал себе известность в этом холодном, бесчувственном мире. Я ухожу, сэр. Вы так со мной обращаетесь, что я даже рад уйти. Но я выполнил свой долг. Насколько мог, я исполнял все, что полагалось по нашему договору. Я сказал, что сделаю вашу газету интересной для всех слоев общества, – и сделал. Я сказал, что увеличу тираж до двадцати тысяч экземпляров, – и увеличил бы, будь в моем распоряжении еще две недели. И я дал вам самый избранный круг читателей, какой только может быть у сельскохозяйственной газеты, – среди них нет ни одного фермера, среди них не найдется ни одного человека, который мог бы отличить дынный куст от персиковой лозы даже ради спасения собственной жизни. Вы теряете от нашего разрыва, а не я. Прощайте, арбузное дерево!

И я ушел.

Вопросы и задания

▸**1.** Как вы определите жанр этого произведения: репортаж с места события, юмористический рассказ, воскресный фельетон, сатирический очерк или иначе?

2. Какие эпизоды в рассказе более всего запомнились?

3. Перечислите активных собеседников редактора газеты и попробуйте охарактеризовать каждого из них.

▸▸▸**1.** Охарактеризуйте редактора, который сумел найти себе такую достойную замену.

2. Завершите наблюдения характеристикой героя рассказа – начинающего редактора сельскохозяйственной газеты.

3. В последнем монологе многообещающего редактора есть утверждения, которые вполне перекликаются с живой практикой сегодняшнего дня. Прочитайте его и попробуйте оспорить или подтвердить правильность его суждений.

4. Какие художественные приемы, свойственные сатире, наиболее активно использованы в этом рассказе? Какие из них так же активно использовал в своей сказке Щедрин?

Антон Павлович Чехов (1860–1904)

Это не первая ваша встреча с творчеством Чехова. Наверное, вам памятны его рассказы и, может быть, спектакли и кинофильмы, созданные по его произведениям.

Чехов рос в Таганроге. Отец его, купец третьей гильдии, был человеком талантливым, увлекающимся и при этом неудачливым коммерсантом. Он руководил церковным хором, искал и находил себе попутно множество других дел, а торговля в собственной лавочке явно не удавалась. Антон еще не закончил гимназию, когда семья была вынуждена, скрываясь от кредиторов, тайком перебраться в Москву. Будущий писатель доучивался и зарабатывал на жизнь репетиторством. Трудные, унизительные полунищие годы окончания гимназии сменились заботой о куске хлеба не только для себя, но и для всей семьи, когда он переехал в Москву и поступил на медицинский факультет Московского университета. Параллельно с учебой шло творчество – вопреки всем обстоятельствам веселое и искрометное. Чехов выступал с короткими, забавными и веселыми юмористическими произведениями. Ведь именно ему принадлежит афоризм «Краткость – сестра таланта».

Антон Павлович Чехов – один из тех писателей, короткая жизнь которого оставила память добрую и грустную. «Молодое веселье» в его творчестве быстро сменилось серьезным раздумьем о нашей жизни. Об одной из первых книг начинающего писателя очень точно сказал В. Г. Короленко: «Вся книга сверкала… весельем… неподдельным остроумием и необыкновенной сжатостью и силой изображения. А нотки задумчивости… и особенной, только Чехову свойственной печали… еще больше оттеняли молодое веселье этих рассказов».

Искрометный чеховский юмор чувствуется в его авторском определении жанра ранних произведений. В первых сборниках мы часто встречаемся не только с жанром рассказа, но и с такими необычными жанровыми определениями, как «водевильное происшествие», «нечто романообразное», «психологический этюд», «новогодняя побрехушка», «письмо издалека», «сценка», «роман в одной части с эпилогом» (а в «романе» всего четыре страницы)… Все эти обозначения жанров автор предлагает в качестве подзаголовка. Вы и дальше будете сталкиваться с тем, как своеобразно понимает Чехов жанр многих своих произведений. Можно считать, что жанровое обозначение – один

из приемов, привлекающих внимание читателя, еще одна шутка, придуманная автором.

Первые произведения, в которых писатель заявил о себе, появились очень рано. В 1878 году в журнале «Стрекоза» напечатано произведение Чехова «Кому платить» под псевдонимом «Юный старец». Это была **юмореска – небольшое по размерам шуточное произведение**.

Юморески могут создаваться и в прозе и в стихах. В словарях часто приводят стихотворную юмореску Пушкина:

Глухой глухого звал к суду глухого.
Глухой кричал: «Моя им сведена корова». —
«Помилуй, – возопил глухой тому в ответ, —
Сей пустошью владел еще покойный дед!»
Судья решил: «Почто ж идти вам брат на брата,
Не тот и не другой, а девка виновата».
А теперь познакомьтесь с юморесками Чехова.

Жалобная книга

Лежит она, эта книга, в специально построенной для нее конторке на станции железной дороги. Ключ от конторки «хранится у станционного жандарма», на деле же никакого ключа не нужно, так как конторка всегда отперта. Раскрывайте книгу и читайте:

«Милостивый государь! Проба пера!?»

Под этим нарисована рожица с длинным носом и рожками. Под рожицей написано:

«Ты картина, я портрет, ты скотина, а я нет. Я – морда твоя».

«Подъезжая к сией станцыи и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа. И. Ярмонкин».

«Кто писал, не знаю, а я дурак читаю».

«Оставил память начальник стола претензий Коловроев».

«Приношу начальству мою жалобу на Кондуктора Кучкина за его грубости в отношении моей жене. Жена моя вовсе не шумела, а напротив старалась, чтоб все было тихо. А также и насчет жандарма Клятвина, который меня грубо за плечо взял. Жительство имею в имении Андрея Ивановича Ищеева, который знает мое поведение. Конторщик Самолучшев».

«Никандров социалист!»

«Находясь под свежим впечатлением возмутительного

поступка… (зачеркнуто). Проезжая через эту станцию, я был возмущен до глубины души следующим… (зачеркнуто). На моих глазах произошло следующее возмутительное происшествие, рисующее яркими красками наши железнодорожные порядки… (далее все зачеркнуто, кроме подписи). Ученик 7-го класса Курской гимназии Алексей Зудьев».

«В ожидании отхода поезда обозревал физиогномию начальника станции и остался ею весьма недоволен. Объявляю о сем по линии. Неунывающий дачник».

«Я знаю, кто это писал. Это писал М. Д.».

«Господа! Тельцовский шуллер!»

«Жандармиха ездила вчера с буфетчиком Костькой за реку. Желаем всего лучшего. Не унывай, жандарм!»

«Проезжая через станцию и будучи голоден в рассуждении чего бы покушать, я не мог найти постной пищи. Дьякон Духов».

«Лопай, что дают»…

«Кто найдет кожаный портсигар, тот пущай отдаст в кассу Андрею Егорычу».

«Так как меня прогоняют со службы, будто я пьянствую, то объявляю, что все вы мошенники и воры. Телеграфист Козьмодемьянский».

«Добродетелью украшайтесь».

«Катенька, я вас люблю безумно!»

«Прошу в жалобной книге не писать посторонних вещей. За начальника станции Иванов 7-й».

«Хоть ты и седьмой, а дурак».

Вопросы и задания

1. Сколько «авторов» вы сможете насчитать на страницах этой жалобной книги?

2. Попробуйте подсчитать количество ошибок в записях. Можно даже решить, каких ошибок в них больше.

3. Каков жанр «Жалобной книги»? А как вы оцениваете само название книги? Ведь все привыкли к тому, что испокон веков существуют книги жалоб и предложений. Заметили ли вы необычность ее названия, когда стали читать это произведение?

4. Какая из записей подходит к категории «жалоба»? Как же назвать все остальные записи? Придумайте им название позабавней, чтобы выдержать жанр юморески.

5. У каких записей обозначены профессии авторов?

Как они отразились в характере жалоб?

⏩**1.** Напишите юмористический рассказ, в основе которого будет «Жалобная книга» с современными записями.

Хирургия

Земская больница. За отсутствием доктора, уехавшего жениться, больных принимает фельдшер Курятин, толстый человек лет сорока, в поношенной чесунчовой жакетке и в истрепанных триковых брюках. На лице выражение чувства долга и приятности. Между указательным и средним пальцами левой руки – сигара, распространяющая зловоние.

В приемную входит дьячок Вонмигласов, высокий, коренастый старик в коричневой рясе и с широким кожаным поясом. Правый глаз с бельмом и полузакрыт, на носу бородавка, похожая издали на большую муху. Секунду дьячок ищет глазами икону и, не найдя таковой, крестится на бутыль с карболовым раствором, потом вынимает из красного платочка просфору[13] и с поклоном кладет ее перед фельдшером.

– А-а-а… мое вам! – зевает фельдшер. – С чем пожаловали?

– С воскресным днем вас, Сергей Кузьмич… К вашей милости… Истинно и правдиво в Псалтыри сказано, извините: «Питие мое с плачем растворях». Сел намедни со старухой чай

пить и – ни Боже мой, ни капельки, ни синь-порох, хоть ложись да помирай… Хлебнешь чуточку – и силы моей нет! А кроме того, что в самом зубе, но и всю эту сторону… Так и ломит, так и ломит! В ухо отдает, извините, словно в нем гвоздик или другой какой предмет: так и стреляет, так и стреляет! Согрешихом и беззаконновахом… Студными бо окалях душу грехми и в лености житие мое иждих… За грехи, Сергей Кузьмич, за грехи! Отец иерей после литургии упрекает: «Косноязычен ты, Ефим, и гугнив стал. Поёшь, и ничего у тебя не разберешь». А какое, судите, тут пение, ежели рта раскрыть нельзя, все распухши, извините, и ночь не спавши…

– М-да… Садитесь… Раскройте рот!

Вонмигласов садится и раскрывает рот.

Курятин хмурится, глядит в рот и среди пожелтевших от времени и табаку зубов усматривает один зуб, украшенный зияющим дуплом.

– Отец диакон велели водку с хреном прикладывать – не помогло. Гликерия Анисимовна, дай Бог им здоровья, дали на руку ниточку носить с Афонской горы да велели теплым молоком зуб полоскать, а я, признаться, ниточку-то надел, а в отношении молока не соблюл: Бога боюсь, пост…

– Предрассудок… (Пауза.) Вырвать его нужно, Ефим Михеич!

– Вам лучше знать, Сергей Кузьмич. На то вы и обучены, чтоб это дело понимать как оно есть, что вырвать, а что каплями или прочим чем… На то вы, благодетели, и поставлены, дай Бог вам здоровья, чтоб мы за вас денно и нощно, отцы родные… по гроб жизни…

– Пустяки… – скромничает фельдшер, подходя к шкафу и роясь в инструментах. – Хирургия – пустяки… Тут во всем привычка, твердость руки… Раз плюнуть… Намедни тоже, вот как и вы, приезжает в больницу помещик Александр Иваныч Египетский… Тоже с зубом… Человек образованный, обо всем расспрашивает, во все входит, как и что. Руку пожимает, по имени и отчеству… В Петербурге семь лет жил, всех профессоров перенюхал. Долго мы с ним тут… Христом-Богом молит: вырвите вы мне его, Сергей Кузьмич! Отчего же не вырвать? Вырвать можно. Только тут понимать надо, без понятия нельзя… Зубы разные бывают. Один рвешь щипцами, другой козьей ножкой, третий ключом… Кому как.

Фельдшер берет козью ножку, минуту смотрит на нее вопросительно, потом кладет и берет щипцы.

– Ну-с, раскройте рот пошире… – говорит он, подходя с щипцами к дьячку. – Сейчас мы его… тово… Раз плюнуть… Десну подрезать только… тракцию сделать по вертикальной оси… и

все… (подрезывает десну) и все…

– Благодетели вы наши… Нам, дуракам, и невдомек, а вас Господь просветил…

– Не рассуждайте, ежели у вас рот раскрыт… Этот легко рвать, а бывает так, что одни только корешки… Этот – раз плюнуть… (накладывает шипцы). Постойте, не дергайтесь… Сидите неподвижно… В мгновение ока… (Делает тракцию.) Главное, чтоб поглубже взять (тянет)… чтоб коронка не сломалась…

– Отцы наши… Мать Пресвятая… Ввв…

– Не тово… не тово… как его? Не хватайте руками! Пустите руки! (Тянет.) Сейчас… Вот, вот… Дело-то ведь не легкое…

– Отцы… радетели… (Кричит.) Ангелы! Ого-го… Да дергай же, дергай! Чего пять лет тянешь?

– Дело-то ведь… хирургия… Сразу нельзя… Вот, вот…

Вонмигласов поднимает колени до локтей, шевелит пальцами, выпучивает глаза, прерывисто дышит… На багровом лице его выступает пот, на глазах слезы. Курятин сопит, топчется перед дьячком и тянет… Проходят мучительнейшие полминуты – и щипцы срываются с зуба. Дьячок вскакивает и лезет пальцами в рот. Во рту нащупывает он зуб на старом месте.

– Тянул! – говорит он плачущим и в то же время насмешливым голосом. – Чтоб тебя так на том свете потянуло! Благодарим покорно! Коли не умеешь рвать, так не берись! Света Божьего не вижу…

– А ты зачем руками хватаешь? – сердится фельдшер. – Я тяну, а ты мне под руку толкаешь и разные глупые слова… Дура!

– Сам ты дура!

– Ты думаешь, мужик, легко зуб-то рвать? Возьмись-ка! Это не то, что на колокольню полез да в колокола отбарабанил! (Дразнит.) «Не умеешь, не умеешь!» Скажи, какой указчик нашелся! Ишь ты… Господину Египетскому, Александру Иванычу, рвал, да и тот ничего, никаких слов… Человек почище тебя, а не хватал руками… Садись! Садись, тебе говорю!

– Света не вижу… Дай дух перевести… Ох! (Садится.) Не тяни только долго, а дергай. Ты не тяни, а дергай… Сразу!

– Учи ученого! Экий, Господи, народ необразованный! Живи вот с этакими, очумеешь! Раскрой рот… (Накладывает щипцы.) Хирургия, брат, не шутка… Это не на клиросе[14] читать… (Делает тракцию.) Не дергайся… Зуб, выходит, застарелый, глубоко корни пустил… (Тянет.) Не шевелись… Так, так… Не шевелись… Ну, ну… (Слышен хрустящий звук.) Так и знал!

Вонмигласов сидит минуту неподвижно, словно без чувств. Он ошеломлен… Глаза его тупо глядят в пространство, на

бледном лице пот.

– Было б мне козьей ножкой… – бормочет фельдшер. – Этакая оказия!

Придя в себя, дьячок сует в рот пальцы и на месте больного зуба находит два торчащих выступа.

– Парршивый черт… – выговаривает он. – Насажали вас здесь, иродов, на нашу погибель!

– Поругайся мне еще тут… – бормочет фельдшер, кладя в шкаф щипцы. – Невежа… Мало тебя в бурсе березой потчевали… Господин Египетский, Александр Иваныч, в Петербурге лет семь жил… образованность… один костюм рублей сто стоит… да и то не ругался… А ты что за пава такая? Ништо тебе, не околеешь!

Дьячок берет со стола свою просфору и, придерживая щеку рукой, уходит восвояси…

Вопросы и задания

1. Какие основания позволяют назвать это произведение юмореской?

2. При издании произведения в журнале Чехов дал подзаголовок «Сценка», но при последующих изданиях этот подзаголовок он снял. Как вы объясните такое решение?

3. В гимназические годы сценка у зубного врача была одной из излюбленных импровизаций братьев Чеховых. Обычно Антон изображал врача, а брат Александр пациента. «Хирург» вооружался щипцами для углей, и начиналась «операция», пользовавшаяся неизменным успехом у зрителей. Что в юмореске сохранилось от этой сценки-импровизации?

1. Какие художественные приемы вы заметили при чтении? Какие из них помогли бы вам, если вы захотите повторить сценку, которую исполняли братья Чеховы?

1. Попробуйте не только пересказать сюжет, но и охарактеризовать героев произведения.

Портрет героя в художественных произведениях разных жанров

Обычно под портретом мы понимаем изображение внешности героя и его индивидуальных качеств: черты лица, фигура, поза, мимика, жесты, одежда… Все эти элементы описания являются средствами характеристики героя.

Вы уже знаете, что фольклор не знал индивидуального психологического портрета. В эпических жанрах древнерусской литературы он также отсутствовал.

И в романтических произведениях вы видите тот портрет, процесс создания которого осмеял Гоголь: «…бросай краски со всей руки на полотно: черные палящие глаза, нависшие брови, перерезанный морщиною лоб, перекинутый через плечо черный или алый, как огонь, плащ – и портрет готов».

А теперь вспомните строки из стихотворения «Портреты» Лермонтова:

Он не красив, он не высок;
Но взор горит, любовь сулит;
И на челе оставил рок
Средь юных дней печать страстей.
Власы на нем как смоль черны,
Бледны всегда его уста…

Мы видим, что в стихотворении перед нами достаточно полно обрисованный романтический портрет. В то же время в поэме «Мцыри» такого развернутого описания героя нет: он возникает в фантазии читателя при наблюдении за стремительной сменой событий. Особенно очевидно это в сцене схватки с барсом.

Наверное, можно сделать вывод, что портрет героя зависит от

замысла автора.

Вопросы и задания

⏩**1.** Назовите последнее прочитанное вами произведение и решите, какие портреты вы в нем увидели: романтические или реалистические.

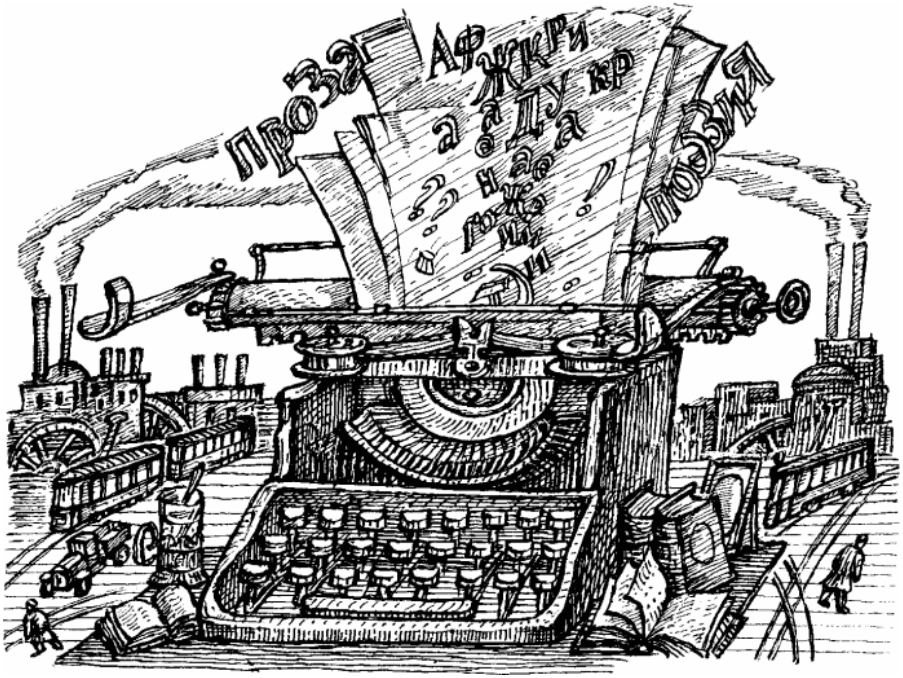
2. Какие портреты, созданные писателями и поэтами, представляются вам черно-белыми? Какие вы «видите» в цвете?

3. Какие портреты – созданные художниками (живопись, графика) или писателями – вам больше запоминаются? Как вы это объясните?

4. Какой портрет героя художественного произведения отчетливей всего сохранился в вашей памяти?

Литература XX века

Сонет. Роман. Повесть. Рассказ. Эссе. Пародия.


проза
поэзия

Жанры эпоса, лирики и драмы в произведениях XX века

XX век – век грозный и стремительный. Техническая революция принесла с собой быстрый рост производства, его расширение требовало все новых и новых кадров. Неграмотный рабочий не мог справиться со сложными технологиями. Всеобщая грамотность в развитых странах стала необходимостью и реальностью.

Создавались новые формы коммуникации. Рождались новые виды искусства. Появилось кино, затем телевидение. Вновь возникшие искусства были тесно связаны с теми, которые уже существовали.

Как же эти серьезные изменения отразились на искусстве слова, на его родах и жанрах? Роды – эпос, лирика и драма сохранились, как и большинство известных ранее жанров. Однако вокруг некоторых жанров до сих пор возникают споры. Наверное,

полемике суждено продолжиться и в XXI веке. Таков, например, многолетний спор о романе и даже о том, жив ли он или уже умер. Литературное творчество – всегда новаторство. Поэтому постоянно появляются проблемы, связанные как со старыми, так и с новыми жанрами.

В разделе учебника, посвященном литературе XX века, вы познакомитесь с некоторыми из лучших произведений искусства слова, созданных в этом столетии. Надеемся, что они помогут вам определиться со своими вкусами, взглядами, пристрастиями.

Как читатели вы давно имеете свой взгляд на любимые книги и любимые жанры в каждом из трех родов литературы: эпосе, лирике и драме. Сведения о жанрах расширят ваш читательский кругозор, сделают размышления о литературе более содержательными и помогут в выборе книг для чтения.

В конце XIX – начале XX века стремительно росло количество новых жанров, активно использовались возможности старых жанров. Знакомство с произведениями начала века убедит вас в эстетической яркости этого процесса. Богатство содержания тесно связано с новизной формы, с характером использования традиций.

Среди родов литературы именно лирика быстрее всего откликается на запросы времени. Обратимся к творчеству нескольких поэтов. Они – главные деятели того периода русской поэзии, который был назван «серебряным веком».

Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924)

Брюсов считается одним из создателей поэтической культуры России начала XX века, соединившим в своем творчестве новейшие искания с заветами классиков. Поэзия была его призванием. Он начинает писать стихи с восьми лет, а уже в одиннадцать лет появляется первая публикация его поэтических опытов. «Страсть моя к литературе все возрастала. Беспрестанно начинал я все новые произведения… Я перепробовал все формы – сонеты, терцины, октавы, триолеты, рондо, все размеры. Я писал драмы, рассказы, романы… Каждый день увлекал меня все дальше. На пути в гимназию я обдумывал новые произведения, вечером, вместо того чтобы учить уроки, я писал…» – вспоминал Брюсов.

Сейчас нам предстоит выяснить, каково отношение поэта к старым, давно известным жанрам. Для этого познакомимся с оглавлением одной из его лучших книг «Urbi et orbi» (в переводе с латыни ее название звучит так: «Граду и миру»). С этого

высказывания всегда начинается обращение папы римского к слушателям – это формула его благословения, распространяющаяся на весь мир. В автобиографии Брюсов писал: «…Заглавием я хотел сказать, что обращаюсь не только к тесному „граду“ своих единомышленников, но и ко всему миру русских читателей». В книге есть такие разделы: «Песни», «Думы», «Элегии», «Сонеты», «Терцины», «Баллады», «Оды и послания», «Лирические поэмы». Все это – знакомые жанры лирики.

Валерий Яковлевич Брюсов владел любым жанром, любой формой стиха.

Труд

В мире слов разнообразных,
Что блестят, горят и жгут, —
Золотых, стальных, алмазных, —
Нет священней слова: «труд!»

Троглодит[15] стал человеком
В тот заветный день, когда
Он сошник[16] повел к просекам,
Начиная круг труда.

Все, что пьем мы полной чашей,
В прошлом создано трудом:
Все довольство жизни нашей,
Все, чем красен каждый дом.

Новой лампы свет победный,
Бег моторов, поездов,
Монопланов лет бесследный, —
Все – наследие трудов!

Все искусства, знанья, книги —
Воплощенные труды!
В каждом шаге, в каждом миге
Ясно видны их следы.

И на место в жизни право
Только тем, чьи дни – в трудах:
Только труженикам – слава,
Только им – венок в веках!

Но когда заря смеется,

Встретив позднюю звезду, —
Что за радость в душу льется
Всех, кто бодро встал к труду!

И, окончив день, усталый,
Каждый щедро награжден,
Если труд, хоть скромный, малый,
Был с успехом завершен!

Вопросы и задания

▶**1.** Как вы поняли смысл названия стихотворения?

▶▶**1.** В стихотворении восемь строф, и в каждой из них повторяется слово «труд». Попробуйте дать комментарий к употреблению этого слова во всех четверостишиях.

2. Найдите все эпитеты, которые относятся к слову «труд».

3. Попробуйте прокомментировать фразу: «Все искусства, знанья, книги – Воплощенные труды!»

4. Найдите слова, с которыми рифмуется слово «труд». Что дают эти рифмы для выявления важности темы?

5. Какой размер использован в стихотворении?

▶▶▶**1.** Как вы определите жанр этого стихотворения?

Хвала Человеку

Молодой моряк вселенной,
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, Человек!

По глухим тропам столетий
Ты проходишь с топором,
Целишь луком, ставишь сети.
Торжествуешь над врагом!

Камни, ветер, воду, пламя
Ты смирил своей уздой,

Взвил ликующее знамя
Прямо в купол голубой.

Вечно властен, вечно молод,
В странах Сумрака и Льда,
Петь заставил вещий молот,
Залил блеском города.

Сквозь пустыню и над бездной
Ты провел свои пути,
Чтоб нервущейся, железной
Нитью землю оплести.

В древних вольных Океанах,
Где играли лишь киты,
На стальных левиафанах[17]
Пробежал державно ты.

Змея, жалившего жадно
С неба выступы дубов,
Изловил ты беспощадно,
Неустанный зверолов,

И шипя под хрупким шаром,
И в стекле согнут в дугу,
Он теперь, покорный чарам,
Светит хитрому врагу.

Царь несытый и упрямый
Четырех подлунных царств,
Не стыдясь, ты роешь ямы,
Множишь тысячи коварств, —

Но, отважный, со стихией
После бьешься с грудью грудь,
Чтоб еще над новой выей
Петлю рабства захлестнуть.

Верю, дерзкий! ты поставишь
По Земле ряды ветрил.
Ты своей рукой направишь
Бег планеты меж светил, —

И насельники вселенной,

Те, чей путь ты пересек,
Повторят привет священный:
Будь прославлен, Человек!

Вопросы и задания

▸**1.** Каков жанр этого стихотворения?

▸▸**1.** Какие художественные приемы создают торжественность звучания этого произведения?

2. Как вы объясняете замену названия стихотворения? Первоначально оно называлось «Гимн человеку».

3. Определите роль рифм в строфах стихотворения.

▸▸▸**1.** Сравните девятую строфу в черновом и окончательном вариантах. Что их отличает?

Черновой вариант

Недовольный, ненасытный,
Ты всегда мечтой вдали,
Взор вонзая любопытный
В светы звезд и прах земли…

Окончательный текст

Царь несытый и упрямый
Четырех подлунных царств,
Не стыдясь, ты роешь ямы,
Множишь тысячи коварств…

2. Сравните одиннадцатую строфу в черновом и окончательном вариантах. Что их отличает?

Черновой вариант

Ты когда-нибудь поставишь
Новый парус над Землей
И в пространстве путь направишь
С верной спутницей Луной…

Окончательный вариант

Верю, дерзкий! ты поставишь
По Земле ряды ветрил.
Ты своей рукой направишь
Бег планеты меж светил…

3. Какая фраза дважды повторяется в стихотворении? Как вы объясните повтор?

4. Определите тему этого произведения.

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942)

Бальмонт был из плеяды тех поэтов, которые очень громко и даже скандально заявили о себе. Он не был красив, но обладал необыкновенной притягательной силой, выделяясь из толпы. Вот какие воспоминания оставил писатель И. Эренбург: «Я видел… как в чопорном квартале Парижа – Пасси – прохожие останавливались, завидев Бальмонта, и долго глядели ему вслед. Не знаю, за кого принимали его любопытные рантье, – за русского „prince“, за испанского анархиста или просто за обманувшего бдительность сторожей сумасшедшего. Но их лица долго хранили след недоуменной тревоги, долго они не могли вернуться к прерванной мирной беседе о погоде или о политике в Марокко».

Бунтарь по натуре, Бальмонт был неутомимым тружеником: освоил более пятнадцати языков, объехал весь свет. Среди поездок было и кругосветное путешествие. И при этом он постоянно и одержимо писал. Его лучшие книги: «Горящие здания», «Будем как солнце», «Только любовь». Всего же он создал 35 книг стихов, 20 книг прозы, перевел и написал комментарии к произведениям Байрона, Эдгара По, Оскара Уайльда и многих других писателей и поэтов.

Современник Бальмонта поэт Александр Блок говорил: «Когда слушаешь Бальмонта – слушаешь весну». А сам Бальмонт так определял призвание поэта: «Бог создал мир из ничего. Учись, художник, у него…»

Бог создал мир из ничего…

Бог создал мир из ничего.
Учись, художник, у него, —
И если твой талант крупица,

Соделай с нею чудеса,
Взрасти безмерные леса
И сам, как сказочная птица,
Умчись высоко в небеса,
Где светит вольная зарница,
Где вечный облачный прибой
Бежит по бездне голубой.

Вопросы и задания

1. Как вы понимаете призыв автора, обращенный к художнику?

1. Найдите сравнения в строках стихотворения.

2. Какие художественные приемы, кроме сравнения, использует автор в этом стихотворении?

Игорь Северянин (1887–1941)

Игорь Северянин (Игорь Васильевич Лотарёв), как писали не раз, «высокоодаренный поэт, который… создавал „поэзы“ дурного вкуса». И дело тут не в конкретных неудачах. Облику поэта-пророка, поэта – вершителя дум, который утвердился в нашей литературе, он противопоставил позу самолюбования и самодовольства. При этом Северянин поражал современников обилием изобретенных слов и необычной интонацией стихов, которые он при выступлениях напевал, используя самые несложные мотивы. Яркая и противоречивая фигура поэта заслуживает внимания: он не только создал много прекрасных стихов, но и оказал довольно сильное влияние на поэтов следующих поколений.

Игорь Северянин был изобретателен и в создании новых жанров. Если вы только просмотрите томик его стихов, то увидите там «поэзы», «квадраты квадратов», «рондели» и «самогимн»…

Среди произведений Северянина есть стихи, в которых ставятся проблемы, волнующие современного читателя. Нравственные темы, затрагиваемые поэтом в его лирике, звучат актуально и сегодня.

Не завидуй другу, если друг богаче…

Не завидуй другу, если друг богаче,
Если он красивей, если он умней.
Пусть его достатки, пусть его удачи
У твоих сандалий не сотрут ремней…

Двигайся бодрее по своей дороге,
Улыбайся шире от его удач:
Может быть, блаженство – на твоем пороге,
А его, быть может, ждут нужда и плач.

Плач его слезою! Смейся шумным смехом!
Чувствуй полным сердцем вдоль и поперек!
Не препятствуй другу ликовать успехом:
Это – преступленье! Это – сверхпорок!

Вопросы и задания

▸**1.** Какой совет дает автор своим читателям?

▸▸**1.** Какие художественные приемы делают особенно убедительным совет поэта?

2. Какие слова и выражения кажутся вам отступлением от привычной структуры построения предложений?

3. Какую роль играет повелительная форма в строках стихотворения? Найдите наиболее точное определение.

4. Какие элементы формы стихотворения показались вам непривычными для поэтической речи?

▸▸▸**1.** Как вы могли бы определить жанр этого стихотворения: призыв, приказ, декларация, послание? Найдите свое определение жанру и попробуйте доказать это.

Редьярд Киплинг (1865–1936)

Наверное, вам знакомы герои сказок Редьярда Киплинга: Рикки-Тики-Тави, кошка, которая гуляет сама по себе, и конечно же Маугли. Но этот писатель был известен не столько произведениями для детей, сколько произведениями для

взрослого читателя. Считается, что Киплинг – автор, утверждавший право силы. Такая оценка и не полна и не точна. В его творчестве есть бесспорные достоинства и с точки зрения совсем не агрессивных читателей. Многие любят его за утверждение стойкости, мужества, верности и решительности.

Началом своей всемирной славы Киплинг обязан поэтическим сборникам. Очень популярна его «Баллада о Западе и Востоке» и многие другие поэтические произведения.

Познакомьтесь с двумя переводами (С. Маршака и М. Лозинского) стихотворения Киплинга «If…».

Если

О, если ты спокоен, не растерян,
Когда теряют головы вокруг,
И если ты себе остался верен,
Когда в тебя не верит лучший друг,
И если ждать умеешь без волненья,
Не станешь ложью отвечать на ложь,
Не будешь злобен, став для всех мишенью,
Но и святым себя не назовешь, —

И если ты своей владеешь страстью,
А не тобою властвует она,
И будешь тверд в удаче и в несчастье,
Которым в сущности цена одна,
И если ты готов к тому, что слово
Твое в ловушку превращает плут,
И, потерпев крушенье, можешь снова —
Без прежних сил – возобновить свой труд, —

И если ты способен все, что стало
Тебе привычным, выложить на стол,
Все проиграть и все начать сначала,
Не пожалев того, что приобрел,
И если можешь сердце, нервы, жилы
Так завести, чтобы вперед нестись,
Когда с годами изменяют силы
И только воля говорит: «Держись!» —

И если можешь быть в толпе собою,
При короле с народом связь хранить
И, уважая мнение любое,
Главы перед молвою не клонить,

И если будешь мерить расстоянье
Секундами, пускаясь в дальний бег, —
Земля – твое, мой мальчик, достоянье.
И более того, ты – человек!

Заповедь

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятенье всех,
Верь сам в себя, наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех;
Пусть час не пробил – жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы – не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушней и мудрей других.

Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос лжив;
Останься тих, когда твое же слово
Калечит плут, чтоб уловлять глупцов,
Когда вся жизнь разрушена и снова
Ты должен все воссоздавать с основ.

Умей поставить, в радостной надежде,
На карту все, что накопил с трудом,
Все проиграть и нищим стать, как прежде,
И никогда не пожалеть о том;
Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно все пусто, все сгорело
И только Воля говорит: «Иди!»

Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой;
Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег, —
Тогда весь мир ты примешь во владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

Вопросы и задания

▸**1.** Найдите главные слова в том огромном развернутом предложении, из которого состоит стихотворение в переводе С. Маршака.

2. Сколько раз повторяется слово «если» в переводе Маршака? Какую роль играет этот повтор? Как называется такой художественный прием? Чем он заменен во втором переводе?

3. Сколько нужных человеку качеств перечисляет автор? Какое из них вы назовете главным?

4. Какие художественные приемы, кроме параллелизма, используются в стихотворении?

▸▸▸**1.** Сравните два перевода стихотворения («Если» и «Заповедь»). Какой из них вам кажется более выразительным и ярким?

2. Как вы объясняете выбор названия для каждого из переводов? Какое из них кажется вам более удачным?

Из истории сонета

Литература развивалась, и жанры возникали и старели, рождались и умирали. Лишь немногие жанры пережили столетия, среди них – сонет. **Сонет – самый четко организованный стихотворный жанр, в нем всегда 14 строк. Первые восемь строк – два четверостишия (катрены), последние шесть строк – два трехстишия (терцеты). В каждой из этих четырех частей обязательна завершенность мысли. В первом четверостишии – завязка общей темы, в последнем трехстишии – ее развязка и последняя строка – «сонетный замок» – самое важное для автора суждение.**

Рифмовка катренов может быть двух вариантов: *абба абба* или *абаб абаб.* Терцеты имеют две или три рифмы и различные

варианты рифмовки (например, *ccd eed* или *ccd ede)*.

Все требования должны быть строго соблюдены. Стоит автору добавить в конце три строчки (один терцет), как сонет получает название «хвостатый». Если убирается одно первое четверостишие – «безголовый». Строго нормируется чередование рифм, не допускается повторение слов. Размером в русской и немецкой поэзии может быть только пяти-, шестистопный ямб.

Несмотря на такое обилие требований, сонет процветал столетия. Один из сонетов Пушкина знакомит нас с некоторыми событиями истории сонета.

Сонет
(*Александр Сергеевич Пушкин*)

Scorn not the sonnet, critic.

Wordsworth[18]

Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал,
Игру его любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камоэнс облекал.

И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворт его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.

Под сенью гор Тавриды отдаленной
Певец Литвы в размер его стесненный
Свои мечты мгновенно заключал;
У нас еще его не знали девы,
Как для него уж Дельвиг забывал
Гекзаметра священные напевы.

Проследите, читая строфы сонета, какие моменты его истории рассказал нам Пушкин. Приведенные ниже комментарии помогут вам разобраться в этом.

Создатель «Божественной комедии» **Данте Алигьери** (1265–1321) написал первую в западноевропейской литературе автобиографическую повесть «Новая жизнь». В это прозаическое произведение он включил сонеты, которые были созданы ранее и

воспевали умершую молодую женщину по имени Беатриче. Творчество Данте оказало сильнейшее влияние на формирование литературного итальянского языка. Его младший современник **Франческо Петрарка** (1304–1374) создал много произведений, в их числе были и научные трактаты, и лирические стихотворения. Но более всего он прославился стихами, обращенными к Лауре. Циклы посвященных ей стихов содержали 317 сонетов. Лирика Петрарки была настолько популярна, что в поэзии эпохи Возрождения возникло направление «петраркизм», влияние которого на литературу XVI века было весьма сильным. Под этим влиянием находились, в частности, У. Шекспир, Камоэнс.

«Творец Макбета» – **Уильям Шекспир**, автор 37 драматических произведений и 154 сонетов – ярчайших произведений мировой лирики.

Луиш ди Камоэнс (1524 или 1525–1580) – португальский поэт эпохи Возрождения.

Вордсворт Уильям (1770–1850) – английский поэт-романтик.

«Певец Литвы» – **Адам Мицкевич** (1798–1859), польский поэт-романтик, друг Пушкина.

Дельвиг Антон (1798–1831), поэт, друг Пушкина по Лицею. Любил обращаться к форме сонета.

Гекзаметр – стихотворный размер в античной поэзии.

Вопросы и задания

▶**1.** Сонет, написанный Пушкиным в 1830 году, рисует общие контуры истории сонета. Что из истории сонета осталось в вашей памяти после чтения этого произведения Пушкина?

▶▶**1.** Каким ямбом пользуется поэт: пяти– или шестистопным?

2. Определите характер рифмовки в сонете.

▶▶▶**1.** Попробуйте проследить за теми моментами истории сонета, на которых остановился Пушкин. Ведь жесткие требования к сонету предполагают, что каждая его строфа – законченное целое. Опишите ваше представление о каждом из этапов истории сонета, перечитывая поочередно каждую из четырех строф.

2. Есть ли в этом сонете «сонетный замок», то есть выражает ли последняя строка суть всего сонета?

Хвала сонету
(*Константин Дмитриевич Бальмонт*)

Люблю тебя, законченность сонета,
С надменною твоею красотой,
Как правильную четкость силуэта
Красавицы изысканно-простой,

Чей стан воздушный с грудью молодой
Хранит сиянье матового света
В волне волос недвижно-золотой,
Чьей пышностью она полуодета.

Да, истинный сонет таков, как ты,
Пластическая радость красоты, —
Но иногда он мстит своим напевом.

И не однажды в сердце поражал
Сонет, несущий смерть, горящий гневом,
Холодный, острый, меткий, как кинжал.

Вопросы и задания

⏩**1.** Каким стихотворным размером написан сонет?

⏩⏩**1.** Как вы объясните название сонета? Какой образ помогает поэту воздать хвалу этой стихотворной форме?

2. Какое качество, какую особенность сонета утверждает Бальмонт?

Сонет
(*Николай Степанович Гумилев* (1886–1921))

Как конквистадор[19] в панцире железном,
Я вышел в путь и весело иду,
То отдыхая в радостном саду,
То наклоняясь к пропастям и безднам.

Порою в небе, смутном и беззвездном
Растет туман… но я смеюсь и жду,
И верю, как всегда, в мою звезду,

Я, конквистадор в панцире железном.

И если в этом мире не дано
Нам расковать последнее звено,
Пусть смерть приходит, я зову любую!

Я с нею буду биться до конца,
И может быть, рукою мертвеца
Я лилию добуду голубую[20].

Вопросы и задания

⏩**1.** В сонете запрещено повторять слова, а тут повторена строка. И это подчеркнутое отступление от нормы – автор использовал прием, который называется «параллелизм». Как можно объяснить, зачем автор обратился к этому приему?

2. Опишите способ рифмовки строк в этом сонете. Попробуйте охарактеризовать эти рифмы.

⏩⏩**1.** Опишите завершенные картины, которые рисует поэт в каждой из четырех частей сонета.

2. Что хочет сказать поэт, завершая сонет строкой о голубой лилии? Символом чего она являлась в этом стихотворении, сюжетно связанном с эпохой Средневековья?

3. Можно ли считать последнюю строку «сонетным замком»?

Бунин
(*Игорь Северянин* (1887–1941))

В его стихах – веселая капель,
Откосы гор, блестящие слюдою,
И, спетая березой молодою,
Песнь солнышку. И вешних вод купель.

Прозрачен стих, как северный апрель.
То он бежит проточною водою,
То теплится студеною звездою,
В нем есть какой-то бодрый, трезвый хмель,

Уют усадеб в пору листопада.
Благая одиночества отрада.
Ружье. Собака. Серая Ока.

Душа и воздух скованы в кристалле.
Камин. Вино. Перо из мягкой стали.
По отчужденной женщине тоска.

Вопросы и задания

⏩**1.** Оцените сравнения в строках сонета.

2. Охарактеризуйте самый главный прием, которым пользуется поэт, создавая образ Бунина.

⏩⏩**1.** Можно ли описать Бунина – поэта и человека, используя образы этого сонета? Попробуйте сделать такое описание.

2. Удалось ли автору передать четкость и лаконизм стиля Бунина? Какой прием помог Игорю Северянину в этом?

3. Какие картины природы нарисованы в строках сонета? Это картины живой природы или передача особенностей творчества Бунина?

Итоговые вопросы и задания

1. Какие из приведенных выше сонетов точно отвечают требованиям, которые предъявляются к этой стихотворной форме?

2. Какие художественные приемы чаще всего видите вы в строках этих сонетов?

3. Прочитайте «сонетные замки» во всех произведениях. Попробуйте решить, какой из них более точно характеризует смысл сонета.

4. Сонеты Шекспира, созданные в течение нескольких лет и опубликованные без разрешения автора, – одно из вершинных достижений лирики. Проследите за тем, в чем поэт точно следует требованиям к сонету, а в чем от них отступает.

Максим Горький (1868–1936)

Максим Горький (Алексей Максимович Пешков) прожил удивительную жизнь. Судьба его в детстве и юности была безрадостной: отец умер, когда мальчик был еще маленьким, затем умерла и мать. Воспитанный в семье деда, он узнал все тяготы жизни в разоренной и недружной семье. Только доброта бабушки и ее забота облегчали жизнь осиротевшего подростка.

Желание получить образование никогда не оставляло его. Но для этого не было денег. Позднее Горький опишет свои скитания в автобиографических повестях «В людях», «Мои университеты» и в цикле рассказов «По Руси». Редко судьба дарит человеку способность быстро и прочно запоминать прочитанное. Алеша Пешков был наделен этим даром. «Зеркальная память», редкая любознательность, упорство и стремление к знаниям помогли ему стать одним из самых образованных людей своего времени.

Писателя Максима Горького никогда не покидала вера в человека и его способность к подвигу. Активное желание утвердить благородство как норму поведения живет в его произведениях.

Одним из самых известных ранних произведений писателя был рассказ «Старуха Изергиль», в который вошли две легенды – о Ларре и Данко. Это истории об отношении человека к жизни и его роли в ней.

Старуха Изергиль. *Отрывок*

III

«Жили на земле в старину одни люди, непроходимые леса окружали с трех сторон таборы этих людей, а с четвертой – была степь. Были это веселые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжелая пора: явились откуда-то иные племена и прогнали прежних в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался смрад, и от него люди гибли один за другим. Тогда стали плакать жены и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для того были две дороги: одна – назад, – там были сильные и злые враги, другая – вперед, – там стояли великаны-деревья,

плотно обняв друг друга могучими ветвями, опустив узловатые корни глубоко в цепкий ил болота. Эти каменные деревья стояли молча и неподвижно днем в сером сумраке и еще плотнее сдвигались вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда, и днем и ночью, вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они привыкли к степному простору. А еще страшней было, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно грозил и пел похоронную песню тем людям. Это были все-таки сильные люди, и могли бы они пойти биться насмерть с теми, что однажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы, и коли б умерли они, то пропали б с ними из жизни и заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи, под глухой шум леса, в ядовитом смраде болота. Они сидели, а тени от костров прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и всем казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота… Люди всё сидели и думали. Но ничто – ни работа, ни женщины не изнуряют тела и души людей так, как изнуряют тоскливые думы. И ослабли люди от дум… Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, ужас родили женщины плачем над трупами умерших от смрада и над судьбой скованных страхом живых, – и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, а потом все громче и громче… Уже хотели идти к врагу и принести ему в дар волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни… Но тут явился Данко и спас всех один».

Старуха, очевидно, часто рассказывала о горящем сердце Данко. Она говорила певуче, и голос ее, скрипучий и глухой, ясно рисовал предо мной шум леса, среди которого умирали от ядовитого дыхания болота несчастные, загнанные люди…

«Данко – один из тех людей, молодой красавец. Красивые – всегда смелы. И вот он говорит им, своим товарищам:

– Не своротить камня с пути думою. Кто ничего не делает, с тем ничего не станется. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдем в лес и пройдем его сквозь, ведь имеет же он конец – все на свете имеет конец! Идемте! Ну! Гей!..

Посмотрели на него и увидали, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня.

– Веди ты нас! – сказали они.

Тогда он повел…»

Старуха помолчала и посмотрела в степь, где все густела тьма. Искорки горящего сердца Данко вспыхивали где-то далеко и казались голубыми воздушными цветами, расцветая только на миг.

«Повел их Данко. Дружно все пошли за ним – верили в него. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной. Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они… Все гуще становился лес, все меньше было сил! И вот стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повел их куда-то. А он шел впереди их и был бодр и ясен.

Но однажды гроза грянула над лесом, зашептали деревья глухо, грозно. И стало тогда в лесу так темно, точно в нем собрались сразу все ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнем и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещенные холодным огнем молний, казались живыми, простирающими вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытаясь остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, темное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомленные им, пали духом. Но им стыдно было сознаться в бессилии, и вот они в злобе и гневе обрушились на Данко, человека, который шел впереди их. И стали они упрекать его в неумении управлять ими, – вот как!

Остановились они и под торжествующий шум леса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко.

– Ты, – сказали они, – ничтожный и вредный человек для нас! Ты повел нас и утомил, и за это ты погибнешь!

– Вы сказали: „Веди!“ – и я повел! – крикнул Данко, становясь против них грудью. – Во мне есть мужество вести, вот потому я повел вас! А вы? Что сделали вы в помощь себе? Вы только шли и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец!

Но эти слова разъярили их еще более.

– Ты умрешь! Ты умрешь! – ревели они.

А лес все гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понес труд, и видел, что они – как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его

сердце вспыхнуло огнем желания спасти их, вывести на легкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могучего огня… А они, увидав это, подумали, что он рассвирепел, отчего так ярко и разгорелись очи, и они насторожились, как волки, ожидая, что он будет бороться с ними, и стали плотнее окружать его, чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже понял их думу, оттого еще ярче загорелось в нем сердце, ибо эта их дума родила в нем тоску.

А лес все пел свою мрачную песню, и гром гремел, и лил дождь…

– Что сделаю я для людей?! – сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой.

Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумленные, стали как камни.

– Идем! – крикнул Данко и бросился вперед на свое место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивленно качая вершинами, но его шум был заглушен топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слез. А Данко все был впереди, и сердце его все пылало, пылало!

И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождем. Гроза была – там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река… Был вечер, и от лучей заката река казалась красной, как та кровь, что била горячей струей из разорванной груди Данко.

Кинул взор вперед себя на ширь степи гордый смельчак Данко, – кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и – умер.

Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что еще пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой… И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло…»

– Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой!

Теперь, когда старуха кончила свою красивую сказку, в степи стало страшно тихо, точно и она была поражена силой смельчака Данко, который сжег для людей свое сердце и умер, не прося у них ничего в награду себе. Старуха дремала. Я смотрел на нее и думал: «Сколько еще сказок и воспоминаний осталось в ее памяти?» И думал о великом горящем сердце Данко и о человеческой фантазии, создавшей столько красивых и сильных легенд.

Дунул ветер и обнажил из-под лохмотьев сухую грудь старухи Изергиль, засыпавшей все крепче. Я прикрыл ее старое тело и сам лег на землю около нее. В степи было тихо и темно. По небу все ползли тучи, медленно, скучно… Море шумело глухо и печально.

Вопросы и задания

▸**1.** Определите основную тему легенды о Данко.

2. Найдите завязку легенды. Почему именно в этот момент читатель встречает главного героя легенды?

3. Охарактеризуйте кульминацию легенды.

▸▸▸**1.** Каково ваше отношение к поступку Данко и поведению людей? Ответьте на вопрос письменно.

2. Попытайтесь доказать, что перед вами не сказка о Данко, а легенда о Данко.

В своих ранних произведениях Горький широко использовал различные жанры, часто обозначая их. Это очерки и этюды, наброски и картинки с натуры. Нередко писатель создавал произведения, опираясь на фольклорные традиции. Вы познакомились с романтической легендой о Данко. Теперь мы предлагаем вам прочитать и обсудить сказку, как назвал ее Горький, «Старый Год».

Старый Год. ***Сказка***

В последний день своей жизни Старый Год – пред тем как возвратиться к Вечности – устраивает нечто вроде торжественной встречи своему преемнику: – он собирает пред свое лицо все человеческие Свойства и беседует с ними до двенадцати часов – до рокового момента своей смерти, до момента рождения Нового Года.

Вот и вчера было так же – вечером в гости к Старому Году стали собираться странные и неопределенные существа, –

существа, чьи имена и формы известны нам, но чьи сущности и значения для нас мы еще не можем представить себе ясно.

Раньше всех пришло Лицемерие под руку со Смирением, за ним важно выступало Честолюбие, почтительно сопровождаемое Глупостью, а вслед за этой парой медленно шла величественная, но истощенная и, очевидно, больная фигура – это был Ум, и хотя в его глубоких и проницательных очах много сверкало гордости собой, но еще более было в них тоски о своем бессилии.

За ним шла Любовь – полураздетая и очень грубая женщина, с глазами, в которых было много чувственности и ни искры мысли.

Роскошь, следуя за ней, предупреждающим шепотом говорила:

– О Любовь? Как ты одета! Фи, разве такой костюм соответствует твоей роли в жизни?

– Ба! – откликнулось Суемудрие[21], – чего вы хотите от Любви, сударыня? Вы всегда были и всё еще остаетесь романтичкой, вот что-с скажу. По мне – чем проще, тем яснее, тем лучше, и я очень довольна, что мне удалось сорвать с Любви покровы фантазии, в которые ее одевали мечтатели. Мы живем на земле, она тверда, и цвет ее грязен, а небеса так высоки, что никогда между ними и землей не будет ничего общего! Не так ли?

А сама Любовь молчала – язык ее давно уже почти нем, нет у нее прежних пылких слов, ее желания грубы и кровь жидка и холодна.

Явилась также Вера – разбитое и колеблющееся существо. Она кинула взгляд непримиримой ненависти в сторону Ума и незаметно скрылась от его очей в толпе, пришедшей к Старому Году.

Потом за нею мелькнула, как искра, Надежда, мелькнула и скрылась куда-то.

Тогда явилась Мудрость. Она была одета в яркие и легкие ткани, украшенные массой фальшивых камней, и, насколько ярок и блестящ был ее костюм, настолько сама она была темна и печальна.

И вот пришло Уныние, и все почтительно поклонились ему, потому что оно в чести у Времени.

Последней же пришла Правда, робкая и забитая, как всегда, больная и печальная, она, тихо и не замеченная никем, прошла в угол и одиноко села там.

Вышел Старый Год, посмотрел на своих гостей и усмехнулся усмешкой Мефисто.

– Здравствуйте и прощайте! – заговорил он. – Прощайте

потому, что я умираю, как то предписано Судьбой. Я смертен, и я рад, что смертен, ибо, если б время жизни моей продолжилось хотя на день один, – не вынес бы я тоски бледной жизни моей. Так скучно жить всегда, имея дело только с вами! Искренно жалею вас – вы бессмертны. И за то еще жалею, что в день рождения моего все вы были более сильны, свежи и цельны, чем сегодня, в день смерти моей. Да, я искренно жалею вас – все вы страшно истасканы людьми, обесцвечены ими, измельчены, и все вы так близки друг другу в общем вашем уродстве. И это вы-то – человеческие Свойства? Вы – без сил, без цвета, без огня! Жалею вас и людей.

И Старый Год усмехнулся и потом снова, осмотрев своих гостей, спросил у Веры:

– Вера! Где сила твоя, двигавшая людей на подвиги и одухотворявшая жизнь?

– Это он ограбил меня! – глухо сказала Вера, показывая в сторону Ума.

– Это я ей обязан тем, что до сей поры люди все еще не уверены в моем могуществе. В борьбе с ней я растратил лучшие силы мои! – гневно откликнулся Ум.

– Не ссорьтесь, несчастные! – снова бесстрастно улыбнулся умирающий Старик и, помолчав, сказал еще: – Да, страшно бледны и изжиты все вы. Как, должно быть, тошно быть человеком и иметь с вами дело день за днем в течение многих лет? Кто это там утвердительно качает головой? А, это ты, Правда! Ты все такая ж… не в чести у людей… Ну, что же?.. Прощайте, бывшие спутники мои. Прощайте, мне нечего больше сказать вам… Но среди вас я не вижу кого-то? Да? Где же Оригинальность?

– Ее давно уж нет на земле, – робко ответила Правда.

– Бедняга земля! – пожалел Старый Год. – Как скучно ей! Жалки и бесцветны люди, если они потеряли оригинальность дум, чувств, поступков.

– Они даже костюма не умеют себе создать такого, который хотя бы несколько скрашивал уродство их форм, лишенных древней красоты, – тихо пожаловалась Правда.

– Что с ними? – задумчиво спросил Старый Год.

– Они потеряли желания и остались жить только с похотями… – объяснила Правда.

– Разве они тоже умирают? – изумился Старый Год.

– Нет, – сказала Правда. – Они еще живут. Но как живут? Большинство по привычке, некоторые из любопытства, а все – не отдавая себе отчета, зачем именно живут.

Старый Год холодно засмеялся.

– Пора! Еще минута, и пробьет мой час – час моего освобождения от жизни. Уходя, я немного скажу… Я существовал и нашел, что это очень грустно. Прощайте же еще раз и последний. Жалею я вас, жалею, что вы бессмертны и что вам недоступен покой. Сын Времени – я бесстрастен, но все же жалею я вас и людей. Первый удар! Два…

Что это?

Ударив дважды – часы остановились бить.

В изумлении все взглянули на них, и странное увидели они.

Некто, с крыльями на голове и на ногах, стоял у часов, прекрасный, как один из богов Эллады, и, придерживая рукой минутную стрелку часов, смотрел в очи Старого Года, угасавшие в предчувствии смерти.

– Я – Меркурий и послан сюда от Вечности, – сказал он. – Она сказала – зачем Новый Год ветхим людям? Скажи им, что Нового Года не будет до нарождения новых людей. Останется с ними тот, что уже был, – пусть он переоденется из савана в платье юноши и живет.

– Но это пытка! – сказал Старик.

– Останешься ты! – непреклонно повторил Меркурий. – И доколе люди не обновят дум и чувств своих, ты останешься с ними, Старик! Так сказала Вечность – живи!

И он исчез – посланник Вечности… И, когда он исчез, часы бросили в тишину изумления десять глухих ударов.

И Старый Год, умиравший с торжеством, остался снова жить с Унынием, скорбно улыбавшимся в его морщинистое лицо.

Тихо и печально расходились гости Старого Года.

И Надежда, уходя, – молчала, а Лицемерие, выражая на лице своем скорбь, заигрывало с Суемудрием, говоря с ним что-то об Уме, что-то о Терпении, и, говоря, все боялось, как бы Уныние не подслушало речей его и не выразило ему порицания за его речи.

И наконец все ушли.

Остался только Старый Год, уже переодевшийся в платье Нового, да Правда – всегда и везде последняя!

Вопросы и задания

1. Какие человеческие свойства собрал к себе в гости Старый Год? Попробуйте расширить их список.

2. Каков порядок появления странных гостей? Вспомните его и попробуйте объяснить, почему первыми появились Лицемерие под руку со Смирением.

3. Как объяснить, что последней пришла Правда?

4. О ком в сказке написано: «Робкая и забитая, как всегда, больная и печальная, она, тихо и не замеченная никем, прошла в угол и одиноко села там»?

⏭**1.** Попробуйте дать комментарии к речи уходящего Старого Года.

2. Где в сказке кульминация и где развязка?

3. Почему, как вы думаете, Старый Год, переодевшийся в платье Нового Года, остался наедине с Правдой?

4. Какую роль в этой сказке играют аллегория и олицетворение?

5. Как вы определили бы точно жанр этого произведения?

Владимир Владимирович Маяковский (1893–1930)

Легко понять, что считается новаторством, когда вы обращаетесь к творчеству и даже внешнему облику Маяковского, который уже в юности решил покорить мир и заявить о себе. Это была яркая и увлекавшая самого исполнителя роль.

Маяковский – новатор стиха – освоил и возродил в практике XX века тонический стих, он – новатор образов, которые жили в его произведениях, новатор жанров… Не было в его творчестве такой темы, жанра, даже краткой реплики в споре, которые не преображались бы от одного прикосновения руки мастера.

Даже процесс его творчества выглядел необычно. Он шагал, «бормоча какие-то слова. Иногда он останавливался, закуривал папироску, иногда пускался вскачь, с камня на камень, словно подхваченный бурей, но чаще всего шагал как лунатик, неторопливой походкой, широко расставляя огромные ноги в „американских“ ботинках и ни на миг не переставая вести сам с собою сосредоточенный и тихий разговор».

Битва за популярность в конце концов была выиграна. Вам как читателям предстоит участие в очередном туре признания поэта. Ведь и вы можете принять или не принять его стихи, пьесы, его отношение к жизни и творчеству. Прошли десятилетия, но до сих пор читатели разделяются на сторонников и противников Маяковского.

Это был поэт-новатор. Новым был его **тонический стих**, который предполагает, что учитываются только ударные слоги и их чередование. Количество безударных слогов между ними не имеет значения.

Чаще всего такой стих использует три ударных слога в строке. Тонический стих не был изобретением Маяковского, это исконная форма русского народного стиха. Вы слышали его, читая былины. Все стихотворения русской классической литературы, к которым вы обращались, были написаны в силлабо-тонической системе, в которой важно и количество ударных, и количество безударных слогов в каждой стопе стихотворения.

Большинство стихотворений Маяковского написано «**лесенкой**», что помогает исполнению стихотворения. Если ступенька завершена, нужно делать паузу. Это пытался разъяснить Лев Кассиль: «Для того и разбивал он строку на ступеньки, чтобы оратору, чтецу были ясны все смысловые и интонационные переходы, которых не установить обычной пунктуацией».

Учитывая особенности стихосложения Маяковского, подготовьте выразительное чтение его стихов.

Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче

(Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева, 27 верст по Ярославской жел. дор.)

В сто сорок солнц закат пылал,

в июль катилось лето,
была жара,
жара плыла —
на даче было это.
Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою,
а низ горы —
деревней был,
кривился крыш корою.
А за деревнею —
дыра,
и в ту дыру, наверно,
спускалось солнце каждый раз,
медленно и верно.
А завтра
снова
мир залить
вставало солнце ало.
И день за днем
ужасно злить
меня
вот это
стало.
И так однажды разозлясь,
что в страхе все поблекло,
в упор я крикнул солнцу:
«Слазь!
довольно шляться в пекло!»
Я крикнул солнцу:
«Дармоед!
занежен в облака ты,
а тут – не знай ни зим, ни лет,
сиди рисуй плакаты!»
Я крикнул солнцу:
«Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!»
Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне,
по доброй воле,

само,
раскинув луч-шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать —
и ретируюсь задом.
Уже в саду его глаза.
Уже проходит садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,
валилась солнца масса,
ввалилось;
дух переведя,
заговорило басом:
«Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
Чаи гони,
гони, поэт, варенье!»
Слеза из глаз у самого —
жара с ума сводила,
но я ему —
на самовар:
«Ну что ж,
садись, светило!»
Черт дернул дерзости мои
орать ему, —
сконфужен,
я сел на уголок скамьи,
боюсь – не вышло б хуже!
Но странная из солнца ясь
струилась, —
и степенность
забыв,
сижу, разговорясь
с светилом постепенно.
Про то,
про это говорю,
что-де заела РОСТА[22],
а солнце:
«Ладно,
не горюй,
смотри на вещи просто!
А мне, ты думаешь,

светить
легко?
Поди, попробуй! —
А вот идешь —
взялось идти,
идешь – и светишь в оба!»
Болтали так до темноты —
до бывшей ночи то есть.
Какая тьма уж тут?
На «ты»
мы с ним, совсем освоясь.
И скоро,
дружбы не тая,
бью по плечу его я.
А солнце тоже:
«Ты да я,
нас, товарищ, двое!
Пойдем, поэт,
взорим,
вспоем
у мира в сером хламе.
Я буду солнце лить свое,
а ты – свое,
стихами».
Стена теней,
ночей тюрьма
под солнц двустволкой пала.
Стихов и света кутерьма —
сияй во что попало!
Устанет то,
и хочет ночь
прилечь,
тупая сонница.
Вдруг – я
во всю светаю мочь —
и снова день трезвонится.
Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!

Вопросы и задания

▶**1.** Внимательно перечитайте текст и составьте словарик неологизмов – новых слов, которые создал поэт для этого стихотворения.

2. В нескольких словах передайте сюжет стихотворения, включая в этот краткий пересказ новые слова, которые вы только что обнаружили.

▶▶**1.** Создайте словарик метафор этого стихотворения. Какие вам давно известны, а какие метафоры созданы Маяковским?

2. Попробуйте разобраться в способе рифмовки. Нарисуйте схему этих рифм.

▶▶▶**1.** Это стихотворение о месте поэта и его поэзии в жизни. Докажите это, используя ваши наблюдения над текстом стихотворения. Какие поэтические приемы использовал автор для того, чтобы убедить читателя в важности поэзии?

2. Как вы объясните, что стихотворение, названное «Необычайное приключение…», имеет такой конкретный почтовый адрес? Зачем, как вы думаете, он обозначен в подзаголовке?

Маяковский написал несколько гимнов: «Гимн судье», «Гимн ученому», «Гимн здоровью», «Гимн критику», «Гимн обеду», «Гимн взятке». Попробуйте решить, не являются ли эти гимны сатирической пародией, учитывая, что **гимн – хвалебная песнь**.

Гимн обеду

Слава вам, идущие обедать миллионы!
И уже успевшие наесться тысячи!
Выдумавшие каши, бифштексы, бульоны
и тысячи блюдищ всяческой пищи.

Если ударами ядр
тысячи Реймсов разбить удалось бы —
по-прежнему будут ножки у пулярд,
и дышать по-прежнему будет ростбиф!

Желудок в панаме! Тебя ль заразят
величием смерти для новой эры?!

Желудку ничем болеть нельзя,
кроме аппендицита и холеры!

Пусть в сале совсем потонут зрачки —
все равно их зря отец твой выделал;
на слепую кишку хоть надень очки,
кишка все равно ничего б не видела.

Ты так не хуже! Наоборот,
если б рот один, без глаз, без затылка —
сразу могла б поместиться в рот
целая фаршированная тыква.

Лежи спокойно, безглазый, безухий,
с куском пирога в руке,
а дети твои у тебя на брюхе
будут играть в крокет.

Спи, не тревожась картиной крови
и тем, что пожаром мир опоясан, —
молоком богаты силы коровьи,
и безмерно богатство бычьего мяса.

Если взрежется последняя шея бычья
и злак последний с камня серого,
ты, верный раб твоего обычая,
из звезд сфабрикуешь консервы.

А если умрешь от котлет и бульонов,
на памятнике прикажем высечь:
«Из стольких-то и стольких-то котлет
миллионов —
твоих четыреста тысяч».

Вопросы и задания

⏩**1.** Попробуйте определить, признаки каких жанров вы находите в этом стихотворении. Если вы решите, что в нем есть приметы гимна, оды, инвективы, то покажите их.

2. Какой из приемов более активно используется в стихотворении: гипербола или гротеск?

3. Какой художественный прием можно уверенно назвать ведущим в этом гимне?

Михаил Афанасьевич Булгаков (1891–1940)

Михаил Афанасьевич Булгаков – один из тех писателей, чье творчество в школе стали изучать сравнительно недавно: многие его произведения были опубликованы во второй половине XX века, после смерти автора.

Начинающий писатель Михаил Булгаков вместе с Валентином Катаевым, Евгением Петровым, Ильей Ильфом, Юрием Олешей занимался обработкой корреспонденции в газете транспортников «Гудок». Информация, полученная от рабкоров, людей подчас малограмотных, не владеющих не только стилем, но и элементарными правилами орфографии, служила литературным сотрудникам основой для произведений различных жанров. Быстро и оперативно созданные в редакции очерки, рассказы, фельетоны, сценки из жизни вскрывали проблемы, обличали недостатки, о которых рассказывали в своих письмах добровольные, но в литературном плане неопытные помощники.

Ревизор с вышибанием. *Новая постановка*

У нас в клубе член правления за шиворот ухватил члена клуба и выбросил его из фойе.

Письмо рабкора с одной из станций Донецкой дороги

Действующие лица

Городничий.
Земляника, попечитель богоугодных заведений.
Ляпкин-Тяпкин, судья.
Хлопов, смотритель училищ.
Член правления клуба.
Член клуба.
Суфлер.
Публика.
Голоса.

Сцена представляет клуб при станции N Донецких железных дорог. Занавес закрыт.

Публика. Вре-мя. Времечко!..

Топает ногами, гаснет свет, за сценой слышны глухие голоса безбилетных, сражающихся с контролем. На освещенной сцене комната в доме городничего.

Голос (*с галереи*). Ти-ша!
Городничий. Я пригласил вас, господа…
Суфлер (*из будки сиплым шепотом*). С тем чтоб сообщить вам пренеприятное известие…
Городничий. С тем чтоб сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор!
Ляпкин-Тяпкин. Как ревизор?
Земляника. Как ревизор?
Суфлер. Мур-мур-мур…
Городничий. Ревизор из Петербурга. Инкогнито и еще с секретным предписанием.
Ляпкин-Тяпкин. Вот те на!
Земляника. Вот не было заботы, так подай!
Хлопов. Господи Боже, еще и с секретным предписанием.
Городничий. Как будто предчувство…

За сценой страшный гвалт. Дверь на сцену распахивается, и вылетает **Член клуба**. Он во френче с разорванным воротом. Волосы его взъерошены.

Член клуба. Вы не имеете права пхаться! Я член клуба.

На сцене смятение.

Публика. Ах!

Суфлер (*змеиным шепотом*). Выплюнься со сцены. Ты что, сдурел?

Городничий (*в остолбенении*). Что вы, товарищ, с ума сошли?

Публика. Ги-ги-ги-ги…

Городничий (*хочет продолжать роль*). Сегодня мне всю ночь снились… Выкинься со сцены, Христом Богом тебя прошу… Какие-то две необыкновенные крысы… В дверь уходи, в дверь, говорю!.. Ну, сукин сын, погубил спектакль…

Земляника (*шепотом*). В дверь налево… В декорацию лезешь, сволочь.

Член клуба мечется по сцене, не находя выхода.

Публика (*постепенно веселея*). Бис, Горюшкин! Браво, френч!

Городничий (*теряясь*). Право, этаких я никогда не видел… Вот мерзавец!

Суфлер (*рычит*). Черные, неестественной величины… Пошел ты к чертовой матери!.. Хоть от будки отойди…

Публика. Га-га-га-га-га…

Городничий. Я прочту вам письмо… Вот что он пишет…

За сценой шум и голос члена правления: «Где этот негодяй?» Дверь раскрывается, и появляется **член правления** на сцене. Он в пиджаке и в красном галстуке.

Член правления (*грозно*). Ты тут, каналья?

Публика (*в восторге*). Браво, Хватаев!.. (*Слышен пронзительный свист с галереи.*) Бей его!!!

Член клуба. Вы не имеете права. Я – член!

Член правления. Я те покажу, какой ты член. Я тебе покажу, как без билета лазить!!!

Земляника. Товарищ Хватаев! Вы не имеете права применять физическую силу при советской власти.

Городничий. Я прекращаю спектакль. (*Снимает баки и парик.*)

Голос (*с галереи в восхищении*). Ванька, он молодой, глянь!

Свист.

Член правления (*в экстазе*). Я те покажу!!!

Хватает за шиворот члена клуба, встряхивает им, как тряпкой, и швыряет им в публику.

Член клуба. Караул!!! (*С глухим воплем падает в оркестр.*)
Городничий. Пахом, давай занавес!
Земляника. Занавес! Занавес!
Публика. Милицию!!! Милицию!!!

Занавес закрывается.

Вопросы и задания

▸**1.** Как объяснить название сценки?
2. Какую роль играет эпиграф в этой пьеске?
3. Какую часть первого явления комедии «Ревизор» Гоголя удалось исполнить неудачливым участникам самодеятельности?
4. Почему только четыре чиновника из пьесы Гоголя участвуют в этой сцене?

▸▸**1.** Можно ли в этой крохотной комической сценке обнаружить завязку, кульминацию и развязку? Где они? Назовите и подтвердите свою правоту.
2. Какую роль играет публика?
3. Зачем в пьесе появился суфлер?
4. Какие художественные приемы, использованные писателем, дают нам (читателям) основание считать произведение сатирическим?

▸▸▸**1.** Что высмеивает Михаил Афанасьевич Булгаков вслед за рабкором?

Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968)

Среди писателей, которых много и охотно читают, нужно назвать Константина Георгиевича Паустовского. Человек проницательный и мудрый, он был сторонником романтического взгляда на жизнь. Это «не позволяет человеку быть лживым, невежественным, трусливым и жестоким. В романтике заключена облагораживающая сила. Нет никаких разумных оснований

отказываться от нее в нашей борьбе за будущее и даже в нашей обыденной трудовой жизни». Писатель считал, что «истинное счастье – это прежде всего удел знающих, а не невежд».

Паустовский был человеком с чувством повышенной ответственности за свои дела и поступки. Может быть, поэтому тема нравственного долга так отчетливо прослеживается во многих его произведениях. Обращаясь к ним, вы сможете убедиться, как требователен автор к себе и своим героям.

Рождение рассказа

Подмосковный зимний денек все задремывал, никак не мог проснуться после затянувшейся ночи. Кое-где на дачах горели лампы. Перепадал снег.

Писатель Муравьев вышел на площадку вагона, открыл наружную дверь и долго смотрел на проносившуюся мимо поезда зиму.

Это была, пожалуй, не зима, а то, что называют «зимкой», – пасмурный день, когда порывами набегает сырой ветер, вот-вот начнется оттепель и полетят с оттаявших веток первые капли. В такие дни в лесных оврагах уже осторожно позванивают подо льдом родники. Они несут вместе с водой много воздушных пузырей. Пузыри торопливо бегут серебряными вереницами, цепляются за вялые подводные травы. И какой-нибудь серый снегирь с розовой грудкой крепко сидит на ветке над родником, смотрит одним глазом на пробегающие пузыри, попискивает и встряхивается от снега. Значит, скоро весна!

Бывают дни, когда жизнь представляется нам особенно ясной и слаженной. Так было сейчас с Муравьевым.

В старые времена литераторы любили обращаться к читателям со всякого рода вопросами.

«Почему бы, – подумал Муравьев, – современным писателям не воспользоваться иногда этим добродушным приемом? Почему бы, например, не начать рассказ так:

„Знакомо ли вам, любезный читатель, чувство неизбежного счастья, которое завладевает человеком внезапно и без всякой причины? Вы идете по улице, и у вас вдруг начинает громко колотиться сердце от уверенности, что вот сейчас случилось на земле нечто замечательное. Бывало ли с вами так? Конечно, бывало. Искали ли вы причину этого состояния? Навряд ли. Но даже если предчувствие счастья вас и обманывало, то в нем самом было столько силы, что оно помогало вам жить“».

«Искать и находить причины неясных, но плодотворных человеческих состояний – дело писателей, – подумал Муравьев. –

Это одна из областей нашего труда».

Труд! Все сейчас было полно им вокруг. В пару и грохоте проносились навстречу тысячетонные товарные поезда. Это был труд. Самолет низко шел, гудя, над снежной равниной. Это тоже был труд. Стальные мачты электропередачи, обросшие инеем, уносили во мглу мощный ток. И это был труд.

«Ради чего работает многомиллионная, покрытая сейчас снегом, великая страна? – подумал Муравьев. – Ради чего, наконец, работаю я?

Ради жизни? Ради высоких духовных ценностей? Ради того, чтобы человек был прекрасен, прост и умен? Ради того, наконец, чтобы любовь наполняла наши дни своим чистым дыханием? Да, ради этого!

Пушкин спрашивал в своих поющих стихах: „Кто на снегах возрастил феокритовы нежные розы? В веке железном, скажи, кто золотой угадал?“

– Конечно, мы, – ответил самому себе Муравьев. Снег залетал на площадку вагона и таял на лице. – Кто же иной, как не мы!»

Муравьев писал для одного из московских журналов рассказ о труде. Он долго бился над этим рассказом, но у него ничего не выходило. Должно быть, потому, что подробное описание труда оттесняло в сторону человека. А без человека рассказ получался нестерпимо скучным. Муравьеву же казалось, что рассказ не клеится из-за суматошной московской жизни – телефонных звонков, всяческих дел, гостей и заседаний.

В конце концов Муравьев рассердился и уехал из города. В одном из подмосковных поселков у его друзей была своя дача. Муравьев решил поселиться на этой даче и пробыть там до тех пор, пока не окончит рассказ.

На даче жили дальние родственники его друзей, но этих родственников Муравьев никогда не видел.

На Северном вокзале, когда Муравьев шел по перрону к пригородному поезду, у него вдруг глухо забилось сердце и он подумал, что вот – будет удача в работе. Он даже знал теперь наверное, что она будет, эта удача. Знал по многим точным приметам – по свежести во всем теле, сдержанному своему волнению, по той особой зоркости, с какой он замечал сейчас и запоминал все вокруг, по нетерпеливому желанию скорей добраться до этой незнакомой дачи, чтобы сесть в тишине за стол со стопкой чистой плотной бумаги, наконец, по тому обстоятельству, что в памяти у него все время возникали обрывки любимых стихов: «Душа стесняется лирическим волненьем, трепещет, и звучит, и ищет, как во сне, излиться наконец свободным проявленьем…»

В таком взволнованном состоянии Муравьев вышел из поезда на длинную дачную платформу в сосновом лесу. На платформе никого не было. Только на перилах сидели, нахохлившись, воробьи и недовольно смотрели на поезд. Они даже не посторонились, когда Муравьев прошел рядом с ними и чуть не задел их рукавом. Только один воробей что-то сварливо чирикнул в спину Муравьеву. «Должно быть, обругал меня невежей», – подумал Муравьев, оглянулся на воробья и сказал:

– Подумаешь – большой барин!

Воробей долго и презрительно смотрел вслед Муравьеву бисерным глазом.

Дача была в трех километрах от платформы. Муравьев шел по пустынной дороге. Иногда среди перелесков открывались поля. Над ними розовело небо.

– Неужели уже закат? – громко сказал Муравьев и поймал себя на том, что здесь, за городом, он начал разговаривать с самим собой.

День быстро иссякал почти без проблесков света. Ни один солнечный луч не прорвался сквозь плотную мглу, не упал на заиндевелые ветки, не поиграл на них бледным огнем и не бросил на снег слабые тени.

Дорога спустилась в овраг, к бревенчатым мостушкам. Под ними бормотал ручей.

– Ага! – с непонятной радостью сказал Муравьев и остановился. В небольшой промоине во льду виднелась бегущая темная вода, а под ней – каменистое дно.

– Откуда ты берешь зимой столько воды, приятель? – спросил Муравьев.

Ручей, конечно, не ответил. Он продолжал бормотать, то затихая, то повышая голос до звона. Вода отламывала прозрачные льдинки и сталкивала их друг с другом.

Муравьев спустился к ручью и начал отбивать палкой куски льда. Ручей кружил отломанный лед и пенился.

«Надо же все-таки хоть немного помочь весне», – подумал, усмехнувшись над самим собой, Муравьев и оглянулся. На мостушках стояла девушка в синем лыжном костюме и, воткнув палки в снег, внимательно смотрела на Муравьева.

Муравьев смутился. Что подумает о нем эта девушка? «Старый хрыч, а занимается ерундой». Ничего иного она, конечно, подумать не может. Но девушка нагнулась, поспешно отстегнула лыжи и крикнула Муравьеву:

– Погодите! Лучше отламывать лед лыжными палками. У них железные наконечники!

Она сбежала к ручью и протянула Муравьеву лыжную палку.

Оказалось, что этой палкой отбивать лед было гораздо легче.

Они ломали лед вдвоем сосредоточенно и молча. Муравьеву стало жарко, он снял варежки. У девушки выбились из-под вязаной шапочки пряди волос.

Потом неведомо откуда появился мальчишка в шапке с торчащими в разные стороны наушниками. Муравьев заметил его, когда он, шмыгая носом, начал толкаться от азарта и путаться под ногами.

– Пожалуй, хватит! – сказал наконец Муравьев и выпрямился. Густые сумерки уже лежали над землей. «Однако, как быстро пролетело время», – подумал Муравьев, взглянул на девушку и рассмеялся. Девушка стряхивала снег с варежек. Она улыбнулась ему в ответ, не подымая глаз.

Когда выбрались из оврага на лесную дорогу, Муравьев разговорился с девушкой. Мальчишка некоторое время плелся сзади, сопел и тянул носом.

Оказалось, что девушка живет с отцом на той же самой даче, куда шел Муравьев.

– Так это вы, значит, дальняя родственница моих друзей! – обрадованно сказал Муравьев и назвал себя. Девушка стащила сырую варежку и протянула Муравьеву руку.

– Меня зовут Женей, – сказала она просто. – Мы с папой ждем вас уже второй день. Я вам мешать не буду. Правда, вы не думайте… Завтра у меня последний день каникул. Я уеду в Москву, в свой институт. Вот только папа…

– Что папа? – спросил, насторожившись, Муравьев.

– Он у меня ботаник и страшный говорун, – ответила Женя. – Но вчера он дал честное-пречестное слово, что не будет приставать к вам с разговорами. Не знаю только – выдержит ли? Правда, ведь трудно сдержаться.

– Это почему ж? – спросил Муравьев.

Женя шла рядом с Муравьевым. Лыжи она несла на плече и смотрела прямо перед собой. Слабый свет поблескивал у нее в глазах и на отполированных широких отгибах лыж. Муравьев удивился – откуда взялся этот свет? По всему окружию полей уже залегала на ночь угрюмая темнота. Потом Муравьев заметил, что это был не отблеск снега, как он сразу подумал, а отражение широкого освещенного окна большой двухэтажной дачи. Они к ней уже подходили.

– Да, так почему же трудно удержаться от разговоров? – снова спросил Муравьев.

– Как вам сказать… – неуверенно ответила Женя. – Я понимаю, как строится, например, морской корабль. Или как из-под пальцев у ткачихи выходит тонкое полотно. А вот понять, как

пишутся книги, я не могу. И папа этого тоже не понимает.

– Да-а, – протянул Муравьев. – Об этом на ходу не поговоришь.

– А вы не будете об этом писать? – робко спросила Женя, и Муравьев понял, что если бы не застенчивость, то она бы просто попросила его написать об этом. – Ведь пишут же о своем труде другие.

Муравьев остановился, пристально, прищурившись, посмотрел на Женю и вдруг улыбнулся.

– А вы молодец! Как это вы догадались, что я пишу… вернее, собираюсь писать именно об этом, о своем писательском труде?

– Да я и не догадывалась, – испуганно ответила Женя. – Я сказала просто так. Право, мне очень хочется знать, как это вдруг появляются на свет и живут потом целыми столетьями такие люди, как Катюша Маслова или Телегин из «Хождения по мукам». Вот я и спросила.

Но Муравьев уже не слышал ее слов. Решение писать о своем труде пришло сразу. Как он раньше не догадался об этом! Как он мог вяло и холодно писать о том, чего он не знал и чего сам не испытывал. Писать и чувствовать, как костенеет язык и слова уже перестают звучать, вызывать гнев, слезы, раздумия и смех, а бренчат, как пустые жестянки. Какая глупость!

В тот же вечер Муравьев без всякого сожаления бросил в печку, где жарко трещали сухие березовые дрова, все написанное за последние дни в Москве.

На столе лежала толстая стопка чистой бумаги. Муравьев сел к столу и начал писать на первой странице:

> «Старый ботаник – худой, неспокойный и быстрый в движениях человек – рассказывал мне сегодня вечером, как ведут себя растения под снегом, как медленно пробиваются сквозь наст побеги мать-и-мачехи, а над самым снеговым покровом расцветают холодные цветы подснежника. Завтра он обещает повести меня в лес, осторожно снять верхний слой снега на любой поляне и показать мне воочию эти зимние и пока еще бледные цветы.
>
> Я пишу этот рассказ или очерк – я сам не знаю, как назвать все то, что выходит сейчас из-под моего пера, – о никем еще не исследованном явлении, что носит несколько выспреннее название творчества. Я хочу писать о прозе.
>
> Если мы обратимся к лучшим образцам прозы, то убедимся, что они полны подлинной поэзии. И

живописности.

Наивные люди, некоторые поэты с водянистыми, полными тусклых мечтаний глазами, до сих пор еще думают, что чем меньше становится тайн на земле, тем скучнее делается наше существование. Это все чепуха! Я утверждаю, что поэзия в огромной степени рождается из познания. Количество поэзии растет в полном соответствии с количеством наших знаний. Чем меньше тайн, чем могущественнее человеческий разум, тем с большей силой он воспринимает и передает другим поэзию нашей земли.

Пример этому – рассказ старого ботаника о зимней жизни растений. Об этом можно написать великолепную поэму. Она должна быть написана такими же холодными и белыми стихами, как подснежные цветы.

Я хочу с самого начала утвердить мысль о том, что источники поэзии и прозы заключаются в двух вещах – в познании и в могучем человеческом воображении. Познание – это клубень. Из него вырастают невиданные и вечные цветы воображения.

Я прошу извинить меня за это нарядное сравнение, но, мне кажется, пора уже забыть о наших „высококультурных“ предрассудках, осуждающих нарядность и многие другие, не менее хорошие вещи. Все дело в том, чтобы применять их к месту и в меру».

Муравьев писал, не останавливаясь. Он боялся отложить перо хотя бы на минуту, чтобы не остановить бег мыслей и слов.

Он писал о своем труде, великолепии и силе русского языка, о великих мастерах слова, о том, что весь мир во всем его удивительном разнообразии должен быть повторен на страницах книг в его полной реальности, но пропущенный сквозь кристалл писательского ума и воображения и потому – более ясный и осознанный, чем в многошумной действительности.

Он писал как одержимый. Он торопился. За окнами в узкой полосе света из его окна косо летел между сосен редкий снег. Он возникал из тьмы и тотчас же пропадал в этой тьме.

«Сейчас за окнами летит по ветру снег, – писал Муравьев. – Пролетают кристаллы воды. Все мы знаем их сложный и великолепный рисунок. Человек, который придумал бы форму таких кристаллов, заслужил бы огромную славу. Но нет ничего более мимолетного и непрочного, чем эти кристаллы. Чтобы разрушить их, достаточно одного детского вздоха.

Природа обладает неслыханной щедростью. Ей не жаль своих сил. Кое-чему нам, людям, в особенности писателям, стоит поучиться и у природы. Прежде всего – этой щедрости. Каждой своей вещи, будь то хотя бы самый маленький рассказ, надо отдавать всего себя, все свои силы без остатка, – все лучшее, что есть за душой. Здесь нет места бережливости и расчету.

Надо, как говорят инженеры, открыть все шлюзы. И никогда не бояться того чувства опустошения, которое неизбежно придет, когда работа закончена. Вам будет казаться, что вы больше не сможете написать ни строчки, что вы выжаты досуха, как губка. Это – ложное состояние. Пройдет неделя, и вас снова потянет к бумаге. Снова перед вашим умственным взором зашумит весь мир.

Как морская волна выносит на берег ракушку или осенний лист и снова уходит в море, тихо грохоча галькой, так ваше сознание вынесет и положит перед вами на бумагу первое слово вашей новой работы».

Муравьев писал до утра. Когда он дописывал последние слова, за окнами уже синело. Над сумрачными полями в морозном дыму занимался рассвет.

Было слышно, как внизу гудел в только что затопленной печке огонь и постукивала от тяги чугунная печная дверца.

Муравьев написал последние строки:

«Горький говорил о том, что нельзя писать в пустоту. Работая, надо представлять себе того милого человека, которому ты рассказываешь все лучшее, что накопилось у тебя на душе и на сердце. Тогда придут сильные и свежие слова.

Будем же благодарны Горькому за этот простой и великий совет».

Утром Муравьев долго умывался холодной водой из ведра. В воде плавали кусочки прозрачного льда.

Еловая лапа висела, согнувшись от снега, за окном маленькой умывальной комнаты. От свежего мохнатого полотенца пахло ветром.

На душе было легко и пусто – даже как будто что-то позванивало во всем теле.

Днем Муравьев пошел проводить Женю до станции – она уезжала в Москву, в свой институт.

– Откровенно говоря, – сказал Муравьев Жене, когда они

подходили к дощатой платформе в лесу, – мне уже можно возвращаться в Москву. Но я останусь еще на два-три дня. Отдохну.

– Разве у нас вам плохо? – испуганно спросила Женя.

– Нет. У вас тут чудесно. Просто, я почти окончил этой ночью свой рассказ.

Муравьев невольно сказал «почти окончил». Ему почему-то стыдно было признаться, что рассказ он написал целиком за одну эту ночь.

Он хотел сказать Жене, что очень торопился, чтобы успеть прочесть ей этот рассказ до ее отъезда в Москву, но не прочел, не решился. Он хотел сказать Жене, что он писал рассказ, думая о ней, что Горький, конечно, прав, что он просто благодарен ей, почти незнакомому человеку, за то, что она живет на свете и вызывает потребность рассказывать ей все хорошее, что он накопил у себя на душе.

Но Муравьев ничего Жене не сказал. Он только крепко пожал ей на прощание руку, посмотрел в ее смущенные глаза и поблагодарил за помощь.

– За какую помощь? – удивилась Женя.

Перед приходом поезда повалил густой снег. Далеко за семафором ликующе и протяжно закричал паровоз. Поезд неожиданно вырвался из снега, как из белой заколдованной страны, и, заскрежетав тормозами, остановился.

Женя последней поднялась на площадку. Она не уходила в вагон, а стояла в дверях – раскрасневшаяся и улыбающаяся – и на прощанье помахала Муравьеву рукой в знакомой зеленой варежке.

Поезд ушел в снег, обволакивая паром леса. Муравьев стоял на платформе и смотрел ему вслед. И как на Северном вокзале в Москве, снова он почувствовал глухое биение сердца. Снова пришло внезапное ощущение того, что вот сейчас, где-то здесь, рядом, на этой земле, затихшей под легкой на первый взгляд тяжестью летящего снега, случилось что-то очень хорошее, и он, Муравьев, замешан в этом хорошем как соучастник.

– Хорошо! – сказал Муравьев. – Нельзя жить вдали от молодости!

Муравьев спустился по обледенелой лесенке с платформы и пошел к ручью – докалывать лед. Лыжную палку он захватил с собой.

Вопросы и задания

1. В какой момент происходит «рождение рассказа»?

2. Какую роль играла природа в изменении настроения героя – писателя Муравьева?

3. Какие вопросы студентки Жени были толчком для создания рассказа?

1. Опишите «зимний денек», максимально используя краски, которые есть у Паустовского.

2. Попробуйте истолковать слова: «Нам, людям, в особенности писателям, стоит поучиться у природы». Как вы их понимаете и относите ли их к себе тоже?

3. Какое отношение к теме труда имеет описание «рождения рассказа»? Найдите в тексте слова автора, которые были бы ответом.

Роман – повесть – рассказ

Роман, повесть и рассказ отличают: объем, количество героев, сложность сюжета, характер повествования.

Каждый читатель может решить, что перед ним: роман, повесть или рассказ. Но едва ли кто-нибудь из вас назовет рассказ романом или роман рассказом. Однако назвать роман повестью или рассказ повестью может каждый. Например, Иван Сергеевич Тургенев называл «Муму» то повестью, то рассказом. И можно спорить о том, когда он был прав.

Поколения читателей в своем самостоятельном чтении обращаются чаще всего именно к этим трем жанрам повествовательных произведений. Если вы проверите себя и попробуете припомнить, с каким жанром вы чаще встречались в самостоятельном чтении, то это, скорее всего, будут именно роман, повесть, рассказ. Они стремятся познакомить читателя с человеком и его судьбой, ввести в мир чужой жизни, в которой всегда так много интересного и поучительного. Однако каждый жанр предлагает свою меру подробности. Так, рассказ чаще всего

изображает лишь эпизод, фрагмент, часть жизни человека. Повесть расширяет наше знакомство с героем и его окружением. Роман рисует сложную картину мира, и мы знакомимся с множеством участников и событий, которые влияют на судьбу героя и определяют финал произведения.

Вопросы и задания

⏩**1.** Назовите известные вам рассказы, о которых вы точно можете сказать, что они не могут быть названы повестью, а тем более романом.

2. Назовите произведения, которые вы могли бы назвать или рассказом, или повестью, не решаясь утверждать ни то, ни другое.

3. Произведения какого жанра вы считаете самыми большими по объему? Что стремится передать писатель своему читателю, создавая такие произведения?

Михаил Александрович Шолохов (1905–1984)

Великая Отечественная война – одна из центральных тем в нашей литературе. Каждый год вы читали и изучали художественные произведения, связанные с событиями этой героической поры в отечественной истории. Желание откликнуться на великие события побудило писателей к созданию произведений самых различных жанров эпоса, лирики и драмы. Первыми появились стихотворения и очерки, хроника и фельетоны – произведения малых форм, жанры «быстрого реагирования».

М. А. Шолохов – корреспондент «Правды», участник Великой Отечественной войны с первых и до последних ее дней. Его публицистические произведения – отклики на события исторической битвы – появились уже в первые месяцы войны. Это очерки «На Дону», «На юге», «Казаки» и др.

В 1943 году началась публикация романа «Они сражались за Родину» в газетах «Правда» и «Красная звезда». Героической патетикой наполнен ряд глав этого так и оставшегося незавершенным романа. Но есть в нем и забавные эпизоды, благодаря которым автор убеждает читателя в неизбежности комических ситуаций, неизбывности юмора, помогающего выжить даже в самых трагических условиях.

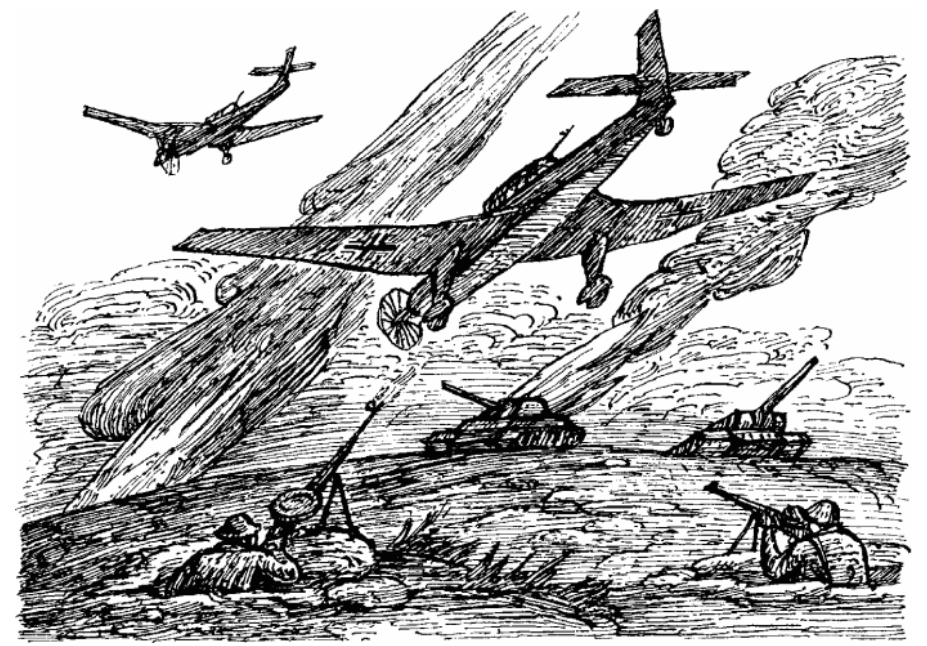
В приведенном ниже фрагменте романа вы прочитаете

описания одного боевого дня и проживете его вместе с красноармейцем Николаем Стрельцовым, работавшим в мирные дни агрономом Черноярской машинно-тракторной станции.

Они сражались за Родину. ***Главы из романа***

Высушенная солнцем целинная земля на высоте была тверда, как кремень. Лопата с трудом вонзалась в нее на несколько сантиметров, откалывая мелкие, крошащиеся куски, оставляя на месте среза глянцевито блестящий след.

Бойцы окапывались с лихорадочной поспешностью. Недавно пролетел немецкий разведчик. Он сделал круг над высотой, не снижаясь, дал две короткие пулеметные очереди и ушел на восток. «Теперь вскорости жди гостей», – заговорили красноармейцы.



Николай вырыл обчин глубиною в колено, выпрямился, чтобы перевести дух. Неподалеку окапывался Звягинцев. Гимнастерка на спине его стала влажной и темной, по лицу бисером катился пот.

– Это не земля, а увечье для народа! – сказал он, бурно дыша, вытирая рукавом багровое лицо. – Ее порохом рвать надо, а не лопаткой ковырять. Спасибо, хоть немец не нажимает, а то, под огнем лежа, в такую землю не сразу зароешься.

Николай прислушивался к стихавшему вдали орудийному гулу, а потом, отдохнув немного, снова взялся за лопатку.

В глаза и ноздри лезла едкая пыль, тяжко колотилось сердце и трудно было дышать. Он вырыл окоп глубиною почти в пояс, когда почувствовал вдруг, что без передышки уже не в состоянии выбросить со дна ямы отрытую землю, и, с остервенением сплюнув хрустевший на зубах песок, присел на край окопа.

– Ну как, доходная работенка? – спросил Звягинцев.

– Вполне.

– Вот, Микола, война так война! Сколько этой землицы лопаткой перепашешь – прямо страсть! Считаю так, что на фронте я один взрыл ее не меньше, чем колесный трактор за сезон. Ни в какие трудодни нашу работу не уложишь!

– А ну, кончай разговоры! – строго крикнул лейтенант Голощеков, и Звягинцев с не присущей ему ловкостью нырнул в окоп.

Часам к трем пополудни окопы были отрыты в полный рост. Николай нарвал охапку сизой мелкорослой полыни, тщательно замаскировал свою ячейку, в выдолбленную в передней стенке нишу сложил диски и гранаты, в ногах поставил развязанный вещевой мешок, где рядом с немудрым солдатским имуществом россыпью лежали патроны, и только тогда внимательно осмотрелся по сторонам.

Западный склон высоты полого спускался к балке, заросшей редким молодым дубняком. Кое-где по склону зеленели кусты дикого терна и боярышника. Два глубоких оврага, начинаясь с обеих сторон высоты, соединялись с балкой, и Николай успокоенно подумал, что с флангов танки не пройдут.

Жара еще не спала. Солнце по-прежнему нещадно калило землю. Горький запах вянущей полыни будил неосознанную грусть. Устало привалившись спиной к стенке окопа, Николай смотрел на бурую, выжженную степь, густо покрытую холмиками старых сурчиных нор, на скользившего над верхушками ковыля такого же белесого, как ковыль, степного луня. В просветах между стебельками полыни виднелась непроглядно густая синева неба, а на дальней возвышенности в дымке неясно намечались контуры перелесков, отсюда казавшихся голубыми и словно бы парящими над землей.

Николая томила жажда, но он отпил из фляги только один глоток, зная по опыту, как дорога во время боя каждая капля воды. Он посмотрел на часы. Было без четверти четыре. В томительном ожидании прошло еще с полчаса. Николай жадно докуривал вторую папиросу, когда послышался далекий гул моторов. Он рос, ширился и звучал все отчетливее и грознее, этот перекатывающийся, низко повисший над землею гром. По проселку, прихотливо извивавшемуся вдоль балки, длинным

серым шлейфом потянулась пыль. Шли танки. Николай насчитал их четырнадцать. Они скрылись в балке, рассредоточиваясь, занимая исходное положение перед атакой. Гул моторов не затихал. Теперь по проселку быстро двигались автомашины с пехотой. Последним прополз и скрылся за откосом балки приземистый бронированный бетонозаправщик.

И вот наступили те предшествующие бою короткие и исполненные огромного внутреннего напряжения минуты, когда учащенно и глухо бьются сердца, и каждый боец, как бы много ни было вокруг него товарищей, на миг чувствует ледяной холодок одиночества и острую, сосущую сердце тоску. Николаю было знакомо и это чувство, и источники, порождающие его; когда однажды он заговорил об этом с Лопахиным, тот с не свойственной ему серьезностью сказал: «Воюем-то мы вместе, а умирать будем порознь, и смерть у каждого из нас своя, собственная, вроде вещевого мешка с инициалами, написанными чернильным карандашом… А потом, Коля, свидание со смертью – это штука серьезная. Состоится оно, это свидание, или нет, а все равно сердце бьется, как у влюбленного, и даже при свидетелях ты чувствуешь себя так, будто вас только двое на белом свете: ты и она… Каждый человек – живой, чего же ты хочешь?»

Николай знал, что, как только начнется бой, на смену этому чувству придут другие: короткие, вспыхивающие, может быть не всегда подвластные разуму… Прерывисто вздохнув, он стал пристально всматриваться в тонкую зеленую полоску, отделявшую балку от склона высоты. Там, за этой полоской, все еще глухо и ровно гудели моторы. У Николая от напряжения заслезились глаза, а все его большое, теперь уже не в полной мере принадлежащее ему тело стало делать десятки мелких ненужных движений: зачем-то руки ощупали лежавшие в нише диски, как будто эти тяжелые и теплые от солнца диски могли куда-то исчезнуть, потом он поправил складки гимнастерки и все так же, не отрываясь взглядом от балки, немного подвинул автомат, а когда с бруствера[23] посыпались сухие комочки глины, носком сапога нащупал и растоптал их, раздвинул веточки полыни, хотя обзор и без того был достаточно хорош, пошевелил плечами… Это были непроизвольные движения, и Николай не замечал их. Поглощенный наблюдением, он пристально смотрел на запад и не ответил на тихий оклик Звягинцева.

В балке взревели моторы, показались танки. Следом за ними, не пригибаясь, во весь рост шла пехота.

«До чего же обнаглели, проклятые! Идут, как на параде… Ну, мы вам сейчас устроим встречу! Жаль только, что артиллерии нет, а то приняли бы ваш парад по всем правилам», – думал

Николай, с тяжелой, захватывающей дыхание ненавистью глядя на уменьшенные расстоянием фигурки врагов.

Танки шли на малой скорости, не отрываясь от пехоты, осторожно минуя бугорки сурчиных нор, прощупывая пулеметными очередями подозрительные места. Николай видел, как, словно от ветра, колыхнулся росший метрах в двухстах впереди куст боярышника и, срезанные пулями, с него посыпались листья и ветки.

Танки повели с ходу и пушечный огонь. Снаряды ложились, не долетая высоты, по большей части около кустов, а потом черные фонтаны взрывов стали перемещаться, придвигаясь к окопам, и Николай прижался к стенке грудью, готовый в любую секунду стремительно пригнуться.

Когда танки прошли большую половину расстояния и, достигнув кустов, увеличили скорость, Николай услышал протяжные слова команды. Почти одновременно открыли огонь расчеты противотанковых ружей и пулеметчики, в бубнящую дробь автоматов вплелись по-особому сухие и трескучие винтовочные выстрелы.

Некоторое время отставшая от танков немецкая пехота, неся потери, все еще продвигалась вперед, потом залегла, прижатая к земле огнем.

Выстрелы бронебойщиков участились. Первый танк остановился, не дойдя до группы терновых кустов, второй вспыхнул, повернул было обратно и стал, протянув к небу дегтярно-черный, чуть колеблющийся дымный факел. На флангах загорелись еще два танка. Бойцы усилили огонь, стреляя по пытавшейся подняться пехоте, по щелям, по выскакивавшим из люков горевших машин танкистам.

Пятый танк успел подойти к линии обороны метров на сто двадцать, воспользовавшись тем, что прикрывавшее центр противотанковое ружье бронебойщика Борзых умолкло. Но навстречу танку уже полз ефрейтор Кочетыгов. Прижимаясь к земле, маленький, юркий Кочетыгов быстро скользил между бурыми холмиками сурчиных нор, и только полоска слегка колеблющегося ковыля еле приметно указывала его движение.

Николай видел, как, стремительно привстав, Кочетыгов взмахнул отведенной в сторону рукой и тотчас же упал, а навстречу грохочущей гусеницами стальной громадине, описывая тяжелую дугу, полетела противотанковая граната.

С левой стороны танка поднялся прорезанный косым, бледным пламенем широкий столб земли, словно неведомая огромная птица взмахнула вдруг черным крылом, и танк, судорожно содрогнувшись, повернулся на одной гусенице и

застыл на месте, подставив под огонь отмеченный крестом борт.

Умолкшее за несколько минут до этого ружье бронебойщика Борзых снова заговорило, расстреливая в упор подбитую, беспомощно завалившуюся набок машину. После первого же выстрела из щелей танка показался дымок. Пулемет на танке залился длинной, захлебывающейся очередью и смолк. Танкисты не захотели или не смогли уже покинуть машину: спустя несколько минут там стали рваться боеприпасы, и освобожденный дым хлынул из пробоин и безмолвной башни густыми, пенистыми клубами.

Придавленная пулеметным огнем, пехота противника несколько раз пыталась подняться и снова залегала. Наконец она поднялась, короткими перебежками пошла на сближение, но в это время танки круто развернулись, двинулись назад, оставив на склоне шесть догорающих и подбитых машин.

Откуда-то, словно из-под земли, Николай услышал глухой, ликующий голос Звягинцева:

– Микола! Умыли мы их! Они с хода хотели взять, нахрапом, а мы их умыли! Здорово мы их умыли! Пускай опять идут – мы их опять умоем!

Николай зарядил порожние диски, попил немного противно теплой воды из фляги, посмотрел на часы. Ему казалось, что бой длился несколько минут, а на самом деле с начала атаки прошло больше получаса, заметно склонилось на запад солнце, и лучи его уже стали утрачивать недавнюю злую жгучесть.

Еще раз глотнув воды, Николай с сожалением отнял от пересохших губ фляжку, осторожно выглянул из окопа. В ноздри его ударил тяжелый запах горелого железа и бензина, смешанный с горьким, золистым духом жженой травы. Около ближайшего танка выгорала трава, по верхушкам ковыля метались мелкие, почти не видимые в дневном свете язычки пламени, на склоне дымились обугленные, темные остовы неподвижных танков, и словно бы больше стало холмиков возле сурчиных нор, только теперь не все они были однообразно бурого цвета, многие из них отсюда, с высоты, казались более плоскими, серо-зелеными, и Николай, всмотревшись, понял, что это трупы убитых немцев, и в душе пожалел, что серо-зеленых холмиков не так-то уж много, как хотелось бы ему…

Из балки застучали пулеметы. Николай спрятал за бруствером голову; отдыхая, привалился потной спиной к стенке окопа, стал смотреть вверх. Только там, в этой холодной, ко всему равнодушной синеве, ничто не изменилось: так же высоко и плавно кружил степной подорлик, изредка шевеля освещенными снизу широкими крыльями; белое с лиловым подбоем облачко,

похожее на раковину и отливающее нежнейшим перламутром, по-прежнему стояло в зените и словно совсем не двигалось, все так же откуда-то с вышины звучали простые, но безошибочно находящие дорогу к сердцу трели жаворонков, лишь слегка прозрачнее выглядела туманная дымка на дальней возвышенности, и обрамлявшие ее перелески теперь уже не казались невесомыми и как бы парящими над землей, а стали синее и приобрели осязаемую на взгляд грубоватую плотность…

Николай ждал, что вторая атака немцев начнется, когда танки и автоматчики предпримут обходное движение, но немцы, видимо, торопились прорваться к скрещению дорог и выйти на лежавший за высотою грейдер: танки и сопровождавшая их пехота, как и в первый раз, с тупым упрямством пошли в лоб по усеянному трупами склону.

И снова, отсеченная от танков огнем, залегла на голом склоне пехота, и снова вырвавшиеся вперед танки на полной скорости устремились к линии обороны. Двум из них на правом фланге на этот раз удалось достигнуть окопов. Оба они были подорваны гранатами, но один успел проутюжить несколько ячеек и, уже горящий, все еще пытался двигаться вперед, бессильно и яростно гремел единственной уцелевшей гусеницей, вращая башней, вел огонь, а по накалившейся броне его уже стремительно скользили иссиня-желтые светлячки, и на бортах шелушилась от жары, сворачивалась в трубки зловеще темная краска.

Косые солнечные лучи били под каску, было трудно смотреть и держать на прицеле перебегающие и порою закрытые солнцем фигурки. Николай стрелял короткими очередями, экономя патроны, бил только наверняка, но все же у него очень устали ослепленные солнцем глаза, и когда вторая атака была отбита, – он вздохнул и с наслаждением на короткий миг закрыл глаза.

– Опять их умыли… – зазвучал в стороне глухой, на этот раз более сдержанный голос Звягинцева. – Ты живой, Микола? Живой? Ну и хорошо. Хватит ли у нас припасу умывать их до конца, вот в чем беда. Ты их бьешь, а они лезут, как вредная черепашка на хлеб…

Он еще что-то бормотал приглушенно и невнятно, но Николай уже не слушал его – низкий, прерывистый, басовитый гул летевших где-то немецких самолетов приковал к себе все его внимание.

«Только этого и недоставало…» – подумал он, тщетно шаря по небу глазами, проклиная в душе мешавшее смотреть солнце.

Двенадцать «юнкерсов» шли северо-западнее высоты, направляясь, очевидно, к Дону. В первый момент Николай,

определив направление их полета, так и порешил, что самолеты идут бомбить переправу. Он даже облегченно вздохнул, мельком подумав: «Пронесло!» Но почти тотчас же увидел, как четверка самолетов откололась от строя и, развернувшись, пошла прямо на высоту.

Николай опустился в окоп поглубже, изготовился к стрельбе, но успел дать всего лишь единственную очередь навстречу стремительно и косо падавшему на него самолету. К ревущему вою мотора присоединился короткий, нарастающий визг бомбы.

Николай не слышал потрясшего землю обвального грохота взрыва, не видел тяжко вздыбившейся рядом с ним большой массы земли. Сжатая, тугая волна горячего воздуха смахнула в окоп насыпь переднего бруствера, с силой откинула голову Николая. Он ударился тыльной стороною каски о стенку так, что лопнул под подбородком ремень, и потерял сознание, полузадушенный, оглушенный…

Очнулся Николай, когда самолеты, с двух заходов ссыпав свой груз, давно уже удалились и немецкая пехота, начав третью по счету атаку, приблизилась к линии обороны почти вплотную, готовясь к решающему броску.

Вокруг Николая гремел ожесточенный бой. Из последних сил держались считанные бойцы полка; слабел их огонь – мало оставалось способных к защите людей; уже на левом фланге пошли в ход ручные гранаты; оставшиеся в живых готовились встречать немцев последним штыковым ударом. А Николай, полузасыпанный землей, все еще мешковато лежал на дне окопа и, судорожно всхлипывая, втягивал в себя воздух, при каждом выдохе касаясь щекой наваленной в окопе земли… Из носа у него шла кровь, щекочущая и теплая. Она шла, наверное, давно, так как успела наростами засохнуть на усах и склеить губы. Николай провел рукою по лицу, приподнялся. Жестокий приступ рвоты снова уложил его. Потом прошло и это. Николай привстал, осмотрелся помутневшими глазами и понял все: немцы были близко.

Слабыми руками долго, мучительно долго вставлял Николай новый диск, долго приподнимался, пытаясь встать на колени. У него кружилась голова, кислый запах извергнутой пищи порождал новые приступы тошноты. Но он преодолел и тошноту, и головокружение, и отвратительную, обезволивавшую все его тело слабость. И он стал стрелять, глухой и равнодушный ко всему, что творилось вокруг него, властно движимый двумя самыми могучими желаниями: жить и биться до последнего!

Так проходили минуты, измеряемые для него часами. Он не видел, как с юга по той стороне балки на немецкие автомашины

обрушились три «КВ», сопровождаемые пехотой мотострелковой бригады, и до его помраченного сознания не сразу дошло, почему немцы, лежавшие цепью в каких-нибудь ста метрах от его окопа, вдруг ослабили огонь, стали поспешно отползать, а потом поднялись и беспорядочно побежали, но не назад, к балке, а на северо-запад, к глубокому оврагу.

Они катились наискось по склону, как серо-зеленые листья, сорванные и гонимые сильным ветром, и многие из них так же, как листья, падали, сливались с травой и больше уже не подымались…

Только когда мимо Николая, прыгая через воронки, пробежали Звягинцев, лейтенант Голощеков и еще несколько бойцов с бледными от злобы и торжествующей радости лицами, он понял, что произошло. В горле у него хрипло заклокотало, и он тоже, как и бежавшие мимо него красноармейцы, что-то закричал, не слыша собственного голоса, он тоже хотел, как, бывало, прежде, вскочить и бежать рядом с товарищами, но руки его в бесплодных попытках упереться, старчески бессильно, жалко заскользили, заметались по шероховатому краю окопа. Выбраться из окопа он не смог… Николай навалился грудью на разбитый бруствер и застонал, а потом заплакал от ярости и досады на собственное бессилие и от счастья, что вот оно – сбылось! – высоту отстояли, и вовремя подошла подмога, и бежит трижды проклятый, ненавистный враг!..

Он не видел, как, настигнув у самого оврага бежавших немцев, начали работать штыками Звягинцев и остальные, не видел, как, далеко отстав от устремившихся вперед красноармейцев, тяжело припадая на раненую ногу, шел сержант Любченко, держа в одной руке неразвернутое знамя, другой прижимая к боку выставленный вперед автомат; не видел и того, как выполз из разрушенного снарядом окопа капитан Сумсков… Опираясь на левую руку, капитан полз вниз с высоты, следом за своими бойцами; правая рука его, оторванная осколками у самого предплечья, тяжело и страшно волочилась за ним, поддерживаемая мокрым от крови лоскутом гимнастерки; иногда капитан ложился на левое плечо, а потом опять полз. Ни кровинки не было в его известково-белом лице, но он все же двигался вперед и, запрокидывая голову, кричал ребячески тонким, срывающимся голоском:

– Орелики! Родные мои, вперед!.. Дайте им жизни!

Николай ничего этого не видел и не слышал. На мягком вечернем небе только что зажглась первая, трепетно мерцающая звездочка, а для него уже наступила черная ночь – спасительное и долгое беспамятство.

……

Никогда еще не было у Лопахина так тяжело и горько на сердце, как в эти часы. Ища одиночества, он ушел в лес, лег под кустом. Мимо медленно прошли Копытовский и еще один боец. Лопахин слышал, как, захлебываясь от восхищения и зависти, Копытовский говорил:

– …новенькая дивизия, она недавно подошла сюда. Видал, какие ребята? Что штаны на них, что гимнастерки, что шинельки – все с иголочки, все блестит! Нарядные, черти, ну, просто как женихи! А на себя глянул – батюшки светы! – как, скажи, я на собачьей свадьбе побывал, как, скажи, меня двадцать кобелей рвали! Одна штанина в трех местах располосованная, половина срама на виду, а зашить нечем, нитки все кончились. Гимнастерка на спине вся сопрела от пота, лентами ползет и уже на бредень стала похожа. Про обувку и говорить нечего, левый сапог рот раззявил, и неизвестно, чего он просит, то ли телефонного провода на перевязку подошвы, то ли настоящей починки… А кормятся они как? Точно в санатории! Рыбу, глушенную бомбами, ловят в Дону; при мне в котел такого сазана завалили, что ахнешь! Живут, как на даче. Так, конечно, можно воевать. А побывали бы в таком переплете, как мы вчера, – сразу облиняли бы эти женихи!

Лопахин лежал, упершись локтями в рыхлую землю, устало думая о том, что теперь, пожалуй, остатки полка отправят в тыл на переформирование или на пополнение какой-либо новой части, что этак, чего доброго, придется надолго проститься с фронтом, да еще в такое время, когда немец осатанело прет к Волге и на фронте дорог каждый человек. Он представил себя с тощим «сидором» за плечами, уныло бредущим куда-то в неведомый тыл, а затем воображение подсказало ему и все остальное: скучная, лишенная боевых тревог и радостей жизнь в провинциальном городке, пресная жизнь запасника, учения за городом в выжженной солнцем степи, стрельбы по деревянным макетам танков и нудные наставления какого-нибудь бывалого лейтенанта, который по долгу службы и на него, Петра Лопахина, уже прошедшего все огни и воды и медные трубы, будет смотреть как на молодого лопоухого призывника… Лопахин с негодованием повертел головой, заерзал на месте. Нет, черт возьми, не для него эта тихая жизнь! Он предпочитает стрелять по настоящим немецким танкам, а не по каким-то там глупым макетам, и идти на запад, а не на восток, и – лишь на худой конец – постоять немного здесь, у Дона, перед новым наступлением. Да и что его может удерживать в части, где не осталось ни одного старого товарища? Стрельцова нет, и неизвестно куда попадет он

после госпиталя; только за один вчерашний день погибли Звягинцев, повар Лисиченко, Кочетыгов, сержант Никифоров, Борзых… Сколько их, боевых друзей, осталось навсегда лежать на широких просторах от Харькова до Дона! Они лежат на родной, поруганной врагом земле и безмолвно взывают об отмщении, а он, Лопахин, пойдет в тыл стрелять по фанерным танкам и учиться тому, что давно уже постиг на поле боя?!

Лопахин проворно вскочил на ноги, отряхнул с колен песок, пошел к старой землянке, где расположился старшина.

«Буду просить, чтоб оставили меня в действующей части. Кончен бал, никуда я отсюда не пойду!» – решил Лопахин, напрямик продираясь сквозь густые кусты шиповника.

Он прошел не больше двадцати шагов, когда вдруг услышал знакомый голос Стрельцова. Изумленный Лопахин, не веря самому себе, круто повернул в сторону, вышел на небольшую полянку и увидел стоявшего к нему спиной Стрельцова и еще трех незнакомых красноармейцев.

– Николай! – крикнул Лопахин, не помня себя от радости.

Красноармейцы выжидающе взглянули на Лопахина, а Стрельцов по-прежнему стоял, не оборачиваясь, и что-то громко говорил.

– Николай! Откуда ты, чертушка?! – снова крикнул Лопахин веселым, дрожащим от радости голосом.

Руки Стрельцова коснулся один из стоявших рядом с ним красноармейцев, и Стрельцов повернулся. На лице его разом вспыхнула горячая просветленная улыбка, и он пошел навстречу Лопахину.

– Дружище, откуда же ты взялся? – еще издали прокричал Лопахин.

Стрельцов молча улыбался и, размахивая длинными руками, крупно, но не особенно уверенно шагал по поляне.

Они сошлись возле недавно отрытой щели с празднично желтыми отвалами свежей песчаной земли, крепко обнялись. Лопахин близко увидел черные, сияющие счастьем глаза Стрельцова, задыхаясь от волнения, сказал:

– Какого черта! Я тебе ору во всю глотку, а ты молчишь. В чем дело? Говори же, откуда ты, как? Почему ты здесь очутился?

Стрельцов с неподвижной, как бы застывшей улыбкой внимательно и напряженно смотрел на шевелящиеся губы Лопахина и наконец сказал, слегка заикаясь и необычно растягивая слова:

– Петька! До чего я рад – ты просто не поймешь!.. Я уже отчаялся разыскать кого-либо из вас… Тут столько нар-р-р-роду…

– Откуда же ты взялся? Тебя же в медсанбат отправили? – воскликнул Лопахин.

– И вдруг смотрю – он! Лопахин! А где же остальные?

– Да ты что, приоглох немного? – удивленно спросил Лопахин.

– Я вас со вчерашнего вечера ищу, все части обошел! Хотел на ту сторону переправиться, но один капитан-артиллерист сказал, что все оттуда отводится, – еще сильнее заикаясь, сияя черными глазами, проговорил Стрельцов.

Лопахин, все еще не осознавая того, что произошло с его другом, засмеялся, хлопнул Стрельцова по плечу.

– Э, братишечка, да ты основательно недослышишь! Вот у нас с тобой и получается, как в присказке: «Здорово, кума!» – «На рынке была». – «Аль ты глуха?» – «Купила петуха». Да ты что, на самом деле недослышишь? – уже значительно громче спросил Лопахин. – И говоришь как-то неровно, заикаешься… Постой… Так это же у тебя после контузии? Вот оно что!

Лопахин густо побагровел от досады на самого себя и с острой болью взглянул в изменившееся, но по-прежнему улыбающееся лицо Стрельцова. А тот положил на плечо Лопахина вздрагивающую руку, мучительно, тяжело заикаясь, сказал:

– Давай присядем, Петя. Со мной трудно разговаривать, я после того случая с бомбой ничего не слышу. И вот видишь, заикаться стал… Ты пиши, а я тебе буду отвечать.

Он присел возле щели, достал из грудного кармана засаленный блокнотик и карандаш. Лопахин выхватил у него из рук карандаш, быстро написал: «Понимаю, ты удрал из медсанбата?» Стрельцов взглянул ему через плечо, сказал:

– Ну, как сказать, – удрал… Ушел – это вернее. Я говорил врачу, что уйду, как только мне станет полегче.

«За каким чертом? Тебе, дураку, лечиться надо!» – написал Лопахин и с такой яростью нажал на восклицательный знак, что сердечко карандаша сломалось.

Стрельцов прочитал и удивленно пожал плечами.

– Как же это – за каким чертом? Кровь из ушей у меня перестала идти, тошноты почти прекратились. Чего ради я там валялся бы? – Он мягко взял из рук Лопахина карандаш, достал перочинный ножик и, зачиняя карандаш, сдувая с колена крохотные стружки, сказал: – А потом, я просто не мог там оставаться. Полк был в очень тяжелом положении, вас осталось немного… Как я мог не прийти? Вот я и пришел. Драться рядом с товарищами ведь можно и глухому. Верно, Петя?

Гордость за человека, любовь и восхищение заполнили сердце Лопахина. Ему хотелось обнять и расцеловать Стрельцова,

но горло внезапно сжала горячая спазма, и он, стыдясь своих слез, отвернулся, торопливо достал кисет.

Низко опустив голову, Лопахин сворачивал папироску и уже почти совсем приготовил ее, как на бумагу упала большая светлая слеза, и бумага расползлась под пальцами Лопахина…

Но Лопахин был упрямый человек: он оторвал от старой, почерневшей на сгибах газеты новый листок, осторожно пересыпал в него табак и папироску все же свернул.

Вопросы и задания

1. Попробуйте охарактеризовать обстановку, в которой находились солдаты перед боем. Какие детали этого повествования показались вам наиболее важными?

⏩**1.** Какие художественные приемы помогают автору воссоздать напряжение, царящее на высотке?

2. Проследите, как описания природы помогают создать общее настроение всей цепочки эпизодов.

⏩⏩**1.** Какой персонаж – участник войны кажется вам наиболее ярким образом, воплощающим героические черты настоящего человека?

2. Опишите день жизни бойца Николая Стрельцова.

3. Как вы понимаете слова «память сердца», когда читаете героические произведения?

4. Произведения каких жанров о Великой Отечественной войне вы запомнили сразу, после первого чтения? Какое из них, как вам кажется, ярче всего передает героизм эпохи?

Александр Трифонович Твардовский (1910–1971)

А. Т. Твардовский – поэт, имя которого обычно связывается с его героем Василием Теркиным, солдатом Великой Отечественной войны.

Твардовский был тонким лириком, чутким поэтом родной природы. С детства, рано приобщившись к чтению, стихам, он всегда внимательно следил за изменениями в природе, которая окружала родной крестьянский дом. Став поэтом, Твардовский выразил свои впечатления в лирических строках.

Как после мартовских метелей…

Как после мартовских метелей,
Свежи, прозрачны и легки,
В апреле —
Вдруг порозовели
По-вербному березняки.

Весенним заморозком чутким
Подсушен и взбодрен лесок.
Еще одни, другие сутки,
И под корой проснется сок.

И зимний пень березовый
Зальется пеной розовой.

Вопросы и задания

1. Какой цвет связан с описанием ранних примет весны?

1. Картины каких живописцев вспоминаются вам, когда вы читаете про березняки, которые «порозовели по-вербному», «свежи, прозрачны и легки»?

2. Сок березы, вытекая из свежего среза, постояв на ветру и солнце, окрашивается в розовый цвет. Замечали ли вы это сами? Что это наблюдение дает для создания ощущения весенней радости?

Июль – макушка лета…

Июль – макушка лета, —
Напомнила газета,
Но прежде всех газет —
Дневного убыль света;
Но прежде малой этой,
Скрытнейшей из примет, —
Ку-ку, ку-ку – макушка —
Отстукала кукушка
Прощальный свой привет.
А с липового цвета,
Считай, что песня спета,

Считай, пол-лета нет, —
Июль – макушка лета.

Вопросы и задания

1. Какие приметы «макушки лета» вспоминает поэт?

2. Какие приметы середины лета вы припомнили после того, как прочитали стихотворение Твардовского?

1. Каким стихотворным размером написано произведение?

2. Как располагаются рифмы в стихотворении? Что в них необычно?

Валентин Григорьевич Распутин (Родился в 1937 году)

«Родился я в трехстах километрах от Иркутска, – рассказывает В. Г. Распутин, – в Усть-Уде, что на Ангаре. Так что я – коренной сибиряк, или, как у нас говорят, тутошний. Отец мой крестьянствовал, работал в леспромхозе, служил и воевал… Словом, был как все. Мать работала, была домохозяйкой, едва-едва управлялась с делами и семьей, – ей забот, сколько помню, всегда хватало».

В 1973 году появляется в печати один из лучших рассказов Распутина – «Уроки французского», посвященный Анастасии Прокопьевне Копыловой, матери драматурга А. Вампилова. Сам писатель выделяет этот рассказ среди своих произведений: «Там мне ничего не пришлось выдумывать. Все это происходило со мной. За прототипом ходить далеко не пришлось. Мне нужно было вернуть людям то добро, которое в свое время они сделали для меня».

Уроки французского

Странно: почему мы так же, как и перед родителями, всякий раз чувствуем свою вину перед учителями? И не за то вовсе, что было в школе, – нет, а за то, что сталось с нами после.

* * *

Я пошел в пятый класс в сорок восьмом году. Правильней сказать поехал: у нас в деревне была только начальная школа, поэтому, чтобы учиться дальше, мне пришлось снаряжаться из дому за пятьдесят километров в райцентр. За неделю раньше туда съездила мать, уговорилась со своей знакомой, что я буду квартировать у нее, а в последний день августа дядя Ваня, шофер единственной в колхозе полуторки, выгрузил меня на улице Подкаменной, где мне предстояло жить, помог занести в дом узел с постелью, ободряюще похлопал на прощанье по плечу и укатил. Так, в одиннадцать лет, началась моя самостоятельная жизнь.

Голод в тот год еще не отпустил, а нас у матери было трое, я самый старший. Весной, когда пришлось особенно туго, я глотал сам и заставлял глотать сестренку глазки проросшей картошки и зерна овса и ржи, чтобы развести посадки в животе, – тогда не придется все время думать о еде. Все лето мы старательно поливали свои семена чистой ангарской водичкой, но урожая почему-то не дождались или он был настолько мал, что мы его не почувствовали. Впрочем, я думаю, что затея эта не совсем бесполезная и человеку когда-нибудь еще пригодится, а мы по неопытности что-то там делали неверно.

Трудно сказать, как решилась мать отпустить меня в район (райцентр у нас называли районом). Жили мы без отца, жили совсем плохо, и она, видно, рассудила, что хуже уже не будет – некуда. Учился я хорошо, в школу ходил с удовольствием и в деревне признавался за грамотея: писал за старух и читал письма,

перебрал все книжки, которые оказались в нашей неказистой библиотеке, и по вечерам рассказывал из них ребятам всякие истории, больше того добавляя от себя. Но особенно в меня верили, когда дело касалось облигаций[24]. Их за войну у людей скопилось много, таблицы выигрышей приходили часто, и тогда облигации несли ко мне. Считалось, что у меня счастливый глаз. Выигрыши и правда случались, чаще всего мелкие, но колхозник в те годы рад был любой копейке, а тут из моих рук сваливалась и совсем нечаянная удача. Радость от нее невольно перепадала и мне. Меня выделяли из деревенской ребятни, даже подкармливали; однажды дядя Илья, в общем-то скупой, прижимистый старик, выиграв четыреста рублей, сгоряча нагреб мне ведро картошки – под весну это было немалое богатство.

И все потому же, что я разбирался в номерах облигаций, матери говорили:

– Башковитый у тебя парень растет. Ты это… давай учи его. Грамота зря не пропадет.

И мать, наперекор всем несчастьям, собрала меня, хотя до того никто из нашей деревни в районе не учился. Я был первый. Да я и не понимал как следует, что мне предстоит, какие испытания ждут меня, голубчика, на новом месте.

Учился я и тут хорошо. Что мне оставалось? – затем я сюда и приехал, другого дела у меня здесь не было, а относиться спустя рукава к тому, что на меня возлагалось, я тогда еще не умел. Едва ли осмелился бы я пойти в школу, останься у меня невыученным хоть один урок, поэтому по всем предметам, кроме французского, у меня держались пятерки.

С французским у меня не ладилось из-за произношения. Я легко запоминал слова и обороты, быстро переводил, прекрасно справлялся с трудностями правописания, но произношение с головой выдавало все мое ангарское происхождение вплоть до последнего колена, где никто сроду не выговаривал иностранных слов, если вообще подозревал об их существовании. Я шпарил по-французски на манер наших деревенских скороговорок, половину звуков за ненадобностью проглатывая, а вторую половину выпаливая короткими лающими очередями. Лидия Михайловна, учительница французского, слушая меня, бессильно морщилась и закрывала глаза. Ничего подобного она, конечно, не слыхивала. Снова и снова она показывала, как произносятся носовые, сочетания гласных, просила повторить – я терялся, язык у меня во рту деревенел и не двигался. Все было впустую. Но самое страшное начиналось, когда я приходил из школы. Там я невольно отвлекался, все время вынужден был что-то делать, там меня тормошили ребята, вместе с ними – хочешь не хочешь –

приходилось двигаться, играть, а на уроках – работать. Но едва я оставался один, сразу наваливалась тоска – тоска по дому, по деревне. Никогда раньше даже на день я не отлучался из семьи и, конечно, не был готов к тому, чтобы жить среди чужих людей. Так мне было плохо, так горько и постыло! – хуже всякой болезни. Хотелось только одного, мечталось об одном – домой и домой. Я сильно похудел; мать, приехавшая в конце сентября, испугалась за меня. При ней я крепился, не жаловался и не плакал, но, когда она стала уезжать, не выдержал и с ревом погнался за машиной. Мать махала мне рукой из кузова, чтобы я отстал, не позорил себя и ее, – я ничего не понимал. Тогда она решилась и остановила машину.

– Собирайся, – потребовала она, когда я подошел. – Хватит, отучился, поедем домой.

Я опомнился и убежал.

Но похудел я не только из-за тоски по дому. К тому же еще я постоянно недоедал. Осенью, пока дядя Ваня возил на своей полуторке хлеб в Заготзерно, стоявшее неподалеку от райцентра, еду мне присылали довольно часто, примерно раз в неделю. Но вся беда в том, что мне ее не хватало. Ничего там не было, кроме хлеба и картошки, изредка мать набивала в баночку творогу, который у кого-то под что-то брала: корову она не держала. Привезут – кажется много, хватишься через два дня – пусто. Я очень скоро стал замечать, что добрая половина моего хлеба куда-то самым таинственным образом исчезает. Проверил – так и есть: был – нету. То же самое творилось с картошкой. Кто потаскивал – тетя Надя ли, крикливая, замотанная женщина, которая одна мыкалась с тремя ребятишками, кто-то из ее старших девчонок или младший, Федька, – я не знал, я боялся даже думать об этом, не то что следить. Обидно было только, что мать ради меня отрывает последнее от своих, от сестренки с братишкой, а оно все равно идет мимо. Но я заставил себя смириться и с этим. Легче матери не станет, если она услышит правду.

Голод здесь совсем не походил на голод в деревне. Там всегда, и особенно осенью, можно было что-то перехватить, сорвать, выкопать, поднять, в Ангаре ходила рыба, в лесу летала птица. Тут для меня все вокруг было пусто: чужие люди, чужие огороды, чужая земля. Небольшую речушку на десять рядов процеживали бреднями. Я как-то в воскресенье просидел с удочкой весь день и поймал трех маленьких, с чайную ложку, пескариков – от такой рыбалки тоже не раздобреешь. Больше не ходил – что зря время переводить! По вечерам околачивался у чайной, на базаре, запоминая, что почем продают, давился

слюной и шел ни с чем обратно. На плите у тети Нади стоял горячий чайник; пошвыркав гольного кипяточку и согрев желудок, ложился спать. Утром опять в школу. Так и дотягивал до того счастливого часа, когда к воротам подъезжала полуторка и в дверь стучал дядя Ваня. Наголодавшись и зная, что харч мой все равно долго не продержится, как бы я его ни экономил, я наедался до отвала, до рези в животе, а затем, через день или два, снова подсаживал зубы на полку.

* * *

Однажды, еще в сентябре, Федька спросил у меня:

– Ты в «чику» играть не боишься?

– В какую «чику»? – не понял я.

– Игра такая. На деньги. Если деньги есть, пойдем сыграем.

– Нету.

– И у меня нету. Пойдем так, хоть посмотрим. Увидишь, как здорово.

Федька повел меня за огороды. Мы прошли по краю продолговатого, грядой, холма, сплошь заросшего крапивой, уже черной, спутанной, с отвисшими ядовитыми гроздьями семян, перебрались, прыгая по кучам, через старую свалку и в низинке, на чистой и ровной небольшой поляне, увидели ребят. Мы подошли. Ребята насторожились. Все они были примерно тех же лет, что и я, кроме одного – рослого и крепкого, заметного своей силой и властью, парня с длинной рыжей челкой. Я вспомнил: он ходил в седьмой класс.

– Этого еще зачем привел? – недовольно сказал он Федьке.

– Он свой, Вадик, свой, – стал оправдываться Федька. – Он у нас живет.

– Играть будешь? – спросил меня Вадик.

– Денег нету.

– Гляди не вякни кому, что мы здесь.

– Вот еще! – обиделся я.

Больше на меня не обращали внимания, я отошел в сторонку и стал наблюдать. Играли не все – то шестеро, то семеро, остальные только глазели, болея в основном за Вадика. Хозяйничал здесь он, это я понял сразу.

Разобраться в игре ничего не стоило. Каждый выкладывал на кон по десять копеек, стопку монет решками вверх опускали на площадку, ограниченную жирной чертой метрах в двух от кассы, а с другой стороны, от валуна, вросшего в землю и служившего упором для передней ноги, бросали круглую каменную шайбу.

Бросать ее надо было с тем расчетом, чтобы она как можно ближе подкатилась к черте, но не вышла за нее, – тогда ты получал право первым разбивать кассу. Били всё той же шайбой, стараясь перевернуть монеты на орла. Перевернул – твоя, бей дальше, нет – отдай это право следующему. Но важней всего считалось еще при броске накрыть шайбой монеты, и если хоть одна из них оказывалась на орле, вся касса без разговоров переходила в твой карман, и игра начиналась снова.

Вадик хитрил. Он шел к валуну после всех, когда полная картина очередности была у него перед глазами и он видел, куда бросать, чтобы выйти вперед. Деньги доставались первым, до последних они доходили редко. Наверное, все понимали, что Вадик хитрит, но сказать ему об этом никто не смел. Правда, и играл он хорошо. Подходя к камню, чуть приседал, прищурившись, наводил шайбу на цель и неторопливо, плавно выпрямлялся – шайба выскальзывала из его руки и летела туда, куда он метил. Быстрым движением головы он забрасывал съехавшую челку наверх, небрежно сплевывал в сторону, показывая, что дело сделано, и ленивым, нарочито замедленным шагом ступал к деньгам. Если они были в куче, бил резко, со звоном, одиночные же монетки трогал шайбой осторожно, с накатиком, чтобы монетка не билась и не крутилась в воздухе, а, не поднимаясь высоко, всего лишь переваливалась на другую сторону. Никто больше так не умел. Ребята лупили наобум и доставали новые монеты, а кому нечего было доставать, переходили в зрители.

Мне казалось, что, будь у меня деньги, я бы смог играть. В деревне мы возились с бабками, но и там нужен точный глаз. А я, кроме того, любил придумывать для себя забавы на меткость: наберу горсть камней, отыщу цель потруднее и бросаю в нее до тех пор, пока не добьюсь полного результата – десять из десяти. Бросал и сверху, из-за плеча, и снизу, навешивая камень над целью. Так что кой-какая сноровка у меня была. Не было денег.

Мать потому и отправляла мне хлеб, что денег у нас не водилось, иначе я покупал бы его и здесь. Откуда им в колхозе взяться? Все же раза два она подкладывала мне в письмо по пятерке – на молоко. На теперешние – это пятьдесят копеек, не разживешься, но все равно деньги, на них на базаре можно было купить пять пол-литровых баночек молока, по рублю за баночку. Молоко мне наказано пить от малокровия, у меня часто ни с того ни с сего принималась вдруг кружиться голова.

Но, получив пятерку в третий раз, я не пошел за молоком, а разменял ее на мелочь и отправился за свалку. Место здесь было выбрано с толком, ничего не скажешь: полянка, замкнутая

холмами, ниоткуда не просматривалась. В селе, на виду у взрослых, за такие игры гоняли, грозили директором и милицией. Тут нам никто не мешал. И недалеко, за десять минут добежишь.

В первый раз я спустил девяносто копеек, во второй – шестьдесят. Денег было, конечно, жалко, но я чувствовал, что приноравливаюсь к игре, рука постепенно привыкала к шайбе, училась отпускать для броска ровно столько силы, сколько требовалось, чтобы шайба пошла верно, глаза тоже учились заранее знать, куда она упадет и сколько еще прокатится по земле. По вечерам, когда все расходились, я снова возвращался сюда, доставал из-под камня спрятанную Вадиком шайбу, выгребал из кармана свою мелочь и бросал, пока не темнело. Я добился того, что из десяти бросков три или четыре угадывали точно на деньги.

И наконец наступил день, когда я остался в выигрыше.

Осень стояла теплая и сухая. Еще и в октябре пригревало так, что можно было ходить в рубашке, дожди выпадали редко и казались случайными, ненароком занесенными откуда-то из непогодья слабым попутным ветерком. Небо синело совсем по-летнему, но стало словно бы у́же, и солнце заходило рано. Над холмами в чистые часы курился воздух, разнося горьковатый, дурманящий запах сухой полыни, ясно звучали дальние голоса, кричали отлетающие птицы. Трава на нашей поляне, пожелтевшая и сморенная, все же осталась живой и мягкой, на ней возились свободные от игры, а лучше сказать, проигравшиеся ребята.

Теперь каждый день после школы я прибегал сюда. Ребята менялись, появлялись новички, и только Вадик не пропускал ни одной игры. Она без него и не начиналась. За Вадиком как тень следовал большеголовый, стриженный под машинку, коренастый парень по прозвищу Птаха. В школе я Птаху до этого не встречал, но, забегая вперед, скажу, что в третьей четверти он вдруг как снег на голову свалился на наш класс. Оказывается, остался в пятом на второй год и под каким-то предлогом устроил себе до января каникулы. Птаха тоже обычно выигрывал, хоть и не так, как Вадик, поменьше, но в убытке не оставался. Да потому, наверно, и не оставался, что был заодно с Вадиком и тот ему потихоньку помогал.

Из нашего класса на полянку иногда набегал Тишкин, суетливый, с моргающими глазенками мальчишка, любивший на уроках поднимать руку. Знает не знает – все равно тянет. Вызовут – молчит.

– Что ж ты руку поднимал? – спрашивают Тишкина.

Он шлепал своими глазенками:

– Я помнил, а пока вставал, забыл.

Я с ним не дружил. От робости, молчаливости, излишней деревенской замкнутости, а главное – от дикой тоски по дому, не оставлявшей во мне никаких желаний, ни с кем из ребят я тогда еще не сошелся. Их ко мне тоже не тянуло, я оставался один, не понимая и не выделяя из горького своего положения одиночества; один – потому что здесь, а не дома, не в деревне, там у меня товарищей много.

Тишкин, казалось, и не замечал меня на полянке. Быстро проигравшись, он исчезал и появлялся снова не скоро.

А я выигрывал. Я стал выигрывать постоянно, каждый день. У меня был свой расчет: не надо катать шайбу по площадке, добиваясь права на первый удар; когда много играющих, это не просто: чем ближе тянешься к черте, тем больше опасности перевалить за нее и остаться последним. Надо накрывать кассу при броске. Так я и делал. Конечно, я рисковал, но при моей сноровке это был оправданный риск. Я мог проиграть три, четыре раза подряд, зато на пятый, забрав кассу, возвращал свой проигрыш втройне. Снова проигрывал и снова возвращал. Мне редко приходилось стучать шайбой по монетам, но и тут я пользовался своим приемом: если Вадик бил с накатом на себя, я, наоборот, тюкал от себя – так было непривычно, но так шайба придерживала монету, не давала ей вертеться и, отходя, переворачивала вслед за собой.

Теперь у меня появились деньги. Я не позволял себе чересчур увлекаться игрой и торчать на полянке до вечера, мне нужен был только рубль, каждый день по рублю. Получив его, я убегал, покупал на базаре баночку молока (тетки ворчали, глядя на мои погнутые, побитые, истерзанные монеты, но молоко наливали), обедал и садился за уроки. Досыта все равно я не наедался, но уже одна мысль, что я пью молоко, прибавляла мне силы и смиряла голод. Мне стало казаться, что и голова теперь у меня кружится гораздо меньше.

Поначалу Вадик спокойно относился к моим выигрышам. Он и сам не оставался внакладе, а из его карманов вряд ли мне что-нибудь перепадало. Иногда он даже похваливал меня: вот, мол, как надо бросать, учитесь, мазилы. Однако вскоре Вадик заметил, что я слишком быстро выхожу из игры, и однажды остановил меня:

– Ты что это – загреб кассу и драть? Ишь шустрый какой! Играй.

– Мне уроки надо, Вадик, делать, – стал отговариваться я.

– Кому надо делать уроки, тот сюда не ходит.

А Птаха подпел:

– Кто тебе сказал, что так играют на деньги? За это, хочешь знать, бьют маленько. Понял?

Больше Вадик не давал мне шайбу раньше себя и подпускал к камню только последним. Он хорошо бросал, и нередко я лез в карман за новой монетой, не прикоснувшись к шайбе. Но я бросал лучше, и если уж мне доставалась возможность бросать, шайба, как намагниченная, летела точно на деньги. Я и сам удивлялся своей меткости, мне надо бы догадаться придержать ее, играть незаметней, а я бесхитростно и безжалостно продолжал бомбить кассу. Откуда мне было знать, что никогда и никому еще не прощалось, если в своем деле он вырывается вперед? Не жди тогда пощады, не ищи заступничества, для других он выскочка, и больше всех ненавидит его тот, кто идет за ним следом. Эту науку мне пришлось в ту осень постигнуть на собственной шкуре.

Я только что опять угодил в деньги и шел собирать их, когда заметил, что Вадик наступил ногой на одну из рассыпавшихся по сторонам монет. Все остальные лежали вверх решками. В таких случаях при броске обычно кричат «в склад!», чтобы – если не окажется орла – собрать для удара деньги в одну кучу, но я, как всегда, понадеялся на удачу и не крикнул.

– Не в склад! – объявил Вадик.

Я подошел к нему и попытался сдвинуть его ногу с монеты, но он оттолкнул меня, быстро схватил ее с земли и показал мне решку. Я успел заметить, что монета была на орле, – иначе он не стал бы ее закрывать.

– Ты перевернул ее, – сказал я. – Она была на орле, я видел.

Он сунул мне под нос кулак.

– А этого ты не видел? Понюхай, чем пахнет.

Мне пришлось смириться. Настаивать на своем было бессмысленно; если начнется драка, никто, ни одна душа за меня не заступится, даже Тишкин, который вертелся тут же.

Злые, прищуренные глаза Вадика смотрели на меня в упор. Я нагнулся, тихонько ударил по ближней монете, перевернул ее и подвинул вторую. «Хлюзда на правду наведет, – решил я. – Все равно я их сейчас все заберу». Снова наставил шайбу для удара, но опустить уже не успел: кто-то вдруг сильно поддал мне сзади коленом, и я неловко, склоненный вниз головой, ткнулся в землю. Вокруг засмеялись. За мной, ожидающе улыбаясь, стоял Птаха, я опешил:

– Чего-о ты?!

– Кто тебе сказал, что это я? – отперся он. – Приснилось, что ли?

– Давай сюда! – Вадик протянул руку за шайбой, но я не отдал ее. Обида перехлестнула во мне страх, ничего на свете я

больше не боялся. За что? За что они так со мной? Что я им сделал?

– Давай сюда! – потребовал Вадик.

– Ты перевернул ту монетку! – крикнул я ему. – Я видел, что перевернул. Видел.

– Ну-ка, повтори, – надвигаясь на меня, попросил он.

– Ты перевернул ее, – уже тише сказал я, хорошо зная, что за этим последует.

Первым, опять сзади, меня ударил Птаха. Я полетел на Вадика, он быстро и ловко, не примериваясь, поддел меня головой в лицо, и я упал, из носу у меня брызнула кровь. Едва я вскочил, на меня снова набросился Птаха. Можно было еще вырваться и убежать, но я почему-то не подумал об этом. Я вертелся меж Вадиком и Птахой, почти не защищаясь, зажимая ладонью нос, из которого хлестала кровь, и в отчаянии, добавляя им ярости, упрямо выкрикивал одно и то же:

– Перевернул! Перевернул! Перевернул!

Они били меня по очереди, один и второй, один и второй. Кто-то третий, маленький и злобный, пинал меня по ногам, потом они почти сплошь покрылись синяками. Я старался только не упасть, ни за что больше не упасть, даже в те минуты мне казалось это позором. Но в конце концов они повалили меня на землю и остановились.

– Иди отсюда, пока живой! – скомандовал Вадик. – Быстро!

Я поднялся и, всхлипывая, швыркая омертвевшим носом, поплелся в гору.

– Только вякни кому – убьем! – пообещал мне вслед Вадик.

Я не ответил. Все во мне как-то затвердело и сомкнулось в обиде, у меня не было сил достать из себя слово. И, только поднявшись на гору, я не утерпел и, словно сдурев, закричал что было мочи – так, что слышал, наверное, весь поселок:

– Переверну-у-ул!

За мной кинулся было Птаха, но сразу вернулся – видно, Вадик рассудил, что с меня хватит, и остановил его. Минут пять я стоял и, всхлипывая, смотрел на полянку, где снова началась игра, затем спустился по другой стороне холма к ложбинке, затянутой вокруг черной крапивой, упал на жесткую сухую траву и, не сдерживаясь больше, горько, навзрыд заплакал.

Не было в тот день и не могло быть во всем белом свете человека несчастнее меня.

* * *

Утром я со страхом смотрел на себя в зеркало: нос вспух и раздулся, под левым глазом синяк, а ниже его, на щеке, изгибается жирная кровавая ссадина. Как идти в школу в таком виде, я не представлял, но как-то идти надо было, пропускать по какой бы то ни было причине уроки я не решался. Допустим, носы у людей и от природы случаются почище моего, и если бы привычное место, ни за что не догадаешься, что это нос, но ссадину и синяк ничем оправдать нельзя; сразу видно, что они красуются тут не по моей доброй воле.

Прикрывая глаз рукой, я юркнул в класс, сел за свою парту и опустил голову. Первым уроком, как назло, был французский. Лидия Михайловна, по праву классного руководителя, интересовалась нами больше других учителей, и скрыть от нее что-либо было трудно. Она входила, здоровалась, но до того, как посадить класс, имела привычку внимательным образом осматривать почти каждого из нас, делая будто бы и шутливые, но обязательные для исполнения замечания. И знаки на моем лице она, конечно, увидела сразу, хоть я, как мог, и прятал их; я понял это потому, что на меня стали оборачиваться ребята.

– Ну вот, – сказала Лидия Михайловна, открывая журнал. – Сегодня среди нас есть раненые.

Класс засмеялся, а Лидия Михайловна снова подняла на меня глаза. Они у нее косили и смотрели словно бы мимо, но мы к тому времени уже научились распознавать, куда они смотрят.

– И что случилось? – спросила она.

– Упал, – брякнул я, почему-то не догадавшись заранее придумать хоть мало-мальски приличное объяснение.

– Ой, как неудачно. Вчера упал или сегодня?

– Сегодня. Нет, вчера вечером, когда темно было.

– Хи, упал! – выкрикнул Тишкин, захлебываясь от радости. – Это ему Вадик из седьмого класса поднес. Они на деньги играли, а он стал спорить и заработал. Я же видел. А говорит, упал.

Я остолбенел от такого предательства. Он что – совсем ничего не понимает или это он нарочно? За игру на деньги у нас в два счета могли выгнать из школы. Доигрался. В голове у меня от страха все всполошилось и загудело: пропал, теперь пропал. Ну, Тишкин. Вот Тишкин так Тишкин. Обрадовал. Внес ясность – нечего сказать.

– Тебя, Тишкин, я хотела спросить совсем другое, – не удивляясь и не меняя спокойного, чуть безразличного тона, остановила его Лидия Михайловна. – Иди к доске, раз уж ты разговорился, и приготовься отвечать. – Она подождала, пока растерявшийся, ставший сразу несчастным Тишкин выйдет к доске, и коротко сказала мне: – После уроков останешься.

Больше всего я боялся, что Лидия Михайловна потащит меня к директору. Это значит, что, кроме сегодняшней беседы, завтра меня выведут перед школьной линейкой и заставят рассказывать, что меня побудило заниматься этим грязным делом. Директор, Василий Андреевич, так и спрашивал провинившегося, что бы он ни натворил, – разбил окно, подрался или курил в уборной: «Что тебя побудило заниматься этим грязным делом?» Он расхаживал перед линейкой, закинув руки за спину, вынося вперед в такт широким шагам плечи, так что казалось, будто наглухо застегнутый, оттопыривающийся темный френч двигается самостоятельно чуть поперед директора, и подгонял: «Отвечай, отвечай. Мы ждем. Посмотри, вся школа ждет, что ты нам скажешь». Ученик начинал в свое оправдание что-нибудь бормотать, но директор обрывал его: «Ты мне на вопрос отвечай, на вопрос. Как был задан вопрос?» – «Что меня побудило?» – «Вот именно: что побудило? Слушаем тебя».

Дело обычно заканчивалось слезами, лишь после этого директор успокаивался, и мы расходились на занятия. Труднее было со старшеклассниками, которые не хотели плакать, но и не могли ответить на вопрос Василия Андреевича.

Однажды первый урок у нас начался с опозданием на десять минут, и все это время директор допрашивал одного девятиклассника, но, так и не добившись от него ничего вразумительного, увел к себе в кабинет.

А что, интересно, скажу я? Лучше бы сразу выгоняли. Я мельком, чуть коснувшись этой мысли, подумал, что тогда я смогу вернуться домой, и тут же, словно обжегшись, испугался: нет, с таким позором и домой нельзя. Другое дело – если бы я сам бросил школу… Но и тогда про меня можно сказать, что я человек ненадежный, раз не выдержал того, что хотел, а тут и вовсе меня станет чураться каждый. Нет, только не так. Я бы еще потерпел здесь, я бы привык, но так домой ехать нельзя.

После уроков, замирая от страха, я ждал Лидию Михайловну в коридоре. Она вышла из учительской и, кивнув, завела меня в класс. Как всегда, она села за стол, я хотел устроиться за третьей партой, подальше от нее, но Лидия Михайловна показала мне на первую, прямо перед собой.

– Это правда, что ты играешь на деньги? – сразу начала она. Она спросила слишком громко, мне казалось, что в школе об этом нужно говорить только шепотом, и я испугался еще больше. Но запираться никакого смысла не было, Тишкин успел продать меня с потрохами. Я промямлил:

– Правда.

– Ну и как – выигрываешь или проигрываешь?

Я замялся, не зная, что лучше.

– Давай рассказывай, как есть. Проигрываешь, наверное?

– Вы… выигрываю.

– Хорошо хоть так. Выигрываешь, значит. И что ты делаешь с деньгами?

В первое время в школе я долго не мог привыкнуть к голосу Лидии Михайловны, он сбивал меня с толку. У нас в деревне говорили, запахивая голос глубоко в нутро, и потому звучал он вволюшку, а у Лидии Михайловны он был каким-то мелким и легким, так что в него приходилось вслушиваться, и не от бессилия вовсе – она иногда могла сказать и всласть, а словно бы от притаенности и ненужной экономии. Я готов был свалить все на французский язык: конечно, пока училась, пока приноравливалась к чужой речи, голос без свободы сел, ослаб, как у птички в клетке, жди теперь, когда он опять разойдется и окрепнет. Вот и сейчас Лидия Михайловна спрашивала так, будто была в это время занята чем-то другим, более важным, но от вопросов ее все равно было не уйти.

– Ну, так что ты делаешь с деньгами, которые выигрываешь? Покупаешь конфеты? Или книги? Или копишь на что-нибудь? Ведь у тебя их, наверное, теперь много?

– Нет, не много. Я только рубль выигрываю.

– И больше не играешь?

– Нет.

– А рубль? Почему рубль? Что ты с ним делаешь?

– Покупаю молоко.

– Молоко?

Она сидела передо мной аккуратная вся, умная и красивая, красивая и в одежде, и в своей женской молодой поре, которую я смутно чувствовал, до меня доходил запах духов от нее, который я принимал за самое дыхание; к тому же она была учительницей не арифметики какой-нибудь, не истории, а загадочного французского языка, от которого тоже исходило что-то особое, сказочное, неподвластное любому-каждому, как, например, мне. Не смея поднять глаза на нее, я не посмел и обмануть ее. Да и зачем, в конце концов, мне было обманывать?

Она помолчала, рассматривая меня, и я кожей почувствовал, как при взгляде ее косящих внимательных глаз все мои беды и несуразности прямо-таки взбухают и наливаются своей дурной силой. Посмотреть, конечно, было на что: перед ней крючился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который впору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перешитых из отцовских

галифе и заправленных в чирки[25] марких светло-зеленых штанах со следами вчерашней драки. Я еще раньше заметил, с каким любопытством поглядывает Лидия Михайловна на мою обувку. Из всего класса в чирках ходил только я. Лишь на следующую осень, когда я наотрез отказался ехать в них в школу, мать продала швейную машину, единственную нашу ценность, и купила мне кирзовые сапоги.

– И все-таки на деньги играть не надо, – задумчиво сказала Лидия Михайловна. – Обошелся бы ты как-нибудь без этого. Можно обойтись?

Не смея поверить в свое спасение, я легко пообещал:

– Можно.

Я говорил искренне, но что поделаешь, если искренность нашу нельзя привязать веревками.

Справедливости ради надо сказать, что в те дни мне пришлось совсем плохо. Колхоз наш по сухой осени рано рассчитался с хлебосдачей, и дядя Ваня больше не приезжал. Я знал, что дома мать места себе не находит, переживая за меня, но мне от этого было не легче. Мешок картошки, привезенный в последний раз дядей Ваней, испарился так быстро, будто ею кормили, по крайней мере, скот. Хорошо еще, что, спохватившись, я догадался немножко припрятать в стоящей во дворе заброшенной сараюшке и вот теперь только этой притайкой и жил. После школы, крадучись, как вор, я шмыгал в сараюшку, совал несколько картофелин в карман и убегал за улицу, в холмы, чтобы где-нибудь в удобной и скрытой низинке развести огонь. Мне все время хотелось есть, даже во сне я чувствовал, как по моему желудку прокатываются судорожные волны.

В надежде наткнуться на новую компанию игроков, я стал потихоньку обследовать соседние улицы, бродил по пустырям, следил за ребятами, которых заносило в холмы. Все было напрасно, сезон кончился, подули холодные октябрьские ветры. И только на нашей полянке по-прежнему продолжали собираться ребята. Я кружил неподалеку, видел, как взблескивает на солнце шайба, как, размахивая руками, командует Вадик и склоняются над кассой знакомые фигуры.

В конце концов я не выдержал и спустился к ним. Я знал, что иду на унижение, но не меньшим унижением было раз и навсегда смириться с тем, что меня избили и выгнали. Меня зудило посмотреть, как отнесутся к моему появлению Вадик и Птаха и как смогу держать себя я. Но больше всего подгонял голод. Мне нужен был рубль – уже не на молоко, а на хлеб. Других путей раздобыть его я не знал.

Я подошел, и игра сама собой приостановилась, все

уставились на меня. Птаха был в шапке с подвернутыми ушами, сидящей, как и все на нем, беззаботно и смело, в клетчатой, навыпуск рубахе с короткими рукавами; Вадик форсил в красивой толстой куртке с замком. Рядом, сваленные в одну кучу, лежали фуфайки и пальтишки, на них, сжавшись под ветром, сидел маленький, лет пяти-шести, мальчишка. Первым встретил меня Птаха:

– Чего пришел? Давно не били?

– Играть пришел, – как можно спокойней ответил я, глядя на Вадика.

– Кто тебе сказал, что с тобой, – Птаха выругался, – будут тут играть?

– Никто.

– Что, Вадик, сразу будем бить или подождем немножко?

– Чего ты пристал к человеку, Птаха? – щурясь на меня, сказал Вадик. – Понял, человек играть пришел. Может, он у нас с тобой по десять рублей хочет выиграть?

– У вас нет по десять рублей, – только чтобы не казаться себе трусом, сказал я.

– У нас есть больше, чем тебе снилось. Ставь, не разговаривай, пока Птаха не рассердился. А то он человек горячий.

– Дать ему, Вадик?

– Не надо, пусть играет. – Вадик подмигнул ребятам. – Он здорово играет, мы ему в подметки не годимся.

Теперь я был ученый и понимал, что это такое – доброта Вадика. Ему, видно, надоела скучная, неинтересная игра, поэтому, чтобы пощекотать себе нервы и почувствовать вкус настоящей игры, он и решил допустить в нее меня. Но как только я затрону его самолюбие, мне опять не поздоровится. Он найдет, к чему придраться, рядом с ним Птаха.

Я решил играть осторожно и не зариться на кассу. Как и все, чтобы не выделяться, я катал шайбу, боясь ненароком угодить в деньги, потом тихонько тюкал по монетам и оглядывался, не зашел ли сзади Птаха. В первые дни я не позволял себе мечтать о рубле; копеек двадцать – тридцать, на кусок хлеба, и то хорошо, и то давай сюда.

Но то, что должно было рано или поздно случиться, разумеется, случилось. На четвертый день, когда, выиграв рубль, я собрался уйти, меня снова избили. Правда, на этот раз обошлось легче, но один след остался: у меня сильно вздулась губа. В школе приходилось ее постоянно прикусывать. Но как ни прятал я ее, как ни прикусывал, а Лидия Михайловна разглядела. Она нарочно вызвала меня к доске и заставила читать

французский текст. Я его с десятью здоровыми губами не смог бы правильно произнести, а об одной и говорить нечего.

– Хватит, ой, хватит! – испугалась Лидия Михайловна и замахала на меня, как на нечистую силу, руками. – Да что же это такое?! Нет, придется с тобой заниматься отдельно. Другого выхода нет.

* * *

Так начались для меня мучительные и неловкие дни. С самого утра я со страхом ждал того часа, когда мне придется остаться наедине с Лидией Михайловной и, ломая язык, повторять вслед за ней неудобные для произношения, придуманные только для наказания слова. Ну зачем еще, как не для издевательства, три гласные сливать в один толстый тягучий звук, то же «о», например, в слове «веаисоир» (много), которым можно подавиться? Зачем с каким-то пристоном пускать звуки через нос, когда испокон веков он служил человеку совсем для другой надобности? Зачем? Должны же существовать границы разумного. Я покрывался потом, краснел и задыхался, а Лидия Михайловна без передышки и без жалости заставляла меня мозолить бедный мой язык. И почему меня одного? В школе сколько угодно было ребят, которые говорили по-французски ничуть не лучше, чем я, однако они гуляли на свободе, делали что хотели, а я как проклятый отдувался один за всех.

Оказалось, что и это еще не самое страшное. Лидия Михайловна вдруг решила, что времени в школе у нас до второй смены остается в обрез, и сказала, чтобы я по вечерам приходил к ней на квартиру. Жила она рядом со школой, в учительских домах. На другой, большей половине дома Лидии Михайловны жил сам директор.

Я шел туда как на пытку. И без того от природы робкий и стеснительный, теряющийся от любого пустяка, в этой чистенькой, аккуратной квартире учительницы я в первое время буквально каменел и боялся дышать. Мне надо было говорить, чтобы я раздевался, проходил в комнату, садился – меня приходилось передвигать, словно вещь, и чуть ли не силой добывать из меня слова. Моим успехам во французском это никак не способствовало. Но, странное дело, мы и занимались здесь меньше, чем в школе, где нам будто бы мешала вторая смена. Больше того, Лидия Михайловна, хлопоча что-нибудь по квартире, расспрашивала меня или рассказывала о себе. Подозреваю, это она нарочно для меня придумала, будто пошла на французский факультет потому лишь, что в школе этот язык ей тоже не давался и она решила доказать себе, что может овладеть им не хуже других.

Забившись в угол, я слушал, не чая дождаться, когда меня отпустят домой. В комнате было много книг, на тумбочке у окна стоял большой красивый радиоприемник с проигрывателем –

редкое по тем временам, а для меня и вовсе невиданное чудо. Лидия Михайловна ставила пластинки, и ловкий мужской голос опять-таки учил французскому языку. Так или иначе от него никуда было не деться. Лидия Михайловна в простом домашнем платье, в мягких войлочных туфлях ходила по комнате, заставляя меня вздрагивать и замирать, когда она приближалась ко мне. Я никак не мог поверить, что сижу у нее в доме, все здесь было для меня слишком неожиданным и необыкновенным, даже воздух, пропитанный легкими и незнакомыми запахами иной, чем я знал, жизни. Невольно создавалось ощущение, словно я подглядываю эту жизнь со стороны, и от стыда и неловкости за себя я еще глубже запахивался в свой кургузый пиджачишко.

Лидии Михайловне тогда было, наверное, лет двадцать пять или около того; я хорошо помню ее правильное и потому не слишком живое лицо с прищуренными, чтобы скрыть в них косинку, глазами; тугую, редко раскрывающуюся до конца улыбку и совсем черные, коротко остриженные волосы. Но при всем этом не было видно в ее лице жестокости, которая, как я позже заметил, становится с годами чуть ли не профессиональным признаком учителей, даже самых добрых и мягких по натуре, а было какое-то осторожное, с хитринкой, недоумение, относящееся к ней самой и словно говорившее: интересно, как я здесь очутилась и что я здесь делаю? Теперь я думаю, что она к тому времени успела побывать замужем; по голосу, по походке – мягкой, но уверенной, свободной, по всему ее поведению в ней чувствовались смелость и опытность. А кроме того, я всегда придерживался мнения, что девушки, изучающие французский или испанский язык, становятся женщинами раньше своих сверстниц, которые занимаются, скажем, русским или немецким.

Стыдно сейчас вспомнить, как я пугался и терялся, когда Лидия Михайловна, закончив наш урок, звала меня ужинать. Будь я тысячу раз голоден, из меня пулей тут же выскакивал всякий аппетит. Садиться за один стол с Лидией Михайловной! Нет, нет! Лучше я к завтрашнему дню наизусть выучу весь французский язык, чтобы никогда больше сюда не приходить. Кусок хлеба, наверное, и вправду застрял бы у меня в горле. Кажется, до того я не подозревал, что и Лидия Михайловна тоже, как все мы, питается самой обыкновенной едой, а не какой-нибудь манной небесной, – настолько она представлялась мне человеком необыкновенным, непохожим на всех остальных.

Я вскакивал и, бормоча, что сыт, что не хочу, пятился вдоль стенки к выходу. Лидия Михайловна смотрела на меня с удивлением и обидой, но остановить меня никакими силами было невозможно. Я убегал. Так повторялось несколько раз, затем

Лидия Михайловна, отчаявшись, перестала приглашать меня за стол. Я вздохнул свободней.

Однажды мне сказали, что внизу, в раздевалке, для меня лежит посылка, которую занес в школу какой-то мужик. Дядя Ваня, конечно, наш шофер, – какой еще мужик! Наверное, дом у нас был закрыт, а ждать меня с уроков дядя Ваня не мог – вот и оставил в раздевалке. Я с трудом дотерпел до конца занятий и кинулся вниз. Тетя Вера, школьная уборщица, показала мне на стоящий в углу белый фанерный ящичек, в каких снаряжают посылки по почте. Я удивился: почему в ящичке? – мать обычно отправляла еду в обыкновенном мешке. Может быть, это и не мне вовсе? Нет, на крышке были выведены мой класс и моя фамилия. Видно, надписал уже здесь дядя Ваня – чтобы не перепутали для кого. Что это мать выдумала заколачивать продукты в ящик?! Глядите, какой интеллигентной стала!

Нести посылку домой, не узнав, что в ней, я не мог: не то терпение. Ясно, что там не картошка. Для хлеба тара тоже, пожалуй, маловата, да и неудобна. К тому же хлеб мне отправляли недавно, он у меня еще был. Тогда что там? Тут же, в школе, я забрался под лестницу, где, помнил, лежит топор, и, отыскав его, оторвал крышку. Под лестницей было темно, я вылез обратно и, воровато озираясь, поставил ящик на ближний подоконник.

Заглянув в посылку, я обомлел: сверху, прикрытые аккуратно большим белым листом бумаги, лежали макароны. Вот это да! Длинные желтые трубочки, уложенные одна к другой ровными рядами, вспыхнули на свету таким богатством, дороже которого для меня ничего не существовало. Теперь понятно, почему мать собрала ящик: чтобы макароны не поломались, не покрошились, прибыли ко мне в целости и сохранности. Я осторожно вынул одну трубочку, глянул, дунул в нее и, не в состоянии больше сдерживаться, стал жадно хрумкать. Потом таким же образом взялся за вторую, за третью, размышляя, куда бы мне спрятать ящик, чтобы макароны не достались чересчур прожорливым мышам в кладовке моей хозяйки. Не для того мать их покупала, тратила последние деньги. Нет, макаронами я так просто не попущусь. Это вам не какая-нибудь картошка.

И вдруг я поперхнулся. Макароны… Действительно, где мать взяла макароны? Сроду их у нас в деревне не бывало, ни за какие шиши их там купить нельзя. Это что же тогда получается? Торопливо, в отчаянии и надежде я разгреб макароны и нашел на дне ящичка несколько больших кусков сахару и две плитки гематогена[26]. Гематоген подтвердил: посылку отправляла не мать. Кто же в таком случае, кто? Я еще раз взглянул на крышку:

мой класс, моя фамилия – мне. Интересно, очень интересно.

Я втиснул гвозди крышки на место и, оставив ящик на подоконнике, поднялся на второй этаж и постучал в учительскую. Лидия Михайловна уже ушла. Ничего, найдем, знаем, где живет, бывали. Значит, вот как: не хочешь садиться за стол – получай продукты на дом. Значит, так. Не выйдет. Больше некому. Это не мать: она бы и записку не забыла вложить, рассказала бы, откуда, с каких приисков взялось такое богатство.

Когда я бочком влез с посылкой в дверь, Лидия Михайловна приняла вид, что ничего не понимает. Она смотрела на ящик, который я поставил перед ней на пол, и удивленно спрашивала:

– Что это? Что такое ты принес? Зачем?

– Это вы сделали, – сказал я дрожащим, срывающимся голосом.

– Что я сделала? О чем ты?

– Вы отправили в школу эту посылку. Я знаю, вы.

Я заметил, что Лидия Михайловна покраснела и смутилась. Это был тот единственный, очевидно, случай, когда я не боялся смотреть ей прямо в глаза. Мне было наплевать, учительница она или моя троюродная тетка. Тут спрашивал я, а не она, и спрашивал не на французском, а на русском языке, без всяких артиклей. Пусть отвечает.

– Почему ты решил, что это я?

– Потому что у нас там не бывает никаких макарон. И гематогену не бывает.

– Как! Совсем не бывает?! – Она изумилась так искренне, что выдала себя с головой.

– Совсем не бывает. Знать надо было.

Лидия Михайловна вдруг засмеялась и попыталась меня обнять, но я отстранился от нее.

– Действительно, надо было знать… Как же это я так?! – Она на минутку задумалась. – Но тут и догадаться трудно было – честное слово! Я же городской человек. Совсем, говоришь, не бывает? Что же у вас тогда бывает?

– Горох бывает. Редька бывает.

– Горох… редька… А у нас на Кубани яблоки бывают. Ох, сколько сейчас там яблок! Я нынче хотела поехать на Кубань, а приехала почему-то сюда. – Лидия Михайловна вздохнула и покосилась на меня. – Не злись. Я же хотела как лучше. Кто знал, что можно попасться на макаронах? Ничего, теперь буду умнее. А макароны эти ты возьми…

– Не возьму, – перебил я ее.

– Ну зачем ты так? Я знаю, что ты голодаешь. А я живу одна, денег у меня много. Я могу покупать что захочу, но ведь мне

одной… Я и ем-то помаленьку, боюсь потолстеть.

– Я совсем не голодаю.

– Не спорь, пожалуйста, со мной, я знаю. Я говорила с твоей хозяйкой. Что плохого, если ты возьмешь сейчас эти макароны и сваришь себе сегодня хороший обед? Почему я не могу тебе помочь – единственный раз в жизни? Обещаю больше никаких посылок не подсовывать. Но эту, пожалуйста, возьми. Тебе надо обязательно есть досыта, чтобы учиться. Сколько у нас в школе сытых лоботрясов, которые ни в чем ничего не соображают и никогда, наверное, не будут соображать, а ты способный мальчишка, школу тебе бросать нельзя.

Ее голос начинал на меня действовать усыпляюще; я боялся, что она меня уговорит, и, сердясь на себя за то, что понимаю правоту Лидии Михайловны, и за то, что собираюсь ее все-таки не понять, я, мотая головой и бормоча что-то, выскочил за дверь.

* * *

Уроки наши на этом не прекратились, я продолжал ходить к Лидии Михайловне. Но теперь она взялась за меня по-настоящему. Она, видимо, решила: ну что ж, французский так французский. Правда, толк от этого выходил, постепенно я стал довольно сносно выговаривать французские слова, они уже не обрывались у моих ног тяжелыми булыжниками, а, позванивая, пытались куда-то лететь.

– Хорошо, – подбадривала меня Лидия Михайловна. – В этой четверти пятерка не получится, а в следующей – обязательно.

О посылке мы не вспоминали, но я на всякий случай держался настороже. Мало ли что Лидия Михайловна возьмется еще придумать? Я по себе знал: когда что-то не выходит, все сделаешь для того, чтобы вышло, так просто не отступишься. Мне казалось, что Лидия Михайловна все время ожидающе присматривается ко мне, а присматриваясь, посмеивается над моей диковатостью, – я злился, но злость эта, как ни странно, помогала мне держаться уверенней. Я уже был не тот безответный и беспомощный мальчишка, который боялся ступить здесь шагу, помаленьку я привыкал к Лидии Михайловне и к ее квартире. Все еще, конечно, стеснялся, забивался в угол, пряча свои чирки под стул, но прежние скованность и угнетенность отступали, теперь я сам осмеливался задавать Лидии Михайловне вопросы и даже вступать с ней в споры.

Она сделала еще попытку посадить меня за стол – напрасно. Тут я был непреклонен, упрямства во мне хватало на десятерых.

Наверное, уже можно было прекратить эти занятия на дому, самое главное я усвоил, язык мой отмяк и зашевелился, остальное со временем добавилось бы на школьных уроках. Впереди годы да годы. Что я потом стану делать, если от начала до конца выучу все одним разом? Но я не решался сказать об этом Лидии Михайловне, а она, видимо, вовсе не считала нашу программу выполненной, и я продолжал тянуть свою французскую лямку. Впрочем, лямку ли? Как-то невольно и незаметно, сам того не ожидая, я почувствовал вкус к языку и в свободные минуты без всякого понукания лез в словарик, заглядывал в дальние в учебнике тексты. Наказание превращалось в удовольствие. Меня еще подстегивало самолюбие: не получалось – получится, и получится – не хуже, чем у самых лучших. Из другого я теста, что ли? Если бы еще не надо было ходить к Лидии Михайловне… Я бы сам, сам…

Однажды, недели через две после истории с посылкой, Лидия Михайловна, улыбаясь, спросила:

– Ну а на деньги ты больше не играешь? Или где-нибудь собираетесь в сторонке да поигрываете?

– Как же сейчас играть?! – удивился я, показывая взглядом за окно, где лежал снег.

– А что это была за игра? В чем она заключается?

– Зачем вам? – насторожился я.

– Интересно. Мы в детстве когда-то тоже играли. Вот и хочу знать, та это игра или нет. Расскажи, расскажи, не бойся.

Я рассказал, умолчав, конечно, про Вадика, про Птаху и о своих маленьких хитростях, которыми я пользовался в игре.

– Нет. – Лидия Михайловна покачала головой. – Мы играли в «пристенок». Знаешь, что это такое?

– Нет.

– Вот смотри. – Она легко выскочила из-за стола, за которым сидела, отыскала в сумочке монетки и отодвинула от стены стул. – Иди сюда, смотри. Я бью монетой о стену. – Лидия Михайловна легонько ударила, и монета, зазвенев, дугой отлетела на пол. – Теперь, – Лидия Михайловна сунула мне вторую монету в руку, – бьешь ты. Но имей в виду: бить надо так, чтобы твоя монета оказалась как можно ближе к моей. Чтобы их можно было замерить, достать пальцами одной руки. По-другому игра называется «замеряшки». Достанешь – значит, выиграл. Бей.

Я ударил – моя монета, попав на ребро, покатилась в угол.

– О-о, – махнула рукой Лидия Михайловна. – Далеко. Сейчас ты начинаешь. Учти: если моя монета заденет твою, хоть чуточку, краешком, – я выигрываю вдвойне. Понимаешь?

– Чего тут непонятного?

– Сыграем?

Я не поверил своим ушам:

– Как же я с вами буду играть?

– А что такое?

– Вы же учительница!

– Ну и что? Учительница – так другой человек, что ли? Иногда надоедает быть только учительницей, учить и учить без конца. Постоянно одергивать себя: то нельзя, это нельзя. – Лидия Михайловна больше обычного прищурила глаза и задумчиво, отстраненно смотрела в окно. – Иной раз полезно забыть, что ты учительница, – не то такой сделаешься бякой и букой, что живым людям скучно с тобой станет. Для учителя, может быть, самое важное – не принимать себя всерьез, понимать, что он может научить совсем немногому. – Она встряхнулась и сразу повеселела. – А я в детстве была отчаянной девчонкой, родители со мной натерпелись. Мне и теперь еще часто хочется прыгать, скакать, куда-нибудь мчаться, что-нибудь делать не по программе, не по расписанию, а по желанию. Я тут, бывает, прыгаю, скачу. Человек стареет не тогда, когда он доживает до старости, а когда перестает быть ребенком. Я бы с удовольствием каждый день прыгала, да за стенкой живет Василий Андреевич. Он очень серьезный человек. Ни в коем случае нельзя, чтобы он узнал, что мы играем в «замеряшки».

– Но мы не играем ни в какие «замеряшки». Вы только мне показали.

– Мы можем сыграть так просто, как говорят, понарошку. Но ты все равно не выдавай меня Василию Андреевичу.

Господи, что творится на белом свете! Давно ли я до смерти боялся, что Лидия Михайловна за игру на деньги потащит меня к директору, а теперь она просит, чтобы я не выдавал ее. Светопреставление – не иначе. Я озирался, неизвестно чего пугаясь, и растерянно хлопал глазами.

– Ну что – попробуем? Не понравится – бросим.

– Давайте, – нерешительно согласился я.

– Начинай.

Мы взялись за монеты. Видно было, что Лидия Михайловна когда-то действительно играла, а я только-только примеривался к игре, я еще не выяснил для себя, как бить монетой о стену – ребром ли или плашмя, на какой высоте и с какой силой когда лучше бросать. Мои удары шли вслепую; если бы вели счет, я бы на первых же минутах проиграл довольно много, хотя ничего хитрого в этих «замеряшках» не было. Больше всего меня, разумеется, стесняло и угнетало, не давало мне освоиться то, что я играю с Лидией Михайловной. Ни в одном сне не могло такое

присниться, ни в одной дурной мысли подуматься. Я опомнился не сразу и нелегко, а когда опомнился и стал понемножку присматриваться к игре, Лидия Михайловна взяла и остановила ее.

– Нет, так неинтересно, – сказала она, выпрямляясь и убирая съехавшие на глаза волосы. – Играть – так по-настоящему, а то что мы с тобой как трехлетние малыши?

– Но тогда это будет игра на деньги, – несмело напомнил я.

– Конечно. А что мы с тобой в руках держим? Игру на деньги ничем другим подменить нельзя. Этим она хороша и плоха одновременно. Мы можем договориться о совсем маленькой ставке, а все равно появится интерес.

Я молчал, не зная, что делать и как быть.

– Неужели боишься? – подзадорила меня Лидия Михайловна.

– Вот еще! Ничего я не боюсь.

У меня была с собой кой-какая мелочишка. Я отдал монету Лидии Михайловне и достал из кармана свою. Что ж, давайте играть по-настоящему, Лидия Михайловна, если хотите. Мне-то что – не я первый начал. Вадик попервости на меня тоже ноль внимания, а потом опомнился, полез с кулаками. Научился там, научусь и здесь. Это не французский язык, а я и французский скоро к зубам приберу.

Мне пришлось принять одно условие: поскольку рука у Лидии Михайловны больше и пальцы длиннее, она станет замерять большим и средним пальцами, а я, как и положено, большим и мизинцем. Это было справедливо, и я согласился.

Игра началась заново. Мы перебрались из комнаты в прихожую, где было свободнее, и били о ровную дощатую заборку. Били, опускались на колени, ползали по полу, задевая друг друга, растягивали пальцы, замеряя монеты, затем опять поднимаясь на ноги, и Лидия Михайловна объявляла счет. Играла она шумно: вскрикивала, хлопала в ладоши, поддразнивала меня – одним словом, вела себя как обыкновенная девчонка, а не учительница, мне даже хотелось порой на нее прикрикнуть. Но выигрывала тем не менее она, а я проигрывал. Я не успел опомниться, как на меня набежало восемьдесят копеек, с большим трудом мне удалось скостить этот долг до тридцати, но Лидия Михайловна издали попала своей монетой на мою, и счет сразу подскочил до пятидесяти. Я начал волноваться. Мы договорились расплачиваться по окончании игры, но, если дело и дальше так пойдет, моих денег уже очень скоро не хватит, их у меня чуть больше рубля. Значит, за рубль переваливать нельзя – не то позор, позор и стыд на всю жизнь.

И тут я неожиданно заметил, что Лидия Михайловна и не

старается вовсе у меня выигрывать. При замерах ее пальцы горбились, не выстилаясь во всю длину, – там, где она якобы не могла дотянуться до монеты, я дотягивался без всякой натуги. Это меня обидело, и я поднялся.

– Нет, – заявил я, – так я не играю. Зачем вы мне подыгрываете? Это нечестно.

– Но я действительно не могу их достать, – стала отказываться она. – У меня пальцы какие-то деревянные.

– Можете.

– Хорошо, хорошо, я буду стараться.

Не знаю, как в математике, а в жизни самое лучшее доказательство – от противного. Когда на следующий день я увидел, что Лидия Михайловна, чтобы коснуться монеты, исподтишка подталкивает ее к пальцу, я обомлел. Взглядывая на меня и почему-то не замечая, что я прекрасно вижу ее чистой воды мошенничество, она как ни в чем не бывало продолжала двигать монету.

– Что вы делаете? – возмутился я.

– Я? А что я делаю?

– Зачем вы ее подвинули?

– Да нет же, она тут и лежала, – самым бессовестным образом, с какой-то даже радостью отперлась Лидия Михайловна ничуть не хуже Вадика или Птахи.

Вот это да! Учительница, называется! Я своими собственными глазами на расстоянии двадцати сантиметров видел, что она трогала монету, а она уверяет меня, что не трогала, да еще и смеется надо мной. За слепого, что ли, она меня принимает? За маленького? Французский язык преподает, называется. Я тут же напрочь забыл, что всего вчера Лидия Михайловна пыталась подыграть мне, и следил только за тем, чтобы она меня не обманула. Ну и ну! Лидия Михайловна, называется.

В этот день мы занимались французским минут пятнадцать – двадцать, а затем и того меньше. У нас появился другой интерес. Лидия Михайловна заставляла меня прочесть отрывок, делала замечания, по замечаниям выслушивала еще раз, и мы не мешкая переходили к игре. После двух небольших проигрышей я стал выигрывать. Я быстро приловчился к «замеряшкам», разобрался во всех секретах, знал, как и куда бить, что делать в роли разыгрывающего, чтобы не подставить свою монету под замер.

И опять у меня появились деньги. Опять я бегал на базар и покупал молоко – теперь уже в мороженых кружках. Я осторожно срезал с кружка наплыв сливок, совал рассыпающиеся ледяные ломтики в рот и, ощущая во всем теле их сытую сладость, закрывал от удовольствия глаза. Затем переворачивал кружок

вверх дном и долбил ножом сладковатый молочный отстой. Остаткам позволял растаять и выпивал их, заедая куском черного хлеба.

Ничего, жить можно было, а в скором будущем, как залечим раны войны, для всех обещали счастливое время.

Конечно, принимая деньги от Лидии Михайловны, я чувствовал себя неловко, но всякий раз успокаивался тем, что это честный выигрыш. Я никогда не напрашивался на игру, Лидия Михайловна предлагала ее сама. Отказываться я не смел. Мне казалось, что игра доставляет ей удовольствие, она веселела, смеялась, тормошила меня.

Знать бы нам, чем это все кончится…

…Стоя друг против друга на коленях, мы заспорили о счете. Перед тем тоже, кажется, о чем-то спорили.

– Пойми ты, голова садовая, – наползая на меня и размахивая руками, доказывала Лидия Михайловна, – зачем мне тебя обманывать? Я веду счет, а не ты, я лучше знаю. Я трижды подряд проиграла, а перед тем была «чика».

– «Чика» несчитово.

– Почему это несчитово?

Мы кричали, перебивая друг друга, когда до нас донесся удивленный, если не сказать, пораженный, но твердый, звенящий голос:

– Лидия Михайловна, что с вами? Что здесь происходит?

Лидия Михайловна медленно, очень медленно поднялась с колен, раскрасневшаяся и взлохмаченная, и, пригладив волосы, сказала:

– Я, Василий Андреевич, надеялась, что вы постучите, прежде чем входить сюда.

– Я стучал. Мне никто не ответил. Что здесь происходит? – объясните, пожалуйста. Я имею право знать как директор.

– Играем в «пристенок», – спокойно ответила Лидия Михайловна.

– Вы играете на деньги с этим?.. – Василий Андреевич ткнул в меня пальцем, и я со страху пополз за перегородку, чтобы укрыться в комнате. – Играете с учеником?! Я правильно вас понял?

– Правильно.

– Ну, знаете… – Директор задыхался, ему не хватало воздуха. – Я теряюсь сразу назвать ваш поступок. Это преступление. Растление. Совращение. И еще, еще… Я двадцать лет работаю в школе, видывал всякое, но такое… И он воздел над головой руки.

* * *

Через три дня Лидия Михайловна уехала. Накануне она встретила меня после школы и проводила до дому.

– Поеду к себе на Кубань, – сказала она, прощаясь. – А ты учись спокойно, никто тебя за этот дурацкий случай не тронет. Тут виновата я. Учись. – Она потрепала меня по голове и ушла.

И больше я ее никогда не видел.

Среди зимы, уже после январских каникул, мне пришла на школу по почте посылка. Когда я открыл ее, достав опять топор из-под лестницы, – аккуратными, плотными рядами в ней лежали трубочки макарон. А внизу в толстой ватной обертке я нашел три красных яблока.

Раньше я видел яблоки только на картинках, но догадался, что это они.

Вопросы и задания

▸**1.** Как вы объясняете название рассказа?

2. Кратко расскажите о событиях этого рассказа и важнейших элементах его сюжета.

▸▸**1.** Попробуйте объяснить, почему в рассказе отсутствует имя повествователя. Что достигает таким приемом автор?

▸▸▸**1.** Какой вы представляете себе Лидию Михайловну? Какие черты ее характера и поведения вызывают симпатию?

2. Какая роль в этом рассказе отводится игре? Опишите игры, в которые играл герой.

3. Перечитайте эпилог и оцените его важность для понимания позиции автора.

4. Предложите возможный вариант эпиграфа к этому рассказу, который бы подчеркнул основную идею произведения.

Из истории эссе

Эссе (от латинского слова «взвешивание» и французских слов «опыт», «попытка», «проба») – это прозаическое произведение небольшого объема и свободной композиции, передающее индивидуальные впечатления, попытку собственного «взвешивания», оценки вопроса.

У этого жанра есть и свой родоначальник – Мишель Монтень (1533–1592), «Опыты» которого и явились попыткой передать в произведении размышления и суждения по поводу конкретных исторических фактов прошлого и настоящего, о быте и нравах разных эпох. С его произведениями вы познакомитесь позднее.

Эссе отличает афористичность, подчеркнутая субъективность, установка на воспроизведение разговорной речи. Появлялись и специальные сборники эссе. Так, в Англии в XVII веке вышла книга «Некоторые рассуждения в форме эссе» А. Коули.

С XVIII века эссе становится одним из ведущих жанров журналистики Англии, Франции, Америки. До сих пор эссе – один из ведущих жанров литературной критики.

В русской литературе жанр эссе активно использовали И. Г. Эренбург, Ю. К. Олеша, Б. Л. Пастернак, М. И. Цветаева. Эссе постоянно появляются на страницах газет и журналов.

Познакомьтесь с эссе, написанным К. Г. Паустовским.

Радость творчества
(*Константин Георгиевич Паустовский*)

Почти каждому человеку, очевидно, знакомо ощущение неизбежного счастья. Оно как будто ждет за порогом. Стоит только распахнуть дверь, чтобы счастье ворвалось, вместе с ветром и шумом листвы, в вашу комнату.

Это ощущение всегда застает нас врасплох. Чаще бьется сердце, мысли, перебивая друг друга, теснятся в сознании, человек улыбается, сам не зная чему.

Так иногда бывает – идет обыкновенный дождь, вы открываете окно, и вдруг вам кажется, что золотые обильные

ливни льются над всей страной, и шум дождевых капель в лесах, в траве, в чащах садов говорит о богатстве, о блеске, о прекрасном будущем этой земли.

Радуги стоят торжественными триумфальными арками, входом в сказочные, затянутые дымом стихающих дождей, беззаботные страны.

Или внезапно в памяти выплывают где-то давно прочитанные строки: «Из царства льдов, из царства вьюг и снега как чист и свеж твой вылетает май», – и по-новому, почти по-детски раскрывается облик недалекой весны.

Когда в сознании писателя рождается книга, он испытывает такое же чувство приближающегося неизбежного счастья.

Еще все неясно. Еще все смешалось вокруг в дождевой пыли, в разноголосых криках птиц и людей, в шуме деревьев, в громыхании грома. Еще сознание заполнено перекличкой отдельных слов, мыслей, образов, сравнений, но сквозь все это уже возникает даль свободного повествования.

В каждую книгу писатель уходит надолго, как уходят в просторы неизведанной страны исследователи и завоеватели. Он часто не знает, что его ждет, какие реки, леса и горные кряжи он нанесет на карты, каких неожиданных людей он встретит, свидетелем каких событий ему посчастливится быть.

Волнение писателя, начинающего книгу, сродни волнению человека, уходящего в глубину еще не открытых и не рассказанных стран.

Тревога и радость – два самых сильных чувства, сопровождающих писателя на его пути. Тревога – обычный спутник его мучительной и упорной работы. Найдутся ли ясные и веские слова, чтобы рассказать обо всем увиденном и продуманном, рассказать об этом своему народу, – а его наш советский писатель всегда ощущает как друга. Хватит ли воли, свежести чувств, остроты мысли для того, чтобы взволновать книгой этого взыскательного друга?

Радость работы над книгой – это радость победы над временем, над пространством. Мне кажется, что у настоящих писателей в чувстве радости от законченной работы всегда есть частица чего-то сказочного. Как будто писатель крепко взял за руку друга и повел его за собой в жизнь, в страну, полную событий и света. «Смотри!» – говорит он, и перед другом открываются двери домов, и он видит трогательные и печальные, смешные и героические истории, случившиеся около простых семейных очагов. «Смотри!» – снова говорит писатель, и жестокие бури проносятся над успокоенной землей. «Еще смотри», – и синие дни поднимаются вереницами над берегами морей…

Писатель испытывает радость от созерцания жизни, от размышлений, от той особой внутренней напряженности и тишины, которая предшествует рождению книги, от множества как будто бы случайных вещей, дающих толчок для работы.

Год назад я ехал в Севастополь. Где-то за Синельниковом поезд внезапно остановился в степи. После гула и грохота в вагоны вошла мягкая тишина. Пассажиры сразу притихли. Только ветер шелестел газетами, забытыми на столиках.

Я вышел. Стоял туманный мартовский день. Весенний разлив голубел вдали, в степях над ним голубело неяркое и просторное небо. Тишина хлынула на нас. Она шла со всех сторон, из степей, из безмолвной деревни на косогоре. Она обступила и сжала остановившийся поезд…

Так вот бродишь в жизни и то тут, то там наталкиваешься на встречи, на какие-то часы тишины и сосредоточенности, на «закономерные случайности», и в это-то время и возникает обычно замысел книг. В этом есть особая радость – очень ощутимая, но трудно поддающаяся рассказу. Очевидно, это и есть то состояние, какое мы называем «радостью творчества».

Все отдают своей стране, своему народу знания, опыт, навыки, наконец, самую жизнь, если этого требует существование страны. Но у писателей есть одно невольное преимущество – они отдают своему народу еще и великолепное чувство счастья. Поэтому так радостен писательский труд – тяжелый и многолетний.

Вопросы и задания

⏩**1.** Какие жанровые особенности дают основание утверждать, что это произведение Паустовского – эссе? Попробуйте сами доказать, что это не очерк и не статья.

2. Какие проблемы, судя по этому произведению, особенно остро волновали писателя?

3. Какие жанры можно было бы использовать для решения этих проблем? Есть ли в каждой конкретной проблеме какие-то признаки, которые дают возможность избрать конкретный жанр, или выбор зависит только от желания автора?

4. Какой из отличительных признаков эссе более всего представлен в этом произведении:

а) афористичность,

б) подчеркнутая субъективность,

в) установка на воспроизведение разговорной

(бытовой) речи?

Федор Александрович Абрамов (1920–1983)

В последние десятилетия XX века стали очень популярными писатели, которые создавали произведения о русской деревне. Они даже получили специальное название – «деревенщики», хотя писали не только о деревне и ее проблемах. Федор Александрович Абрамов – один из этих писателей.

Он ушел на войну добровольцем, был тяжело ранен и демобилизован. Вернувшись в Ленинградский университет, не только закончил его, но и стал литературоведом-исследователем и только потом начал писать художественные произведения. Он никогда не забывал деревню, в которой вырос, не забывал и тяжелого опыта военных лет.

За свою трилогию «Пряслины» писатель получил Ленинскую премию. Произведения Абрамова проникнуты не только уважением к сельскому труженику, но и заботой о «братьях наших меньших», особенно о помощнице в крестьянском труде – лошади.

В рассказе «О чем плачут лошади» автор доверяет своей любимой Рыжухе высказать то, что наболело у этих безответных и преданных помощников крестьянина. Диалог с Рыжухой, звучащий в реалистическом рассказе, не превращает произведение в сказку или басню. Почему? Это решите вы – читатели.

О чем плачут лошади

Всякий раз, когда я спускался с деревенского угора на луг, я как бы вновь и вновь попадал в свое далекое детство – в мир пахучих трав, стрекоз и бабочек и конечно же в мир лошадей, которые паслись на привязи, каждая возле своего кола. Я частенько брал с собой хлеб и подкармливал лошадей, а если не случалось хлеба, я все равно останавливался около них, дружелюбно похлопывал по спине, по шее, подбадривал ласковым словом, трепал по теплым бархатным губам и потом долго, чуть не весь день ощущал на своей ладони ни с чем не сравнимый конский душок.

Самые сложные, самые разноречивые чувства вызывали у меня эти лошади.

Они волновали, радовали мое крестьянское сердце, придавали пустынному лугу с редкими кочками и кустиками

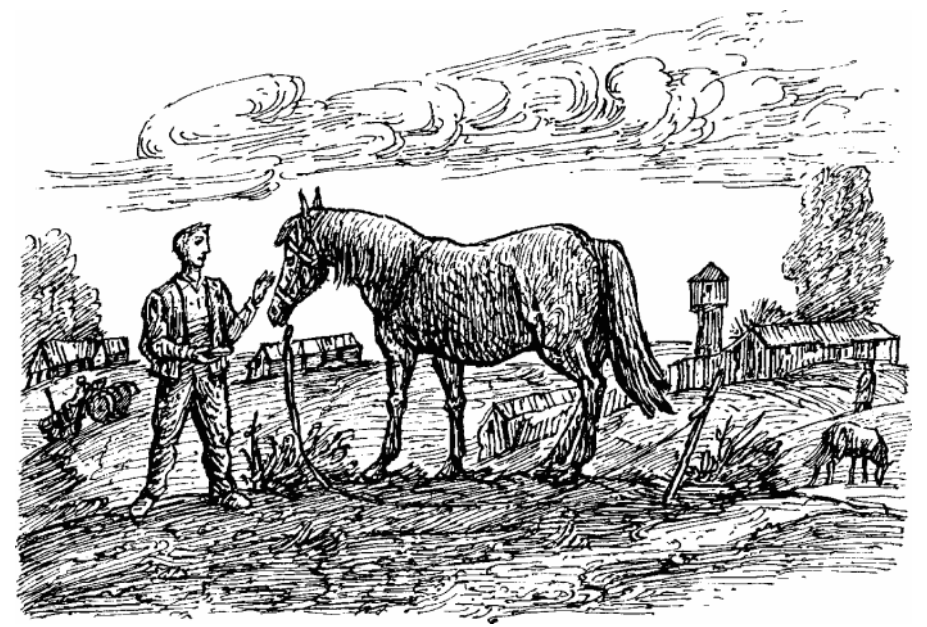
ивняка свою особую – лошадиную – красоту, и я мог не минутами, часами смотреть на этих добрых и умных животных, вслушиваться в их однообразное похрустывание, изредка прерываемое то недовольным пофыркиванием, то коротким всхрапом – пыльная или несъедобная травка попалась.

Но чаще всего лошади эти вызывали у меня чувство жалости и даже какой-то непонятной вины перед ними.

Конюх Миколка, вечно пьяный, иногда и день и ночь не заявлялся к ним, и вокруг кола не то что травка – дернина была изгрызена и выбита дочерна. Они постоянно томились, умирали от жажды, их донимал гнус – в затишные вечера серым облаком, тучей клубился над ними комар и мошкара.

В общем, что говорить – нелегко жилось беднягам. И потому-то я как мог пытался скрасить, облегчить их долю. Да и не только я. Редкая старушонка, редкая баба, оказавшись на лугу, проходила мимо них безучастно.

На этот раз я не шел – бежал к лошадям, ибо кого же я увидел сегодня среди них? Свою любимицу Клару, или Рыжуху, как я называл ее запросто, по-бывалошному, по обычаю тех времен, когда еще не было ни Громов, ни Идей, ни Побед, ни Ударников, ни Звезд, а были Карьки и Карюхи, Воронки и Воронухи, Гнедки и Гнедухи – обычные лошади с обычными лошадиными именами.



Рыжуха была тех же статей и тех же кровей, что и остальные кобылы и мерины. Из породы так называемых мезенок, лошадок некрупных, неказистых, но очень выносливых и неприхотливых,

хорошо приспособленных к тяжелым условиям Севера. И доставалось Рыжухе не меньше, чем ее подругам и товарищам. В четыре-пять лет у нее уже была сбита спина под седелкой, заметно отвисло брюхо и даже вены в пахах начали пухнуть.

И все-таки Рыжуха выгодно выделялась среди своих сородичей.

На некоторых из них просто мочи не было смотреть. Какие-то неряшливые, опустившиеся, с невылинялой, клочкастой шкурой, с гноящимися глазами, с какой-то тупой покорностью и обреченностью во взгляде, во всей понурой, сгорбленной фигуре.

А Рыжуха – нет. Рыжуха была кобылка чистая, опрятная, да к тому же еще сохранила свой веселый, неунывающий характер, норовистость молодости.

Обычно, завидев меня, спускающегося с угора, она вся подбиралась, вытягивалась в струнку, подавала свой звонкий голос, а иногда даже широко, насколько позволяла веревка, обегала вокруг кола, то есть совершала, как я называл это, свой приветственный круг радости.

Сегодня Рыжуха при моем приближении не выказала ни малейшего воодушевления. Стояла возле кола неподвижно, окаменело, истово, как умеют стоять только лошади, и ничем, решительно ничем не отличалась от остальных кобыл и коней.

«Да что с ней? – с тревогой подумал я. – Больна? Забыла меня за это время?» (Рыжуха две недели была на дальнем сенокосе.)

Я на ходу стал отламывать от буханки большой кусок – с этого, с подкормки, началась наша дружба, – но тут кобыла и вовсе озадачила меня: она отвернула голову в сторону.

– Рыжуха, Рыжуха… Да это же я… я…

Я схватил ее за густую, с проседью челку, которую сам же и подстриг недели три назад – напрочь забивало глаза, – притянул к себе. И что же я увидел? Слезы. Большие, с добрую фасолину, лошадиные слезы.

– Рыжуха, Рыжуха, да что с тобой?

Рыжуха молча продолжала плакать.

– Ну хорошо, у тебя горе, у тебя беда. Но ты можешь сказать, в чем дело?

– У нас тут спор один был…

– У кого – у нас?

– У нас, у лошадей.

– У вас спор? – удивился я. – О чем?

– О лошадиной жизни. Я им сказала, что были времена, когда нас, лошадей, жалели и берегли пуще всего на свете, а они подняли меня на смех, стали издеваться надо мной… – И тут Рыжуха опять расплакалась.

Я насилу успокоил ее. И вот что в конце концов рассказала она мне.

На дальнем покосе, с которого только что вернулась Рыжуха, она познакомилась с одной старой кобылой, с которой на пару ходила в конной косилке. И вот эта старая кобыла, когда им становилось совсем невмоготу (а работа там была каторжная, на износ), начинала подбодрять ее своими песнями.

– Я в жизни ничего подобного не слыхала, – говорила Рыжуха. – Из этих песен я узнала, что были времена, когда нас, лошадей, называли кормилицами, когда нас холили и ласкали, украшали лентами. И когда я слушала эти песни, я забывала про жару, про оводов, про удары ременки, которой то и дело лупил нас злой мужик. И мне легче, ей-богу, легче было тащить тяжелую косилку. Я спрашивала Забаву – так звали старую кобылу, – не утешает ли она меня. Не сама ли она придумала все эти красивые песни про лошадиное беспечальное житье? Но она меня уверила, что все это сущая правда и что песни эти певала ей еще мать. Певала, когда она была сосунком. А мать слышала их от своей матери. И так эти песни про счастливые лошадиные времена из поколения в поколение передавались в ихнем роду.

– И вот, – заключила свой рассказ Рыжуха, – сегодня утром, как только нас вывели на луг, я начала петь песни старой кобылы своим товаркам и товарищам, а они закричали в один голос: «Вранье все это, брехня! Замолчи! Не растравляй нам душу. И так тошно».

Рыжуха с надеждой, с мольбой подняла ко мне свои огромные, все еще мокрые, печальные глаза, в фиолетовой глубине которых я вдруг увидел себя – маленького, крохотного человечка.

– Скажите мне… Вы человек, вы все знаете, вы из тех, кто всю жизнь командует нами… Скажите, были такие времена, когда нам, лошадям, жилось хорошо? Не соврала мне старая кобыла? Не обманула?

Я не выдержал прямого, вопрошающего взгляда Рыжухи. Я отвел глаза в сторону, и тут мне показалось, что отовсюду, со всех сторон, на меня смотрят большие и пытливые лошадиные глаза. Неужели то, о чем спрашивала меня Рыжуха, занимало и других лошадей? Во всяком случае, обычного хруста, который всегда слышится на лугу, я не услышал.

Не знаю, сколько продолжалась для меня эта молчаливая пытка на зеленой луговине под горой, может, минуту, может, десять минут, может, час, но я взмок с головы до ног.

Все, все правильно говорила старая кобыла, ничего не соврала. Были, были такие времена и были еще недавно, на моей

памяти, когда лошадью дышали и жили, когда ей скармливали самый лакомый кусок, а то и последнюю кроху хлеба – мы-то как-нибудь выдюжим, мы-то и с голодным брюхом промаемся до утра. Нам не привыкать. А что делалось по вечерам, когда наработавшаяся за день лошадка входила в свой заулок! Вся семья, от мала до велика, выбегала встречать ее, и сколько же ласковых, сколько благодарных слов выслушивала она, с какой любовью распрягали ее, выхаживали, водили на водопой, скребли, чистили! А сколько раз за ночь поднимались хозяева, чтобы проведать свое сокровище!

Да, да, сокровище. Главная опора и надежда всей крестьянской жизни, потому как без лошади – никуда: ни в поле выехать, ни в лес. Да и не погулять как следует.

Полвека прожил я на белом свете и чудес, как говорится, повидал немало – и своих, и заморских, а нет – русские гулянья на лошадях о Масленице сравнить не с чем.

Все преображалось как в сказке. Преображались мужики и парни – чертом выгибались на легких расписных санках с железными подрезами, преображались лошади. Эх, гулюшки, эх, родимые! Не подкачайте! Потешьте сердце молодецкое. Раздуйте метель-огонь на всю улицу!

И лошади раздували. Радугами плясали в зимнем воздухе цветастые, узорчатые дуги, июльский жар несло от медных начищенных сбруй, и колокольцы, колокольцы – услада русской души…

Первая игрушка крестьянского сына – деревянный конь. Конь смотрел на ребенка с крыши родного, отцовского дома, про коня-богатыря, про сивку-бурку пела ему и рассказывала мать, конем украшал он, подросши, прялку для своей суженой, коню молился – ни одной божницы не помню я в своей деревне без Егория Победоносца. И конской подковой – знаком долгожданного мужицкого счастья – встречало тебя почти каждое крыльцо.

Все – конь, все – от коня: вся жизнь крестьянская с рождения до смерти…

Ну и что же удивительного, что из-за кобылы вскипали все главные страсти в первые колхозные годы!

У конюшни толклись, митинговали с утра до ночи, там выясняли свои отношения. Сбил у воронка холку, не напоил гнедуху вовремя, навалил слишком большой воз, слишком быстро гнал чалого, и вот уж крик, вот уж кулаком в рыло заехали.

Э-э, да что толковать о хозяевах, о мужиках, которые всю жизнь кормились от лошади!

Я, отрезанный ломоть, студент университета, еще накануне войны не мог спокойно пройти мимо своего Карька, который

когда-то, как солнце, освещал всю жизнь нашей многодетной, рано осиротевшей семьи. И даже война, даже война не вытравила во мне память о родном коне.

Помню, в сорок седьмом вернулся в деревню. Голод, разор, запустение, каждый дом рыдает по невернувшимся с войны. А стоило мне увидеть первую лошадь, и на мысль пришел Карько.

– Нету вашего Карька, – ответил мне конюх-старик. – На лесном фронте Богу душу отдал. Ты думаешь, только люди в эту войну воевали? Нет, лошади тоже победу ковали, да еще как…

Карько, как я узнал дальше, свой жизненный путь закончил в самый День Победы. Надо было как-то отметить, отпраздновать такой день. А как? Чем? Вот и порешили пожертвовать самой старой доходягой. Короче, когда Карько притащился из лесу со своим очередным возом, на него сверху, со штабеля, обрушили тяжеленные бревна…

В каждом из нас, видно, в какой-то мере живет пушкинский вещий Олег, и года три назад, когда мне довелось быть в Родухе, где когда-то в войну шла заготовка леса, я попытался разыскать останки своего коня.

Лесопункта давно уже не было. Старые бараки, кое-как слепленные когда-то стариками да мальчишками, развалились, заросли крапивой, а на месте катища, там, где земля была щедро удобрена перегнившей щепой и корой, вымахали густые заросли розового иван-чая.

Я побродил возле этих зарослей, в двух-трех местах даже проложил через них тропу, но останков никаких не нашел…

…Рыжуха все так же, с надеждой, с мольбой, смотрела на меня. И смотрели другие лошади. И казалось, все пространство на лугу, под горой – сплошь одни лошадиные глаза. Все, и живые, на привязи, и те, которых давно уже не было, – все лошадиное царство, живое и мертвое, вопрошало сейчас меня.

А я вдруг напустил на себя бесшабашную удаль и воскликнул:

– Ну, ну, хватит киснуть! Хватит забивать себе голову всякой ерундой. Давайте лучше грызть хлеб, пока грызется.

И вслед за тем, избегая глядеть в глаза Рыжухе, я торопливо бросил на луг, напротив ее вытянутой морды, давно приготовленный кусок хлеба, потом быстро оделил хлебом других лошадей и с той же разудалой бесшабашностью театрально вскинул руку:

– Покель! В энтом деле без банки нам все равно не разобраться… – И, глубоко сунув руки в карманы модных джинсов со светлыми заклепками, быстрой, развязной походкой двинулся к реке.

А что я мог ответить этим бедолагам? Сказать, что старая кобыла ничего не выдумала, что были у лошадей другие времена?

Я пересек пересохшее озеро, вышел на старую межу, которая всегда радовала меня своим буйным разнотравьем.

Но я ничего не видел сейчас.

Все мое существо, весь мой слух были обращены назад, к лошадям. Я ждал, каждым своим нервом ждал, когда же они начнут грызть хлеб, с обычным лошадиным хрустом и хрумканьем стричь траву на лугу.

Ни малейшего звука не доносилось оттуда.

И тогда я вдруг стал понимать, что я совершил что-то непоправимое, страшное, что я обманул Рыжуху, обманул всех этих несчастных кляч и что никогда, никогда уже у меня с Рыжухой не будет той искренности и того доверия, которые были до сих пор.

И тоска, тяжелая лошадиная тоска навалилась на меня, пригнула к земле. И вскоре я уже сам казался себе каким-то нелепым, отжившим существом. Существом из той же лошадиной породы…

Вопросы и задания

⏭**1.** Опишите мир далекого детства, который ожил перед автором. Что было самым запоминающимся в этой картине?

2. Почему именно лошади вызывали у рассказчика чувство жалости и даже вины?

3. Как рисует автор портрет своей героини – Рыжухи?

4. Что вас удивило в диалоге рассказчика и его любимицы?

5. Касается ли и нас укор животных, которыми мы так жестоко пренебрегаем?

6. Можно ли увидеть в строках этого рассказа элементы притчи, попытку автора помочь своим современникам решить проблемы связи с живой природой?

Александр Валентинович Вампилов (1937–1972)

Яркой и неожиданно короткой была жизнь этого прирожденного драматурга. Он родился и вырос в Сибири, в

Иркутской области. Когда его мать лежала в родильном доме и ждала появления ребенка, отец писал ей, что во сне встречался «с Максимом Горьким и целовал его в щетинистую щеку. Боюсь, как бы писатель не родился». Сон отца оказался пророческим – сын стал писателем. Но отцу не было дано это узнать. Шел 1937 год, его арестовали, и он погиб. Мать растила детей и преподавала математику в школе. Вы уже знаете, что рассказ «Уроки французского» Валентин Распутин посвятил Анастасии Прокопьевне – матери Вампилова. Так обозначаются нравственные связи в литературе сегодняшнего дня.

Исследователи творчества Вампилова заметили незначительный факт, который после смерти писателя стал казаться зловещим совпадением, почти предсказанием. Это была начальная фраза его первого напечатанного произведения в сборнике рассказов «Стечение обстоятельств»: «Случай, пустяк, стечение обстоятельств иногда становится самым драматическим моментом в жизни человека». Так, мирная поездка на лодке по Байкалу хорошего пловца и смелого человека окончилась тем, что он утонул, немного не доплыв до берега от перевернувшейся лодки: отказало сердце.

Вампилов создал несколько пьес, которые быстро (но только после его смерти!) завоевали сцены страны. «Прощание в июне», «Старший сын», «Прошлым летом в Чулимске», «Утиная охота» – произведения с острой постановкой нравственных вопросов. Создавал он и небольшие пьесы. Таковы «Провинциальные анекдоты» (состоит из двух одноактных пьес «Двадцать минут с ангелом» и «История с метранпажем[27]»). В рукописях погибшего писателя есть и неоконченные произведения. Среди них «Несравненный Наконечников» – водевиль в двух действиях с прологом и эпилогом.

Водевиль – легкая комедийная пьеса, в которой действие, построенное на занимательной интриге, на анекдотическом сюжете, сочетается с музыкой, песенкой, куплетом, танцем. В России водевили появились в начале XIX века. Водевиль «Своя семья, или Замужняя невеста» создал А. С. Грибоедов (с соавторами). Водевиль «Лев Гурыч Синичкин» Д. Т. Ленского идет до сих пор. Известны водевили молодого Н. А. Некрасова – «Актер», «Петербургский ростовщик».

Хотя водевиль «Несравненный Наконечников» не завершен автором, но в нем есть прекрасные сценки, и мы знаем (по записям его друзей) предполагаемый конец забавных событий этой истории. Нас ожидала веселая пьеска о том, как ленивый и скучающий парикмахер становится драматургом. Однако в написанной части мы встречаемся с молодым человеком,

изображенным вполне по-водевильному. Задуманный финал рисовался автору так: «Герой бежит из театра, он ничего из этого уже не хочет, он бежит через зрительный зал, а за ним бежит режиссер, который все же надумал ставить его пьесу…»

Обратимся к фрагменту водевиля.

Несравненный Наконечников. ***Водевиль в двух действиях с прологом и эпилогом***

Действие первое

Картина первая

Старая парикмахерская в большом городе. Небольшая комната, часть которой занавешена портьерой. Три рабочих кресла, зеркала, у дверей вешалка, рядом столик для газет и два стула для ожидающих очереди клиентов.

Летний день, послеобеденный час. Дверь на улицу распахнута настежь. Где-то поблизости крутят монотонную эстрадную мелодию. В одном из кресел развалился простодушного вида молодой человек в белой куртке. Это мастер заведения **Наконечников**. Разморенный жарой и вынужденным бездельем, время от времени позевывая, он перелистывает тонкую книжицу с цветными картинками…

Музыка неожиданно усиливается, на улице послышались шум и голоса. Наконечников не реагирует ни на то, ни на другое. Шум и голоса приближаются, и в парикмахерскую вбегает **Эдуардов**, длинноволосый молодой человек в клетчатом костюме. Он бросается к раковине, хватает стакан, набирает воды, жадно пьет, после чего устремляется к выходу, но на пороге останавливается, поворачивает обратно и скрывается за портьерой. Там он опрокидывает какую-то посудину – раздается грохот, и Наконечников просыпается.

В это мгновение в парикмахерской появляется **Незнакомка** – молодая женщина привлекательной наружности, одетая по последней моде. Ее появление неожиданно, неординарно, и сонный Наконечников смотрит на нее с изумлением. Она осматривается и в изнеможении опускается на стул – рядом с Наконечниковым.

Шум и голоса на улице, достигнув предела, теперь удаляются, затихают.

И музыка снова умолкла.

Незнакомка. Воды…

Наконечников не двигается и молчит, преодолевая барьер между сном и действительностью.

Дайте воды!

Наконечников не шевелится.

Вы глухой?

Наконечников в ответ что-то промычал.

Немой?.. Контуженный?
Наконечников (*наконец очнулся*). Никак нет…
Незнакомка. Тогда дайте мне воды.

Наконечников осторожно, как бы боясь спугнуть гостью, поднимается и подает ей стакан с водой. Та пьет большими глотками.

Еще.
Наконечников (*повинуется*). Сейчас…

Он окончательно проснулся.

Незнакомка. Еще.

Третий стакан с водой он подает ей уже не без галантности.

Кроме вас есть тут кто-нибудь еще?
Наконечников. Здесь?.. Как видите.
Незнакомка. Никого?
Наконечников. А в чем дело?
Незнакомка. Я спрашиваю: есть тут кто-нибудь кроме вас?
Наконечников. Никого… Абсолютно.
Незнакомка. Это правда?.. А там? (*Показывает на портьеру.*) Нет там никого?
Наконечников. Ни души!
Незнакомка. Вы уверены?
Наконечников (*приосанился*). Не волнуйтесь. Я здесь один.

Небольшая пауза. Наконечников подходит к Незнакомке.

(*Интимно.*) Мы абсолютно одни.
Незнакомка (*усмехнулась*). Что вы этим хотите сказать?
Наконечников (*не замечая ее усмешки, подмигивая*). «В этом зале пустом мы танцуем вдвоем…»
Незнакомка (*холодно*). Прекратите. (*Поднялась.*) Вы меня не так поняли. Я ищу совсем другого человека.
Наконечников (*растерянно*). Да?.. (*Не сразу.*) Но я… мне показалось, что вы хотели со мной поговорить…
Незнакомка (*с пренебрежением*). Я – с вами?.. Да ничего подобного!

Она выходит на улицу, но в это время за портьерой раздается тот же грохот. Эдуардов чертыхается. Незнакомка мигом возвращается в парикмахерскую и, отстранив рукой и без того униженного Наконечникова, подходит к портьере, приоткрывает ее и обнаруживает там Эдуардова с тазом в руках. При виде его Незнакомка преображается. Из надменной самоуверенной женщины она превращается в робкую неуклюжую просительницу.

Извините… Простите за беспокойство…
Эдуардов (*с досадой*). Что вам угодно? (*Оставил таз и вышел из прикрытия.*)
Незнакомка. Простите, но разве вы меня не узнаете?
Эдуардов (*грубо*). Первый раз вижу.

Незнакомка. Но как же… Мы ехали с вами в одном такси…

Эдуардов. Не помню.

Незнакомка (*краснея*). Вместе шли по улице…

Эдуардов. Не знаю…

Незнакомка. Я проводила вас до гостиницы…

Эдуардов. Меня всегда кто-нибудь провожает.

Незнакомка. Вы меня поблагодарили…

Эдуардов. Я человек вежливый, но я вас не помню. Извините. (*Наконечникову.*) Шеф, можно у вас напиться?

Наконечников молчит. Он снова в изумлении. Эдуардов пьет.

Незнакомка (*жалобно*). Вы подарили мне трамвайный билет. Вот он… (*Достает из сумки трамвайный билет.*)

Эдуардов. Могу подарить еще один. (*Полез в карман, достал оттуда горсть трамвайных билетов.*) Сколько угодно. Я раздаю их пачками. Каждый день.

Незнакомка. Вы сделали мне комплимент. Вы сказали, что я похожа на…

Эдуардов (*устало*). На Софи Лорен. Ладно. Я вас узнал.

Незнакомка просияла.

(*Строго.*) Узнал. Но, с тех пор как мы виделись, вы сильно изменились.

Незнакомка. Как?.. Мы виделись с вами вчера!

Эдуардов. Все равно. Вы очень изменились.

Незнакомка растерялась, съежилась, увяла.

Ладно, чего вы хотите?

Незнакомка (*жалобно*). Вы сами знаете…

Эдуардов (*сухо*). Когда?

Незнакомка. Сегодня!

Эдуардов. Невозможно.

Незнакомка. Прошу вас!

Эдуардов. Ничего не выйдет.

Незнакомка. Завтра.

Эдуардов. То же самое.

Незнакомка. В четверг!

Эдуардов. Навряд ли. Но вернее всего: нет.

Незнакомка. А вдруг! Умоляю вас, возьмите мой телефон! (*Протягивает ему бумажку.*)

Эдуардов (*жестом отвергает ее телефон*). Я вам не позвоню.

Забуду. (*Милостиво.*) Возьмите мой. (*Достает блокнот, пишет.*) Позвоните в среду. Но учтите, я ничего вам не обещаю. У меня люди на люстрах висят.

Незнакомка. Я надоела вам, простите…

Эдуардов вырывает из блокнота листок, отдает его Незнакомке. Та принимает его с благоговением. Наконечников наблюдает за ними с раскрытым ртом.

Благодарю вас…

Эдуардов (*сухо*). До свидания. (*Наконечникову.*) Вы свободны, шеф?.. Я хотел бы побриться. (*Усаживается в кресло.*)

Незнакомка. До свидания!.. Я буду надеяться… (*Удаляется почти счастливая.*)

Эдуардов. Слава Богу, отвязалась. (*Поднялся с кресла.*) Бриться я не собираюсь… Что такое, шеф? Почему вы так на меня смотрите?

Наконечников (*вышел из оцепенения*). Слушай, парень… Ты в своем уме или нет?

Эдуардов. А что такое?

Наконечников. Нет, ты соображаешь, что ты делаешь?

Эдуардов. Да что такое?

Наконечников. «Что такое?» Такая женщина к тебе клеится, а ты что?

Эдуардов. А-а… (*Рассмеялся.*) Ну, шеф, вы преувеличиваете. Эта женщина обыкновенная.

Наконечников. Она? Обыкновенная?.. Ну даешь ты… Смотри, пробросаешься такими кусками.

Эдуардов (*махнул рукой*). Надоели… Эта еще ничего, скромная. Ты других не видел. Такие, брат, попадаются экземпляры… Хищницы. (*Томно.*) Когда-нибудь они разорвут меня на части…

Эдуардов подходит к двери, выглядывает на улицу. Оттуда в это время снова доносятся голоса.

Наконечников. Слушай, парень… Ты кто такой?

Эдуардов. А ты не знаешь? (*Рассмеялся.*) Ну слава Богу, встретил нормального человека. Будем знакомы.

Он протянул Наконечникову руку, тот ее пожал.

Эдуардов… Вадим.

Наконечников. Наконечников… Кто ты, серьезно? Космонавт

ты, что ли? Нет?

Эдуардов. Послушай! Ты хорошо сохранился – раз ты не знаешь Вадима Эдуардова.

Наконечников. Где ж ты работаешь?

Эдуардов. Везде… Госконцерт – слышал такую организацию?

Наконечников (*не сразу*). Артист, что ли?

Эдуардов. В сообразительности тебе тоже не откажешь.

Наконечников. Артист, значит… А кого ты, допустим, изображаешь?

Эдуардов. Никого.

Наконечников. Тогда какой же ты артист?

Эдуардов. Я пою.

Наконечников. А-а… (*не сразу*). Арии поешь?

Эдуардов. Песни.

Наконечников. Песни?.. И все?

Эдуардов. Ну это, брат, у кого как получается.

Наконечников (*не сразу*). А как ты зарабатываешь?

Эдуардов. Неплохо.

Наконечников. Сотни три имеешь?

Эдуардов. Имею.

Наконечников. А может, четыре?

Эдуардов. Может, и четыре.

Наконечников. А может, и больше?

Эдуардов. А может, и больше.

Наконечников (*не сразу*). Долго учился?

Эдуардов. Чему учился?

Наконечников. Да вот – песни петь?

Эдуардов. Я не учился. Но я, брат, особый случай. Другие выходят из консерватории.

Наконечников. Х-м… А почему для тебя такое исключение?

Эдуардов. Да так. Талант, говорят.

С улицы снова раздаются голоса и гомон толпы. Эдуардов подходит к двери и выглядывает на улицу. Шум толпы приближается.

(*С досадой.*) Неужели эта дура сказала им, что я здесь!.. (*Наконечникову.*) Это поклонники. Черт бы их побрал!.. Если что, я опять спрячусь. А пока мы закроем дверь. Идет? (*Закрывает дверь.*) Думаешь, им нужны автографы? Как бы не так. Они требуют, чтобы я провел их на концерт. Бесплатно. Или – чтобы я пил с ними водку.

Наконечников. Гляжу, везет тебе… (*Не сразу.*) Слушай, а как его определяют, талант? Кто его определяет?

Эдуардов. Как «кто»? Специалисты определяют… Вот ты мне спой что-нибудь, а я тебе скажу, есть у тебя талант или нет.

Наконечников. У меня? (*Не сразу.*) Ты это серьезно?

Эдуардов (*усмехаясь незаметно*). А почему несерьезно? Ты сам сказал, что ты поешь. Вот и спой. А я послушаю.

Наконечников (*он не замечает, что над ним подсмеиваются*). А чего? Могу спеть… А ты определишь, точно?

Эдуардов. Не пой, если не веришь. Мне-то что? (*Не сразу.*) Ну? Будешь петь?

Наконечников прокашлялся, молчит.

Ну что?

Наконечников (*мается*). Дак ведь это… Чудно как-то – ни с того ни с сего…

Эдуардов (*подначивает*). А ты как думал? Давай, давай. Пользуйся случаем. А вдруг у тебя талант.

Наконечников (*не сразу*). Чего спеть-то?

Эдуардов. Это уж твое дело.

Наконечников. Может, «Тройку»?

Эдуардов. Как хочешь.

Наконечников. Или «Рябину»?

Эдуардов. Все равно. Но лучше что-нибудь поживей, потемпераментней.

Наконечников (*молчит, потом вдруг начинает петь фальшиво и нелепо*).

Бирюзовы да златы колечики,
Эх, да раскатились по лужку…

Эдуардов, с трудом подавляя смех, стучит по спинке стула, как по барабану.

Ты ушла, и твои плечики
Скрылися в ночную мглу!
Пой-звени, гитара семиструнная,
Разгони ты грусть-тоску-печаль,
Эх ты, жизнь моя цыганская,
Ничего теперь не жаль.

Хватит?

Эдуардов. Да. Вполне достаточно.

Наконечников. Ну что?

Эдуардов. Неплохо, но… как бы тебе сказать…

Наконечников. Говори, как есть.

Эдуардов. Хорошо. Будем откровенны. Голоса у тебя нет…

Наконечников. Ясно.

Эдуардов. Что «ясно»? Голоса у тебя нет, но на эстраде он и не всегда нужен.

Наконечников. Да?

Эдуардов. Держаться ты не умеешь, вкуса никакого. Стоит тебе запеть на улице, и тебя обязательно заберут в милицию. Но и это не беда: твои манеры можно выдать за непосредственность… Пойдем дальше. Местами ты не поешь, а воешь, как голодный пес, и хрипишь, как будто бы тебя давят.

Наконечников. Ладно. Я тебя понял.

Эдуардов. Что ты понял? Как раз это, возможно, и есть твоя сильная сторона, твой, так сказать, шарм. Не знаю. Воешь ты, конечно, примитивно, но в твоем хрипе, по-моему, есть что-то своеобразное. Именно на него ты мог бы рассчитывать, если бы у тебя было бы хоть немного слуха.

Наконечников (*неожиданно*). А без слуха нельзя?

Эдуардов. Нельзя, к сожалению. Сейчас сочиняют такие мелодии – запомнить их никакого слуха не хватает. Так что извини, но певца из тебя не выйдет. (*Открыл дверь и снова выглянул на улицу, вернулся.*) Но ты не грусти. Может, у тебя какой другой талант.

Наконечников. Думаешь?

Эдуардов. Ну кто тебя знает? (*Осматривает Наконечникова с головы до ног.*) Так… Парень ты видный… Не изболел… Шарниры в порядке?

Наконечников. Чего?

Эдуардов. Суставы, мышцы, ступни… Ноги целы?

Наконечников. Да в норме вроде бы… Не жалуюсь.

Эдуардов. Пляшешь?

Наконечников. Бывает…

Эдуардов. А ну сбацай.

Наконечников. А что, и такая есть профессия?

Эдуардов. А ты как думал? Ты же эстрада. Давай.

Наконечников. А что именно?

Эдуардов. Не знаю. Болеро, па-де-труа, вальс-чечетка – выбирай по своему вкусу.

Наконечников. Вальс-чечетка.

Эдуардов. Так. Вкус у тебя неиспорченный. Шуруй. (*Напевает ему, отстукивает такт.*) Ну! Не заставляй себя ждать!

Наконечников пляшет вальс-чечетку. По ходу сбрасывает

куртку, затем руки держит строго по швам. Пляшет довольно долго.

Чаще! Чаще! (*Увеличивает темп.*) Дерзай!

Наконечников не выдерживает темпа, сбивается и останавливается.

Все?

Наконечников падает в кресло. Тяжело дышит.

Ну что ж… совсем неплохо. Своеобразно… Но для узкого круга. Боюсь, что широкая публика тебя не поймет.

Наконечников. Воды… Воды подай…

Эдуардов (*подает ему воды, с сочувствием*). Устал?

Наконечников. Запалился.

Эдуардов. Тяжело, конечно, с непривычки… М-да… Пожалуй, это мы с тобой зря затеяли. Похоже, этим делом надо заниматься систематически, с самого детства. (*Не сразу.*) Тебе сколько лет?

Наконечников показывает на пальцах.

Так… Видишь, время, можно сказать, упущено… Давно ты в парикмахерской?

Наконечников показывает три пальца.

Три года… Надоело?

Наконечников. Как сказать?.. Сначала ничего. Потом так-сяк… (*Тяжело дышит.*) Сейчас – не знаю… Короче: надоело… (*Не сразу.*) Что делать? Куда податься?

Эдуардов. Женат?

Наконечников кивает.

Уже хуже… Давно женат?

Наконечников. Три года… Осел здесь после армии.

Эдуардов. А откуда родом?

Наконечников. Родом деревенский.

Эдуардов. Это заметно… Дети есть?

Наконечников. Двое.

Эдуардов. М-да… Чем тебе помочь – даже и не знаю. (*Не сразу.*) Спортивную карьеру ты, считай, тоже прозевал… Слушай, ты стихи писал?

Наконечников. Было дело.

Эдуардов. Прочти… Помнишь наизусть?

Наконечников. Не-е… Да какие там стихи? Так что-то, один раз написал, к празднику…

Эдуардов. К празднику?.. Ну что ж. Направление у тебя здоровое… Может, тебе литературой заняться?

Наконечников. Да что ты. У меня всего семь классов…

Эдуардов. Это неважно. Даже наоборот: пойдешь от жизни… Ну, со стихами сейчас непросто, поэтов тьма, ты можешь не выдержать конкуренции. Так. Роман тебе не по зубам, прямо скажем… Что там у нас остается? Драматургия… А что? Пожалуй, это идея! Я в газете вчера читал: в театрах репертуарный голод, драматургия отстает, пьес никто не пишет. А? Что ты на это скажешь?

Наконечников. Что такое драматургия?

Эдуардов. Привет! Ты бывал хоть раз в театре?

Наконечников. Был.

Эдуардов. Что ты там видел?

Наконечников. Постановку… Какую – не помню…

Эдуардов. Что такое постановка?

Наконечников молчит.

Ну хорошо. На сцене ты видел актеров. Что они там делают?

Наконечников. Показывают…

Эдуардов. Что показывают?

Наконечников. Ходят, разговаривают… Один все молчал, а потом говорит: дальше, говорит, так жить нельзя, вы, говорит, не люди, а тушканчики, скучно, говорит. Я вас, говорит, в тюрьму пересажу и сам с вами сяду.

Эдуардов. Так. Это драма.

Наконечников. А другую видел, так там все больше смехом. И мужик веселый. Жену, говорит, вы у меня, конечно, отбили, сына, конечно, тоже увели, есть у вас, говорит, и другие недостатки, но теперь, говорит, дело прошлое, и в целом, говорит, вы все же люди неплохие. Поэтому, говорит, давайте все вместе будем веселиться.

Эдуардов. А это комедия. И придумал все это и написал – автор, писатель, он же драматург – понятно тебе?

Наконечников (*вдруг*). А чего тут не понять?

Эдуардов. Вот и попробуй. Вдруг – талант.

Наконечников. А как за это платят?

Эдуардов. Платят хорошо. Кроме того – слава, почет и уважение… Но предупреждаю: написать – это полдела, главное –

пробиться. Тут, конечно, тебе не повредили бы связи, знакомства…

Наконечников. Погоди, у меня есть знакомый. В театре.

Эдуардов. Парикмахер?

Наконечников. Директор.

Эдуардов. Сам директор?

Наконечников. Он у меня бреется. Уже третий год.

Эдуардов. Да?.. Что ж, для начала это совсем неплохо. Ты подаешь надежды. (*Выглянув на улицу.*) Ушли… (*Подходит к Наконечникову.*) Давай прощаться, я пошел…

Наконечников. Погоди… А как их писать – пьесы-то?

Эдуардов. Здравствуйте, приехали! (*Смеется.*) Берешь бумагу, ручку, садишься, пишешь название. Дальше – действующие лица. Ну и пошел. Пишешь: «Катя». Ставишь точку. Потом – что эта Катя говорит. Потом «Петя». Снова точка и что этот Петя той Кате отвечает. Например. Катя: Петя, ты куда собрался? Петя: До свидания, дорогая Катя, я уезжаю. Катя: Как так, Петя? Ты уезжаешь, а как же я? Разве ты меня не любишь? Почему, отвечает Петя, я тебя люблю, но у меня уже билет в кармане. И так далее. И пошел, и пошел. (*Подает Наконечникову руку.*) Ну! Желаю тебе. Дерзай. Приеду в следующий раз – чтобы ты пригласил меня на свою премьеру.

Наконечников. Что такое премьера?

Эдуардов. Первое представление. Желаю тебе – еще раз. (*Идет к двери.*)

Наконечников. Постой!

Эдуардов останавливается.

Про что мне писать?

Эдуардов. А уж это тебе лучше знать. Возьми какой-нибудь случай интересный – может, из своей жизни, а нет, так что-нибудь придумай. Но смотри, ври, да знай меру. Чтоб на правду было похоже, понял?.. Все. Желаю успеха. (*Уходит.*)

Оставшись один, Наконечников погружается в глубокое размышление. Через некоторое время на улице раздается шум толпы, который приближается к самым дверям парикмахерской. Наконечников подходит к двери.

Наконечников (*неожиданно, тоном Эдуардова*). Что вам угодно?

Голос из толпы. Вы не видели Эдуардова?

Наконечников (*небрежно*). Вадима?.. Он только что ушел. А

что вам угодно? Если автограф, то пожалуйста, могу дать. Но предупреждаю, водку я с вами пить не буду.

Голос из толпы. А кто вы такой?

Наконечников. Михаил Наконечников. Драматург. Не знаете такого?

Из толпы доносятся смех и голоса: «Кто такой Наконечников?», «Такого мы не знаем», «Первый раз видим».

Голос из толпы. Первый раз слышим.

Наконечников. Ну ничего. Еще услышите.

Вопросы и задания

▶ **1.** Пьеса не была завершена. В ней нет списка действующих лиц. Создайте афишу, то есть список действующих лиц, для первой картины водевиля.

2. Найдите экспозицию водевиля.

▶▶▶ **1.** Попробуйте создать портрет или описание характера Наконечникова по сведениям, которые даны в экспозиции.

2. В какой момент в голове «несравненного» Наконечникова явилась мысль о перемене профессии? Что, по вашему мнению, дало толчок такой мысли?

3. Можно ли суждения и поступки героев считать легковесными, водевильными? Как это доказать?

4. Попробуйте исполнить диалог Наконечникова и Эдуардова в манере, которая свойственна водевилю, включив пение и танцы.

5. Каковы этапы творческих поисков героя и постепенное появление чувства ответственности за избранную профессию?

Из истории пародии

В жизни смешное и грустное часто соседствуют. Достаточно вспомнить, например, великие трагедии Шекспира, которые содержат комические эпизоды, благодаря чему зрители имеют возможность сохранять душевное равновесие. В литературе существует множество способов посмотреть с юмором на те или иные события. Один из них – пародия. **Пародия – жанр критико-сатирической литературы, основанный на комическом воспроизведении и высмеивании стилистических приемов какого-либо писателя, жанра, направления.**

Такая переделка произведения помогает увидеть его смешные стороны или даже иронически изображает те его особенности, которые нам не казались смешными. Греческое слово «пародия» в буквальном переводе означает перепев, это «песня наоборот». Познакомьтесь с пародией поэта-сатирика Д. Д. Минаева на стихотворение А. А. Фета.

Перед вами два стихотворения, одно из которых – популярное произведение известного поэта, а другое – пародия на него. Как была она создана? Для того чтобы ответить на вопрос, прочитайте строки фельетона, из которого извлечен этот пародийный парафраз: «Положа руку на сердце, – уверяет Бурбонов, – можно сказать, стихотворение даже выигрывает при последнем способе чтения, причем описываемая картина выражается и последовательнее и художественнее. Кто же упрекнет меня теперь, что я не сочувствую высоким способностям г. Фета». (Михаил Бурбонов – один из псевдонимов Д. Д. Минаева.)

Пусть травы на воде русалки колыхают…

Пусть травы на воде русалки колыхают,
Пускай живая трель ярка у соловья,
Но звуки тишины ночной не прерывают…

Как тихо… Каждый звук и шорох слышу я.
Пустив широкий круг бежать по влаге гладкой,
Порой тяжелый карп плеснет у тростников;
Ветрило бледное не шевельнет ни складкой;
Уснули рыбаки у сонных огоньков.
Скользит и свой двойник на влаге созерцает,
Как лебедь молодой, луна среди небес.
Русалка белая небрежно выплывает;
Уснуло озеро; безмолвен черный лес.

Уснуло озеро; безмолвен черный лес…

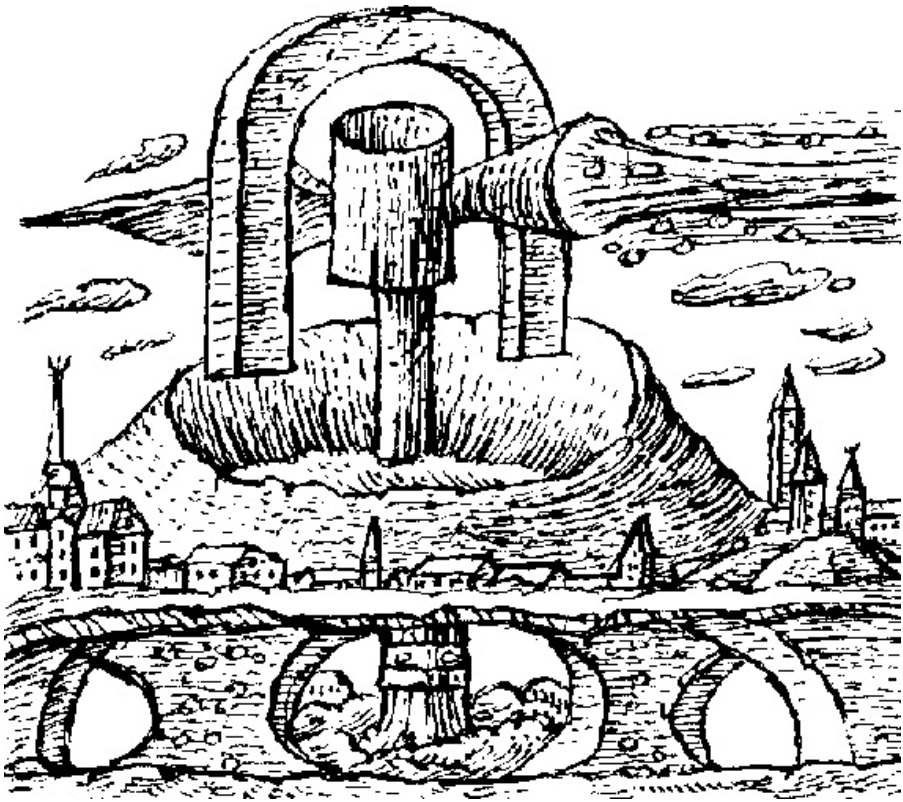
Уснуло озеро; безмолвен черный лес;
Русалка белая небрежно выплывает;
Как лебедь молодой, луна среди небес
Скользит и свой двойник на влаге созерцает.
Уснули рыбаки у сонных огоньков;
Ветрило бледное не шевельнет ни складкой;
Порой тяжелый карп плеснет у тростников,
Пустив широкий круг бежать по влаге гладкой.
Как тихо… Каждый звук и шорох слышу я;
Но звуки тишины ночной не прерывают, —
Пускай живая трель ярка у соловья,
Пусть травы на воде русалки колыхают…

Вопросы и задания

⏩**1.** Итак, определите, какой вариант – первый или второй – пародия? Как это можно доказать?

2. Можно ли доказать совершенство стиха подлинника и талантливость пародии?

Научно-фантастическая литература



Фантастика происходит от греческого слова, которое можно перевести как «способность воображать». Фантастические образы возникали на уровне первобытного мышления, где они являлись едва ли не единственной возможностью объяснить целостность мира. Вся мифология древних порождена фантазией. Фантазией созданы и образы волшебных сказок, герои эпоса. Каждая эпоха по-своему использует фантастические образы и сюжеты.

Современное представление о научно-фантастической литературе сформировалось только в XIX веке. Большую роль в этом сыграл Жюль Верн, с увлекательным романом которого «Таинственный остров» вы уже знакомы.

В XX веке, когда наука и техника входят в повседневную жизнь людей, фантазия писателей устремляется в межпланетные дали, в глубины Земли, в недра человеческого разума. На первое место выходит научная фантастика и такие авторы, как С. Лем, братья А. и Б. Стругацкие, Кобо Абэ, И. Ефремов, Р. Брэдбери,

Р. Шекли. Они предлагают читателям мир, развернутый на основе современных научных гипотез, которые реализуются в знакомых и понятных жизненных ситуациях.

Нужно помнить, что встреча с научной фантастикой требует не только интереса к науке, но и общей подготовки читателя: нужно хотя бы немного владеть языком науки, знать о том, чем занята современная наука.

Роберт Шекли (1928–2005)

Автор, с произведением которого вы знакомитесь сейчас, бывал в России.

Рассказ «Запах мысли» предполагает, что читатель в состоянии понять, как воспринимают мир вокруг живые существа планеты, на которую попал герой, и как ему удается спастись. Автор любит шутить, и его добрый и насмешливый взгляд поможет вам представить себе одну из космических эпопей.

Запах мысли

По-настоящему неполадки у Лероя Кливи начались, когда он вел почтолет-243 по неосвоенному звездному скоплению Пророкоугольника. Лероя и прежде-то удручали обычные

трудности межзвездного почтальона: старый корабль, изъязвленные трубы, невыверенные астронавигационные приборы. Но теперь, считывая показания курса, он заметил, что в корабле становится невыносимо жарко.

Он подавленно вздохнул, включил систему охлаждения и связался с Почтмейстером Базы. Разговор велся на критической дальности радиосвязи, и голос Почтмейстера еле доносился сквозь океан статических разрядов.

– Опять неполадки, Кливи? – спросил Почтмейстер зловещим голосом человека, который сам составляет графики и свято в них верует.

– Да как вам сказать, – иронически ответил Кливи. – Если не считать труб, приборов и проводки, все прекрасно, вот разве что изоляция и охлаждение подкачали.

– Действительно позор, – сказал Почтмейстер, внезапно преисполняясь сочувствием. – Представляю, каково тебе там.

Кливи до отказа крутанул регулятор охлаждения, стер пот, заливающий глаза, и подумал, что Почтмейстеру только кажется, будто он знает, каково сейчас его подчиненному.

– Я ли снова и снова не ходатайствую перед правительством о новых кораблях? – Почтмейстер невесело рассмеялся. – Похоже, они считают, будто доставлять почту можно на любой корзине.

В данную минуту Кливи не интересовали заботы Почтмейстера. Охлаждающая установка работала на полную мощность, а корабль продолжал перегреваться.

– Не отходите от приемника, – сказал Кливи. Он направился в хвостовую часть корабля, откуда как будто истекал жар, и обнаружил, что три резервуара заполнены не горючим, а пузырящимся, раскаленным добела шлаком[28]. Четвертый на глазах претерпевал такую же метаморфозу[29].

Мгновение Кливи тупо смотрел на резервуары, затем бросился к рации.

– Горючего не осталось, – сообщил он. – По-моему, произошла каталитическая реакция. Говорил я вам, что нужны новые резервуары. Сяду на первой же кислородной планете, какая подвернется.

Он схватил Аварийный Справочник и пролистал раздел о скоплении Пророкоугольника. В этой группе звезд отсутствовали колонии, а дальнейшие подробности предлагалось искать по карте, на которую были нанесены кислородные миры. Чем они богаты, помимо кислорода, никому не ведомо. Кливи надеялся выяснить это, если только корабль в ближайшее время не рассыплется.

– Попробую З-М-22, – проревел он сквозь нарастающие

разряды.

– Хорошенько присматривай за почтой, – протяжно прокричал в ответ Почтмейстер. – Я тотчас же высылаю корабль.

Кливи ответил, что он сделает с почтой – со всеми двадцатью фунтами почты. Однако к этому времени Почтмейстер уже прекратил прием.

Кливи удачно приземлился на З-М-22, исключительно удачно, если принять во внимание, что к раскаленным приборам невозможно было прикоснуться, размякшие от перегрева трубы скрутились узлом, а почтовая сумка на спине стесняла движения. Почтолет-243 вплыл в атмосферу, словно лебедь, но на высоте двадцати футов от поверхности отказался от борьбы и камнем рухнул вниз.

Кливи отчаянно силился не потерять остатки сознания. Борта корабля приобрели уже темно-красный оттенок, когда он вывалился из запасного люка; почтовая сумка по-прежнему была прочно пристегнута к его спине. Пошатываясь, с закрытыми глазами он пробежал сотню ярдов[30]. Когда корабль взорвался, взрывная волна опрокинула Кливи. Он встал, сделал еще два шага и окончательно провалился в небытие.

Когда Кливи пришел в себя, он лежал на склоне маленького холмика, уткнувшись лицом в высокую траву. Он пребывал в непередаваемом состоянии шока. Ему казалось, что разум его отделился от тела и, освобожденный, витает в воздухе. Все заботы, чувства, страхи остались с телом: разум был свободен.

Он огляделся и увидел, что мимо пробегает маленький зверек, величиной с белку, но с темно-зеленым мехом.

Когда зверек приблизился, Кливи заметил, что у него нет ни глаз, ни ушей.

Это его не удивило – напротив, показалось вполне уместным. На кой черт сдались белке глаза да уши? Пожалуй, лучше, что белка не видит несовершенства мира, не слышит криков боли…

Появился другой зверь, величиной и формой тела напоминающий крупного волка, но тоже зеленого цвета. Параллельная эволюция[31]. Она не меняет общего положения вещей, заключил Кливи. У этого зверя тоже не было ни глаз, ни ушей. Но в пасти сверкали два ряда мощных клыков.

Кливи наблюдал за животными с вялым интересом. Какое дело свободному разуму до волков и белок, пусть даже безглазых? Он заметил, что в пяти футах от волка белка замерла на месте. Волк медленно приближался. На расстоянии трех футов он, по-видимому, потерял след – вернее, запах. Он затряс головой и медленно описал возле белки круг. Потом снова двинулся по прямой, но уже в неверном направлении.

Слепой охотится на слепца, подумал Кливи, и эти слова показались ему глубокой извечной истиной. На его глазах белка задрожала вдруг мелкой дрожью: волк закружился на месте, внезапно прыгнул и сожрал белку в три глотка.

Какие у волков большие зубы, безразлично подумал Кливи. И в этот же миг безглазый волк круто повернулся в его сторону.

Теперь он съест меня, подумал Кливи. Его забавляло, что он окажется первым человеком, съеденным на этой планете.

Когда волк ощерился над самым его лицом, Кливи снова лишился чувств.

Очнулся он вечером. Уже протянулись длинные тени, солнце уходило за горизонт. Кливи сел и в виде опыта осторожно согнул руки и ноги. Все было цело.

Он привстал на одно колено, еще пошатываясь от слабости, но уже почти полностью отдавая себе отчет в том, что случилось. Он помнил катастрофу, но так, словно она происходила тысячу лет назад: корабль сгорел, он отошел поодаль и упал в обморок. Потом встречался с волком и белкой.

Кливи неуверенно встал и огляделся по сторонам. Должно быть, последняя часть воспоминаний ему пригрезилась. Его бы давно уже не было в живых, окажись поблизости какой-нибудь волк.

Тут Кливи взглянул под ноги и увидел зеленый хвостик белки, а чуть поодаль – ее голову.

Он лихорадочно пытался собраться с мыслями. Значит, волк и в самом деле был, да к тому же голодный. Если Кливи хочет выжить до прихода спасателей, надо выяснить, что тут произошло и почему.

У животных не было ни глаз, ни ушей? Но тогда каким образом они выслеживали друг друга? По запаху? Если так, то почему волк искал белку столь неуверенно?

Послышалось негромкое рычание, и Кливи обернулся. Менее чем в пятидесяти футах появилось существо, похожее на пантеру, без глаз и ушей.

Проклятый звериец, подумал Кливи и затаился в густой траве. Чужая планета не давала ему ни отдыха, ни срока. Нужно же ему время на размышление! Как устроены эти животные? Не развито ли у них вместо зрения чувство локации?[32]

Пантера поплелась прочь.

У Кливи чуть отлегло от сердца. Быть может, если не попадаться ей на пути, пантера…

Едва он дошел в своих мыслях до слова «пантера», как животное повернулось в его сторону.

Что же я сделал? – спрашивал себя Кливи, поглубже

зарываясь в траву. Она не может меня учуять, увидеть или услышать. Я только решил ей не попадаться…

Подняв морду кверху, пантера мерным шагом затрусила к нему.

Вот оно что! Животное, лишенное глаз и ушей, может обнаружить присутствие Кливи только одним способом.

Способом телепатическим![33]

Чтобы проверить свою теорию, Кливи мысленно произнес слово «пантера», отождествляя его с приближающимся зверем. Пантера взревела и заметно сократила разделяющее их расстояние.

В какую-то ничтожную долю секунды Кливи постиг многое. Волк преследовал белку при помощи телепатии. Белка замерла – быть может, отключила свой крохотный мозг. Волк сбился со следа и не находил его, пока белке удавалось тормозить деятельность мозга.

Если так, то почему волк не напал на Кливи, когда тот лежал без сознания? Быть может, Кливи перестал думать, – по крайней мере, перестал думать на той длине волны, какую улавливает волк? Но не исключено, что дело обстоит гораздо сложнее.

Сейчас основная задача – это пантера.

Зверь снова взвыл. Он находился всего лишь в тридцати футах[34] от Кливи, и расстояние быстро уменьшалось. Главное – не думать, решил Кливи, не думать о… думать о чем-нибудь другом. Тогда, может быть, пан… ну, может быть, она потеряет след. Он принялся перебирать в уме всех девушек, которых когда-либо знал, старательно припоминая мельчайшие подробности.

Пантера остановилась и в сомнении заскребла лапами по земле.

Кливи продолжал думать: о девушках, о космолетах, о планетах и опять о девушках, и о космолетах, и обо всем, кроме пантеры.

Пантера придвинулась еще на пять футов.

Черт возьми, подумал он, как можно не думать о чем-то? Ты лихорадочно думаешь о камнях, скалах, людях, пейзажах и вещах, а твой ум неизменно возвращается к… но ты отмахиваешься от нее и сосредоточиваешься на своей покойной бабке (святая женщина!), старом пьянчуге отце, синяках на правой ноге. (Сосчитай их. Восемь. Сосчитай еще раз. По-прежнему восемь.) А теперь ты поднимаешь глаза, небрежно, видя, но не признавая п… Как бы там ни было, она все же приближается.

Пытаться о чем-то не думать – все равно что пытаться остановить лавину голыми руками. Кливи понял, что человеческий ум не так-то просто поддается бесцеремонному

сознательному торможению. Для этого нужны время и практика.

Ему осталось около пятнадцати футов на то, чтобы научиться не думать о п…

Ну что ж, можно ведь думать о карточных играх, о вечеринках, о собаках, кошках, лошадях, овцах, волках (убирайся прочь!), о синяках, броненосцах, пещерах, логовах, берлогах, детенышах (берегись!), п-па-негириках[35], и эмпириках[36], и мазуриках[37], и клириках[38], и лириках, и трагиках (примерно 8 футов), обедах, филе-миньонах, фиалках, финиках, филинах, поросятах, палках, пальто и п-п-п-п…

Теперь пантера находилась в каких-нибудь пяти футах от него и готовилась к прыжку. Кливи был больше не в состоянии изгонять запретную мысль. Но вдруг в порыве вдохновения он подумал: «Пантера-самка!»

Пантера, все еще напрягшаяся для прыжка, с сомнением повела мордой.

Кливи сосредоточился на идее пантеры-самки. Он и есть пантера-самка, и чего, собственно, хочет добиться этот самец, пугая ее? Он подумал о своих (тьфу, черт, самкиных!) детенышах, о теплом логове, о прелестях охоты на белок…

Пантера медленно подошла вплотную и потерлась о Кливи. Он с отчаянием думал о том, какая прекрасная стоит погода и какой мировой парень эта пантера – такой большой, сильный, с такими огромными зубами.

Самец замурлыкал!

Кливи улегся, обвил вокруг пантеры воображаемый хвост и решил, что надо поспать. Пантера стояла возле него в нерешительности. Казалось, чувствовала, что дело неладно. Потом испустила глубокий горловой рык, повернулась и ускакала прочь.

Только что село солнце, и все вокруг залила синева. Кливи обнаружил, что его сотрясает неудержимая дрожь, и он вот-вот разразится истерическим хохотом. Задержись пантера еще на секунду…

Он с усилием взял себя в руки. Пора серьезно поразмыслить.

Вероятно, каждому животному свойствен характерный запах мысли. Белка испускает один запах, волк – другой, человек – третий. Весь вопрос в том, только ли тогда можно выследить Кливи, когда он думает о каком-либо животном? Или его мысли, подобно аромату, можно засечь, даже если он ни о чем особенном не думает?

Пантера, видно, учуяла его лишь в тот миг, когда он подумал именно о ней. Однако это можно объяснить новизной, чуждый запах мыслей мог сбить пантеру с толку в тот раз.

Что ж, подождем – увидим. Пантера, наверное, не тупица. Просто такую шутку с нею сыграли впервые.

Всякая шутка удается… однажды.

Кливи лег навзничь и воззрился в небо. Он слишком устал, чтобы двигаться, да и тело, покрытое кровоподтеками, ныло. Что предстоит ему ночью? Выходят ли звери на охоту? Или на ночь устанавливается некое перемирие? Ему было наплевать.

К черту белок, волков, пантер, львов, тигров и северных оленей!

Он уснул.

Утром он удивился, что все еще жив. Пока все идет хорошо. В конце концов, денек может выдаться не дурной. В радужном настроении Кливи направился к своему кораблю.

От почтолета-243 осталась лишь груда искореженного металла на оплавленной почве. Кливи нашел металлический стержень, прикинул его на руке и заткнул за пояс, чуть ниже почтовой сумки. Не ахти какое оружие, но все-таки придает уверенность.

Корабль погиб безвозвратно. Кливи стал бродить по окрестностям в поисках еды. Вокруг рос плодоносный кустарник. Кливи осторожно надкусил неведомый плод и счел, что он терпкий, но вкусный. Он до отвала наелся ягод и запил их водой из ручейка, что журчал неподалеку в ложбинке.

Пока он не видел никаких зверей. Как знать, сейчас они, чего доброго, окружают его кольцом.

Он постарался отвлечься от этой мысли и занялся поисками укрытия. Самое верное дело – затаиться, пока не придут спасатели. Он блуждал по отлогим холмам, тщетно пытаясь найти скалу, деревце или пещерку. Дружелюбный ландшафт мог предложить разве что кусты высотою в шесть футов.

К середине дня он выбился из сил, пал духом и лишь тревожно всматривался в небо. Отчего нет спасателей? По его расчетам, быстроходное спасательное судно должно прибыть за сутки, от силы за двое.

Если Почтмейстер правильно указал планету.

В небе что-то мелькнуло. Он взглянул вверх, и сердце его неистово заколотилось. Ну и картина!

Над ним, без усилий балансируя гигантскими крыльями, медленно проплыла птица. Один раз она нырнула, словно провалилась в яму, но тут же уверенно продолжила полет.

Птица поразительно смахивала на стервятника.

Кливи побрел дальше. Еще через мгновение он очутился лицом к лицу с четырьмя слепыми волками.

Теперь, по крайней мере, с одним вопросом покончено. Кливи

можно выследить по характерному запаху его мыслей. Очевидно, звери этой планеты пришли к выводу, будто пришелец не настолько чужероден, чтобы его нельзя было съесть.

Волки осторожно подкрадывались. Кливи испробовал прием, к которому прибег накануне. Вытащив из-за пояса металлический стержень, он принялся воображать себя волчицей, которая ищет своих волчат. Не поможет ли один из вас, джентльмены, найти их? Еще минуту назад они были тут. Один зеленый, другой пятнистый, третий…

Быть может, эти волки не мечут пятнистых детенышей. Один из них прыгнул на Кливи. Кливи огрел его стержнем, и волк, шатаясь, отступил.

Все четверо сомкнулись плечом к плечу и возобновили атаку.

Кливи безнадежно попытался мыслить так, как если бы его вообще не существовало на свете. Бесполезно. Волки упорно надвигались. Кливи вспомнил о пантере. Он вообразил себя пантерой. Рослой пантерой, которая с удовольствием полакомится волком.

Это их остановило. Волки тревожно замахали хвостами, но позиций не сдали.

Кливи зарычал, забил лапами по земле и подался вперед. Волки попятились, но один из них проскользнул к нему в тыл.

Кливи подвинулся вбок, стараясь не попадать в окружение. Похоже было, что волки не слишком-то поверили спектаклю. Быть может, Кливи бездарно изобразил пантеру. Волки больше не отступали. Кливи свирепо зарычал и замахнулся импровизированной дубинкой. Один волк стремглав пустился наутек, но тот, что прорвался в тыл, прыгнул на Кливи и сбил его с ног.

Барахтаясь под волками, Кливи испытал новый прилив вдохновения. Он вообразил себя змеей – очень быстрой, со смертоносным жалом и ядовитыми зубами.

Волки тотчас же отскочили. Кливи зашипел и изогнул свою бескостную шею. Волки яростно ощерились, но не выказали никакого желания наступать.

И тут Кливи допустил ошибку. Рассудок его знал, что надо держаться стойко и проявлять побольше наглости. Однако тело поступило иначе. Помимо своей воли он повернулся и понесся прочь.

Волки рванулись вдогонку, и, бросив взгляд кверху, Кливи увидел, что в предвкушении поживы слетаются стервятники. Он взял себя в руки и попытался снова превратиться в змею, но волки не отставали.

Вьющиеся над головой стервятники подали Кливи идею.

Космонавт, он хорошо знал, как выглядит планета сверху. Кливи решил превратиться в птичку. Он представил себе, как парит в вышине, легко балансируя среди воздушных течений, и смотрит вниз на землю, которая ковром расстилается все шире и шире.

Волки пришли в замешательство. Они закружились на месте, стали беспомощно подпрыгивать в воздух. Кливи продолжал парить над планетой, взмывая все выше и выше, и в то же время медленно пятился назад.

Наконец он потерял волков из виду, и наступил вечер. Кливи был измучен. Он прожил еще один день. Но, по-видимому, все гамбиты[39] удаются лишь единожды. Что он будет делать завтра, если не придет спасательное судно?

Когда стемнело, он долго еще не мог заснуть и все смотрел в небо. Однако там виднелись только звезды, а рядом слышалось лишь редкое рычанье волка да рев пантеры, мечтающей о завтраке.

…Утро наступило слишком быстро. Кливи проснулся усталый, сон не освежил его. Не вставая, Кливи ждал.

– Где же спасатели? Времени у них было предостаточно, – решил Кливи. – Почему их еще нет? Если будут слишком долго мешкать, пантера…

Не надо было так думать. В ответ справа послышался звериный рык.

Кливи встал и отошел подальше. Уж лучше иметь дело с волками…

Об этом тоже не стоило думать, так как теперь к реву пантеры присоединилось рычание волчьей стаи.

Всех хищников Кливи увидел сразу. Справа из подлеска грациозно выступила зеленовато-желтая пантера. Слева он явственно различил силуэты нескольких волков. Какой-то миг он надеялся, что звери передерутся. Если бы волки напали на пантеру, Кливи удалось бы улизнуть…

Однако зверей интересовал только пришелец. К чему им драться между собой, понял Кливи, когда налицо он сам, во всеуслышание транслирующий свои страхи и свою беспомощность?

Пантера двинулась вперед. Волки оставались на почтительном расстоянии, по-видимому, намеренные удовольствоваться остатками ее трапезы. Кливи опять было попробовал взлететь по-птичьи, но пантера после минутного колебания продолжила свой путь.

Кливи попятился к волкам, жалея, что некуда влезть. Эх, окажись тут скала или хотя бы приличное дерево…

Но ведь рядом кусты! С изобретательностью, порожденной

отчаянием, Кливи стал шестифутовым кустом. Вообще-то он понятия не имел, как мыслит куст, но старался изо всех сил.

Теперь он цвел. А один из корней у него слегка расшатался. После недавней бури. Но все же, если учесть обстоятельства, он был отнюдь не плохим кустом.

Краешком веток он заметил, что волки остановились. Пантера стала метаться вокруг него, подозрительно фыркнула и склонила голову набок.

И право же, подумал Кливи, кому придет в голову откусить ветку куста? Ты, возможно, приняла меня за что-то другое, но на самом деле я всего-навсего куст. Не хочешь ведь набить себе рот листьями? И ты можешь сломать зуб о мои ветки. Слыханное ли дело, чтобы пантера поедала кусты? А ведь я и *есть* куст. Спроси у моей мамаши. Она тоже куст. Все мы кусты, исстари, с каменноугольного периода.

Пантера явно не собиралась переходить в атаку. Однако не собиралась и удаляться. Кливи не был уверен, что долго протянет. О чем он теперь должен думать? О прелестях весны? О гнезде малиновок в своих волосах?

На плечо к нему опустилась какая-то птичка.

Ну не мило ли, подумал Кливи. Она тоже думает, что я куст. Намерена свить гнездо в моих ветвях. Совершенно прелестно. Все прочие кусты лопнут от зависти.

Птичка легонько клюнула Кливи в шею.

Полегче, подумал Кливи. Не надо рубить сук, на котором сидишь…

Птичка клюнула еще раз, примериваясь. Затем прочно стала на перепончатые лапки и принялась долбить шею Кливи со скоростью пневматического молотка.

Проклятый дятел, подумал Кливи, стараясь не выходить из образа. Он отметил, что пантера внезапно успокоилась. Однако когда птичка долбанула его шею пятнадцатый раз, Кливи не выдержал: он сгреб птичку и швырнул ею в пантеру.

Пантера щелкнула зубами, но опоздала. Оскорбленная птичка произвела разведочный полет вокруг головы Кливи и упорхнула к более спокойным кустам.

Мгновенно Кливи снова превратился в куст, но игра была проиграна. Пантера замахнулась на него лапой. Он попытался бежать, споткнулся о волка и упал. Пантера зарычала над его ухом, и Кливи понял, что он уже труп.

Пантера оробела.

Тут Кливи превратился в труп до кончиков горячих пальцев. Он лежал мертвым много дней, много недель. Кровь его давно вытекла. Плоть протухла. К нему не притронется ни одно

здравомыслящее животное, как бы голодно оно ни было.

Казалось, пантера с ним согласна. Она попятилась. Волки испустили голодный вой, но тоже отступили.

Кливи увеличил давность своего гниения еще на несколько дней и сосредоточился на том, как ужасно он неудобоварим, как безнадежно неаппетитен. И в глубине души – он был в этом убежден – искренне не верил, что годится кому бы то ни было на закуску. Пантера продолжала пятиться, а за нею и волки. Кливи был спасен! Если надо, он может теперь оставаться трупом до конца дней своих.

И вдруг до него донесся *подлинный* запах гниющей плоти. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что рядом опустилась исполинская птица!

На Земле ее назвали бы стервятником.

Кливи едва не расплакался. Неужто ему ничто не поможет? Стервятник подошел к нему вперевалочку. Кливи вскочил и ударил его ногой. Если ему и суждено быть съеденным, то уж, во всяком случае, не стервятником.

Пантера с быстротой молнии явилась вновь, и на ее глупой пушистой морде, казалось, были написаны ярость и смятение.

Кливи замахнулся металлическим стержнем, жалея, что нет поблизости дерева – забраться, пистолета – выстрелить или хоть факела – отпугнуть…

Факел!

Кливи тотчас же понял, что выход найден. Он полыхнул пантере огнем в морду, и та отползла с жалобным визгом. Кливи поспешно стал распространяться во все стороны, охватывая пламенем кусты, пожирая сухую траву.

Пантера стрелой умчалась прочь вместе с волками.

Пришел его черед! Как он мог забыть, что всем животным присущ глубокий инстинктивный страх перед огнем! Право же, Кливи будет самым огромным пожаром, какой когда-либо бушевал в этих местах.

Поднялся легкий ветерок и разнес его огонь по холмистой земле. Из-за кустов выскочили белки и дружно понеслись прочь. В воздух взмыли стаи птиц, а пантеры, волки и прочие хищники бежали бок о бок, забыв и помышлять о добыче, стремясь лишь уберечься от пожара – от него, Кливи!

Кливи смутно сознавал, что отныне стал настоящим телепатом. С закрытыми глазами он видел все, что происходит вокруг, и все ощущал почти физически. Он наступал гудящим пламенем, сметая все на своем пути. И *чувствовал* страх тех, кто поспешно спасался бегством.

Так и должно быть. Разве благодаря сообразительности и

умению приспособиться человек не был всегда и везде царем природы? То же самое и здесь. Кливи торжествующе перепрыгнул через узенький ручеек в трех милях от старта, воспламенил группу кустов, запылал, выбросил струю пламени…

Тут он почувствовал первую каплю воды.

Он все горел, но одна капля превратилась в пять, потом в пятнадцать, потом в пятьсот. Он был прибит водой, а его пища – трава и кусты – вскоре промокли насквозь.

Он начал угасать.

Это просто нечестно, подумал Кливи. По всем правилам он должен был выиграть. Он дал планете бой на ее условиях и вышел победителем… лишь для того, чтобы слепая стихия все погубила.

Животные осторожно возвращались.

Дождь хлынул как из ведра. У Кливи погас последний язычок пламени. Бедняга вздохнул и лишился чувств…

– …Чертовски удачная работа. Ты берег почту до последнего, а это признак хорошего почтальона. Может, удастся выхлопотать тебе медаль.

Кливи открыл глаза. Над ним, сияя горделивой улыбкой, стоял Почтмейстер. Кливи лежал на койке и видел над собой вогнутые металлические стены звездолета.

Он находился на спасательном судне.

– Что случилось? – прохрипел он.

– Мы подоспели как раз вовремя, – ответил Почтмейстер. – Тебе пока лучше не двигаться. Еще немного – и было бы поздно.

Кливи почувствовал, как корабль отрывается от земли, и понял, что покидает планету З-М-22. Шатаясь, он подошел к смотровому окну и стал вглядываться в проплывающую внизу зеленую поверхность.

– Ты был на волосок от гибели, – сказал Почтмейстер, становясь рядом с Кливи и глядя вниз. – Нам удалось включить увлажняющую систему как раз вовремя. Ты стоял в центре самого свирепого степного пожара из всех, что мне приходилось видеть.

Глядя вниз на безупречный зеленый ковер, Почтмейстер, видно, усомнился. Он посмотрел еще раз в окно, и выражение его лица напомнило Кливи обманутую пантеру.

– Постой… А как получилось, что на тебе нет ожогов?

Вопросы и задания

1. Как описана история посадки Лероя Кливи на планету З-М-22?

2. Каким увидел Кливи мир этой планеты? Какое отличие от земных существ он заметил сразу, о каком догадался значительно позже? Почему?

3. Какую роль в развитии сюжета рассказа играет фраза: «Ему казалось, что разум его отделился от тела и, освобожденный, витает в воздухе»?

4. Какие сцены из жизни планеты наблюдал герой и чем окончилось его безучастное наблюдение?

⏩**1.** Опишите события первого и второго дня на планете З-М-22. Как Кливи удалось спастись? Когда он понял, что его спасало?

2. Какую роль в рассказе играет телепатия? Как вы понимаете значение этого слова?

3. Шекли – автор, который очень любит иронию. Заметили ли вы это пристрастие автора? Над кем и как он иронизирует? Найдите подтверждения в тексте.

4. Докажите, что «Запах мысли» – фантастический рассказ.

Детективная литература

Среди произведений, относящихся к приключенческой литературе, огромной популярностью пользуются детективы. Они повествуют о раскрытии загадочных преступлений.

Детективная литература рассказывает о жестоких схватках со стихией преступного мира и о героях этой борьбы – сыщиках, стражах порядка, милиции и полиции разных стран.

Хитросплетения сюжета, находчивость и героизм защитников справедливости, непримиримость позиций привлекают читателя.

В литературе детективного жанра есть своя классика – произведения, которые отличаются высоким художественным мастерством. В них четко определены нравственные позиции и защищаются духовные ценности. Одним из признанных мастеров детектива является Конан Дойл.

Артур Конан Дойл (1859–1930)

Бывают писатели, которые хорошо известны современникам,

а затем забываются вместе со своими героями. Но бывает и по-иному. Почти забыв об авторе, мы отлично помним его героев. Так в сознании поколений читателей живут Дон Кихот и Санчо Панса, Робинзон Крузо, Шерлок Холмс и доктор Ватсон.

Однако о человеке, создавшем образ Шерлока Холмса, хотелось бы рассказать подробнее, личность писателя заслуживает внимания.

Английский писатель Конан Дойл получил медицинское образование и в качестве корабельного врача объездил всю Западную Африку, участвовал в Англобурской войне и даже получил в дар от своих коллег по госпиталю огромную серебряную чашу с надписью «Артуру Конан Дойлу, который в минуту великой опасности словом и делом служил своей стране».

Дойл был увлеченным спортсменом и путешественником, страстным любителем катания на лыжах в горах Швейцарии. Разумеется, во время таких прогулок не обходилось без забавных происшествий. Так, однажды по пути из Давоса он связал лыжи наподобие саней, чтобы спуститься с горы. Но сани выскользнули из-под седока… «Портной уверял, – рассказывал писатель позже, – что этому твиду сносу нет. Это голая теория, не выдержавшая строгой научной проверки. Весь остаток дня я был счастлив, только когда мне удавалось стать спиной к стене».

Как только появились автомобили, он сел за руль и в самом первом путешествии на своей новой машине преодолел сразу 150 миль.

Человек яркий, талантливый, обладающий неуемной энергией и четкими принципами, Дойл, уйдя в литературу из медицины, и на этом поприще трудился с постоянным упорством. При жизни он был популярнейшим писателем, и до сих пор переиздаются не только его произведения о Шерлоке Холмсе, но и романы «Затерянный мир» и «Марракотова бездна». Сам же он более всего ценил свои теперь забытые исторические романы и повести, над которыми работал с увлечением. Взгляд на историю у него был своеобразным, и в произведениях он не скрывал своих суждений и даже сомнений. Так, в специальном предисловии к роману о событиях эпохи Наполеона он делает такое признание: «Я до сих пор не в силах решить, имел ли я дело с величайшим героем или с величайшим негодяем. Лишь за эпитет я могу поручиться».

Беллетрист и публицист, полемист и популярный лектор, он был одним из известнейших в мире людей. Но, как это ни казалось Дойлу обидным, часть этой необычайной популярности ему, безусловно, приносил Шерлок Холмс. Интересно то сопротивление, которое оказывал своему герою автор. Был

момент, когда Холмс ему так надоел, что после поездки с женой к Раушенбахскому водопаду Дойл решил: найдено вполне подходящее место для гибели героя. В 1893 году Шерлок Холмс погибает. Это трагическое событие происходит в новелле «Последнее дело Холмса».

Прежде чем рассказать, что произошло дальше, обратимся к судьбе Шерлока Холмса. С момента его появления на страницах печати прошло более ста лет. В честь его (а не Конан Дойла!) открыты два музея – в Лондоне и Швейцарии. Есть множество произведений самых разных писателей, которые используют этот популярный образ. Есть клубы, объединяющие его поклонников. Есть объемные труды о нем и его жизни.

Известный литературовед Ю. М. Лотман утверждал, что «право на биографию получает летописец», имея в виду писателя, воссоздающего свою эпоху. Тут же перед нами нечто иное: как видим, право на биографию получил созданный писателем герой.

Обозначив роль Холмса в творческой биографии Конан Дойла, вернемся вновь к смерти героя в 1893 году. Трудно описать ту бурю читательского негодования, которую вызвало это «событие». На Конан Дойла обрушился шквал протестов. Возмущенные читатели требовали воскрешения героя. На их стороне была даже матушка писателя. «Ты не сделаешь этого! – негодовала она, когда сын сказал, что намерен рассказать о гибели Холмса. – Ты не должен! Не смеешь!» В нерешительности и волнении он спрашивал, что же ему делать. И матушка отвечала – строго, как десятилетнему мальчишке, что он должен использовать сюжет с золотоволосой девушкой. Золотистые волосы матушкиного изобретения превратились в менее впечатляющие каштановые волосы мисс Вайолетт Хантер (это «Медные буки»). «Жизнь Шерлоку Холмсу спасла матушка», – уверяет читателя его биограф Дж. Д. Карр.

Итак, спасенный Шерлок Холмс воскрес уже в XX веке: в 1903–1904 годах, сначала в номере журнала «Стренд», а затем в отдельном выпуске цикла новелл «Возвращение Шерлока Холмса». Читатели были верны своему любимцу. Их интересовало, в ком из своих героев изобразил себя Конан Дойл – в докторе Ватсоне или в Холмсе. Писатель пытался отделаться шутками, даже стихотворными.

> Очень несхожи, пойми, наконец,
> Герои рассказа и их творец, —

писал он одному из настойчивых корреспондентов. Но все было тщетно.

Шерлок Холмс оказался настолько жизнеспособен, что до сих пор продолжают создаваться произведения с этим героем, а кинофильмы и пьесы о нем популярны и сегодня.

Писатель оставался активным и деятельным до последних дней своей жизни. Даже его ошибки и заблуждения не снижают впечатления от облика человека твердых принципов, сторонника «честной игры» во всех случаях жизни.

Когда он умер, для цветов, которые люди хотели положить на его могилу, пришлось использовать целый железнодорожный состав. На надгробной плите написаны имя, даты жизни и слова: «Steel true, blade straight» (Верен, как сталь, прям, как клинок).

Работая над новеллами сборника «Возвращение Шерлока Холмса», автор путешествовал на автомобиле по Англии. По пути в Норфолк он остановился в Хэпписбурге в отеле, которым владела семья Кьюбиттов. Маленький сын хозяев имел странную привычку оставлять свою подпись в виде пляшущих человечков. Это дало толчок фантазии Дойла. Он начал работать над произведением, усеивая свою комнату бумажками с пляшущими фигурами. Напомним, что над рассказом он обычно работал около недели, добавляя к произведению каждый день около трех тысяч слов.

Если вы уже давно знакомы с писателем и его героями, вам стоило бы даже до повторного чтения новеллы «Пляшущие человечки» подумать над вопросами, ответ на которые может быть дан только после знакомства с произведениями Конан Дойла.

Вопросы и задания

1. Что сделало Шерлока Холмса популярным героем?

2. Почему Шерлок Холмс и доктор Ватсон постоянно вместе? Чем они так необходимы друг другу?

3. Как вы могли бы назвать те отношения, которые связывают эту неразлучную пару?

4. Как рождаются криминальные задачи, которые так изобретательно решает Холмс? Эти загадки диктуются случайностью или сознательным выбором знаменитого сыщика?

5. Конан Дойла часто спрашивали, кто он сам: Шерлок Холмс или доктор Ватсон. Писатель чаще всего недоуменно разводил руками. А как бы вы ответили на этот вопрос?

6. Высказывания самого Конан Дойла о своем герое многочисленны и часто противоречивы. Вот что он написал в «Автобиографии»: «Он был для меня во многих отношениях хорошим другом. Если иногда я вроде бы уставал от него, так это потому, что характер его не допускает светотени…» Что добавляет это суждение к вашему впечатлению от образа Шерлока Холмса?

Пляшущие человечки

В течение долгого времени Шерлок Холмс сидел согнувшись над стеклянной пробиркой, в которой варилось что-то на редкость вонючее. Голова его была опущена на грудь, и он казался мне похожим на странную тощую птицу с тусклыми серыми перьями и черным хохолком.

– Итак, Ватсон, – сказал он внезапно, – вы ведь не собираетесь вкладывать свои сбережения в южноафриканские ценные бумаги?

Я вздрогнул от удивления. Как ни привык я к необычайным способностям Холмса, это внезапное вторжение в мои мысли было совершенно необъяснимым.

– Как, черт возьми, вы об этом узнали? – спросил я.

Он повернулся на стуле, держа в руке дымящуюся пробирку, и его глубоко сидящие глаза удовлетворенно заблестели.

– Признайтесь, Ватсон, что вы совершенно сбиты с толку, – сказал он.

– Признаюсь.

– Мне следовало бы заставить вас написать об этом на листочке бумаги и подписаться.

– Почему?

– Потому что через пять минут вы скажете, что все это необычайно просто.

– Уверен, что не скажу.

– Видите ли, дорогой мой Ватсон… – Он укрепил пробирку на штативе и принялся читать мне лекцию с видом профессора, обращающегося к аудитории. – Не так уж трудно построить серию выводов, в которой каждый последующий простейшим образом вытекает из предыдущего. Если после этого удалить все средние звенья и сообщить слушателю только первое звено и последнее, они произведут ошеломляющее, хотя и ложное впечатление. Взглянув на впадинку между большим и указательным пальцами вашей левой руки, мне было совсем нетрудно заключить, что вы не собираетесь вкладывать свой небольшой капитал в золотые россыпи.

– Но я не вижу никакой связи между этими двумя

обстоятельствами!

– Охотно верю. Однако я вам в несколько минут докажу, что такая связь существует. Вот опущенные звенья этой простейшей цепи: во-первых, когда вчера вечером мы вернулись из клуба, впадинка между указательным и большим пальцами на вашей левой руке была выпачкана мелом; во-вторых, всякий раз, когда вы играете на бильярде, вы натираете эту впадинку мелом, чтобы кий скользил у вас в руке; в-третьих, вы играете на бильярде только с Сэрстоном; в-четвертых, месяц назад вы мне сказали, что Сэрстон предложил вам приобрести совместно с ним южноафриканские ценные бумаги, которые поступят в продажу через месяц; в-пятых, ваша чековая книжка заперта в ящике моего письменного стола, и вы не попросили у меня ключа; в-шестых, вы не собираетесь вкладывать свои деньги в южноафриканские бумаги.

– До чего просто! – воскликнул я.

– Конечно, – сказал он, слегка уязвленный, – всякая задача оказывается очень простой после того, как вам ее растолкуют. А вот вам задача, еще не решенная. Посмотрим, друг Ватсон, как вам удастся с ней справиться.

Он взял со стола листок бумаги, подал его мне и вернулся к своим опытам.

Я с изумлением увидел, что на листке начерчены какие-то бессмысленные иероглифы.

– Позвольте, Холмс, да ведь это рисовал ребенок! – воскликнул я.

– Вы так думаете?

– Что же это может быть?

– Мистер Хилтон Кьюбитт из Ридлинг-Торп-Мэнора в Норфолке как раз и хотел бы знать, что это может быть. Этот маленький ребус он послал нам с первой почтой, а сам выехал сюда ближайшим поездом. Слышите звонок, Ватсон? Это, вероятно, он.

На лестнице раздались тяжелые шаги, и через минуту к нам вошел высокий, румяный, чисто выбритый джентльмен. По его ясным глазам и цветущим щекам сразу было видно, что жизнь его протекала вдали от туманов Бейкер-стрит. Казалось, он принес с собой дуновение крепкого, свежего ветра с восточного берега. Пожав нам руки, он уже собрался сесть, как вдруг взор его упал на листок с забавными значками, который я только что рассматривал и оставил на столе.

– Что вы об этом думаете, мистер Холмс? – воскликнул он. – Мне рассказывали, что вы большой любитель всяких таинственных случаев, и я решил, что уж страннее этого вам

ничего не найти. Я вам заранее выслал эту бумажку, чтобы у вас было время изучить ее до моего приезда.

– Это действительно в высшей степени любопытный рисунок, – сказал Холмс. – С первого взгляда его можно принять за детскую шалость. Кто, казалось бы, кроме детей, мог нарисовать этих крошечных танцующих человечков? Почему вы придали столь важное значение такому пустяку?

– Да я не придал бы ему никакого значения, если бы не жена. Она смертельно перепугалась. Она ничего не говорит мне, но я вижу в глазах у нее ужас. Вот почему я решил разузнать, в чем дело.

Холмс приподнял бумажку, и лучи солнца озарили ее. Это был листок, вырванный из записной книжки. На нем были начерчены карандашом вот такие фигурки:

Внимательно рассмотрев листок, Холмс бережно сложил его и спрятал в бумажник.

– Это дело обещает много любопытного и необычайного, – сказал он. – Вы уже кое-что рассказали мне в своем письме, мистер Хилтон Кьюбитт, но я был бы очень вам признателен, если бы вы любезно согласились повторить свой рассказ, чтобы дать возможность послушать его моему другу, доктору Ватсону.

– Я плохой рассказчик, – сказал наш гость, нервно сжимая и разжимая свои большие, сильные руки. – Если в моем рассказе вам что-нибудь покажется неясным, задавайте мне, пожалуйста, вопросы. Начну с того, что в прошлом году я женился… Но предварительно я должен сказать, что, хотя я человек небогатый, наш род живет в Ридлинг-Торпе уже в течение пяти столетий и считается самым знатным родом во всем Норфолкском графстве. В прошлом году я приехал в Лондон на праздники и остановился в меблированных комнатах на Рассел-сквере, потому что там остановился Паркер, священник нашего прихода. В этих меблированных комнатах жила молодая американская леди, по фамилии Патрик, Илси Патрик. Мы с ней скоро подружились. Не прошло и месяца, как я полюбил ее самой пылкой любовью. Мы тихонько повенчались и уехали ко мне в Норфолк.

Вам, вероятно, кажется странным, мистер Холмс, что человек хорошего старинного рода вступает в брак с женщиной, ничего не зная о ее прошлом и о ее семье. Но если бы вы увидели ее и узнали, вам нетрудно было бы меня понять. Она была очень

прямодушна со мной, моя Илси, она предоставляла мне полную возможность отказаться от свадьбы, если я захочу. «У меня в моей прежней жизни были очень неприятные знакомства, – говорила она, – я хочу позабыть о них. Я не желаю вспоминать прошлое, потому что это причиняет мне боль. Если ты на мне женишься, Хилтон, ты женишься на женщине, которая сама ничего постыдного не совершила, но ты должен поверить моему слову и позволить умолчать обо всем, что было со мною до того, как я стала твоей. Если это условие кажется тебе слишком тяжелым, возвращайся в Норфолк и предоставь мне продолжить ту одинокую жизнь, которую я вела до встречи с тобой».

Она сказала мне это за день до свадьбы. Я ответил ей, что готов подчиниться ее желанию, и сдержал свое слово. Теперь мы женаты уже год и прожили этот год очень счастливо. Но месяц назад, в конце июня, я заметил первые признаки надвигающейся беды. Моя жена получила письмо из Америки – на конверте была американская марка. Жена смертельно побледнела, прочла письмо и швырнула в огонь. Она ни разу о нем не упомянула, и я ничего не спросил, ибо обещание есть обещание. Но с этого часа она ни одно мгновение не была спокойна. У нее теперь всегда испуганное лицо, и по всему видно, что она ожидает чего-то. Лучше бы она доверилась мне. Она бы узнала тогда, что я ей настоящий друг. Дело в том, мистер Холмс, что моя Илси не может солгать, и какие бы тучи ни омрачали ее прошлое, ее вины в этом нет. Я скромный норфолкский сквайр, но нет в Англии человека, который больше дорожил бы фамильной честью. Илси знает это и знала до нашей свадьбы. И она никогда бы не согласилась стать моей женой, если бы этот брак мог запятнать мою честь.

Теперь перейду к самой странной части моей истории. Около недели назад, кажется, во вторник, я увидел на одном из подоконников пляшущих человечков, таких же самых, как на этой бумажке. Они были нарисованы мелом. Я подумал, что это сделал мальчишка, работавший в конюшне, но он поклялся, что ничего о них не знает. Появились они ночью. Я смыл их и случайно упомянул о них в разговоре с Илси. К моему удивлению, она приняла мои слова близко к сердцу и попросила меня, если я опять замечу таких человечков, дать ей взглянуть на них. В течение недели они не появлялись, но вчера утром я нашел в саду на солнечных часах этот листок. Я показал его Илси, и она тотчас же потеряла сознание. С тех пор она живет как во сне, и глаза ее постоянно полны ужаса. Вот почему я написал вам письмо, мистер Холмс, и послал этот листок. Я не мог обратиться к полиции, потому что там, несомненно, стали бы смеяться надо

мной, а вы скажете мне, что делать. Я человек небогатый, но если моей жене угрожает опасность, я готов истратить последний грош, чтобы защитить ее.

Славный он был, этот житель старой Англии, с простым, приятным лицом и большими синими глазами, – добрый, прямой и бесхитростный. Он любил свою жену и верил ей. Холмс выслушал его историю с глубоким вниманием, а потом задумался и долго молчал.

– Не думаете ли вы, мистер Кьюбитт, – сказал он наконец, – что лучше всего было бы вам напрямик обратиться к жене и попросить ее поделиться с вами своей тайной?

Хилтон Кьюбитт покачал своей большой головой:

– Обещание есть обещание, мистер Холмс. Если Илси захочет, она сама мне расскажет все. Если же она не захочет, я не стану насильно добиваться признания. Но у меня есть право все узнавать самому, и я этим правом воспользуюсь.

– В таком случае я от всего сердца стану вам помогать. Скажите, не появлялись ли по соседству с вами какие-нибудь приезжие?

– Нет.

– Насколько я понимаю, вы живете в очень глухом захолустье. Появление всякого нового лица, вероятно, не может пройти незамеченным.

– Если бы новое лицо появилось в самом ближайшем соседстве, я, конечно, о нем услыхал бы. Но неподалеку от нас есть несколько прибрежных деревушек с хорошими пляжами, и фермеры сдают комнаты приезжающим дачникам.

– В этих странных фигурках, бесспорно, заключен какой-то смысл. Если это произвольный рисунок, то нам его не разгадать, если же в нем есть система, – я не сомневаюсь, что мы проникнем в ее суть. Но та надпись, которую вы мне прислали, так коротка, что я ничего не могу с ней поделать, и те факты, которые вы нам поведали, так неопределенны, что трудно сделать из них какой-либо вывод. По-моему, вам следует вернуться в Норфолк и внимательно следить за всем, что происходит вокруг. Как только вы обнаружите где-нибудь новых пляшущих человечков, вы должны самым тщательным образом срисовать их. Какая жалость, что вы не срисовали тех, которые были начерчены мелом на подоконнике! Наводите справки обо всех незнакомых лицах, появляющихся по соседству. Чуть вы заметите что-нибудь новое, сразу приезжайте ко мне. Вот лучший совет, какой я могу вам дать, мистер Хилтон Кьюбитт. Если понадобится, я всегда готов выехать к вам и навестить ваш норфолкский дом.

После этого свидания Шерлок Холмс часто глубоко

задумывался. Не раз видел я, как он вытаскивает из бумажника листок и подолгу разглядывает нарисованные на нем забавные фигурки. Однако только через две недели он снова заговорил со мной об этой истории. Когда я собирался уходить, он вдруг остановил меня:

– Вам бы лучше остаться дома, Ватсон.

– Почему?

– Потому что сегодня утром я получил телеграмму от Хилтона Кьюбитта… Помните Хилтона Кьюбитта и его пляшущих человечков? Он собирается приехать в Лондон в час двадцать. Каждую минуту он может быть здесь. Из его телеграммы я понял, что у него есть какие-то чрезвычайно важные новости.

Ждать нам пришлось недолго, так как наш норфолкский сквайр примчался с вокзала прямо к нам. Вид у него был озабоченный и подавленный. Он взглянул на нас усталыми глазами, лоб его избороздили морщины.

– Эта история действует мне на нервы, мистер Холмс, – сказал он, бессильно опускаясь в кресло. – Отвратительное состояние – чувствовать, что ты со всех сторон окружен какими-то неизвестными, невидимыми людьми, которые плетут вокруг тебя какую-то сеть, но еще нестерпимее видеть, как изо дня в день постепенно убивают твою жену! Она тает у меня на глазах.

– Сказала она вам хоть что-нибудь?

– Нет, мистер Холмс, ничего не сказала. Бывают минуты, когда ей, бедняжке, я вижу, очень хочется все мне рассказать, но не хватает решимости. Я пытался помочь ей, но у меня это получалось так неуклюже, что я только отпугивал ее. Она часто заговаривает со мной о том, к какому старинному роду мы принадлежим, как нас уважают во всем графстве; как мы гордимся своей незапятнанной честью, и я всякий раз чувствую, что ей хочется еще что-то прибавить, однако она не договаривает и умолкает.

– А вы сами что-нибудь обнаружили?

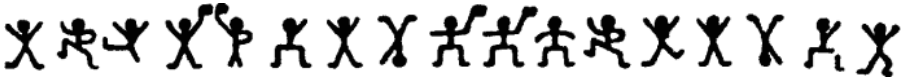
– Я многое обнаружил, мистер Холмс. Я привез вам на исследование целую кучу свеженьких пляшущих человечков. И самое важное, я видел того…

– Того, кто нарисовал их?

– Да, я видел его за работой. Но позвольте мне все рассказать вам по порядку… Вернувшись от вас, я на следующее же утро нашел новых пляшущих человечков. Они были нарисованы мелом на черной деревянной двери сарая, находящегося возле лужайки; сарай отлично виден из окон нашего дома. Я их всех срисовал. Вот они.

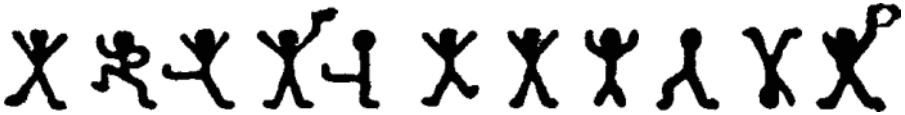
Он достал листок бумаги, развернул его и положил на стол.

Вот какие иероглифы были изображены на нем:



– Превосходно! – сказал Холмс. – Превосходно! Продолжайте, пожалуйста.

– Срисовав человечков, я стер их с двери, но два дня спустя на той же двери появилась новая надпись. Вот она:



Холмс потер руки и засмеялся от радости.

– Наш материал быстро разрастается, – сказал он.

– Через три дня на солнечных часах я обнаружил послание, написанное на бумажке. На бумажке лежал камень. Вот она. Как видите, фигурки на ней те же, что и в предыдущем послании. Тогда я решил подстеречь этого рисовальщика. Я взял револьвер и засел у себя в кабинете, из окна которого видны и лужайка и сад. Часа в два ночи, сидя у окна и глядя в залитый лунным светом сад, я услышал у себя за спиной шаги и, обернувшись, увидел свою жену в капоте. Она умоляла меня лечь в постель. Я откровенно сказал ей, что хочу посмотреть, кто это занимается такими глупыми проделками. Она ответила мне, что все это – бессмысленная шутка, на которую не стоит обращать внимание.

«Если это так тебя раздражает, Хилтон, давай поедем путешествовать – ты да я, никто не будет нас беспокоить».

«Как! Позволить какому-то шутнику выжить нас из собственного дома? – сказал я. – Да ведь все графство будет смеяться над нами!»

«Иди спать, – сказала она. – Мы потолкуем об этом утром».

Внезапно лицо ее так побледнело, что я заметил это даже при лунном свете, а пальцы ее впились мне в плечо. Что-то двигалось в тени сарая. Я увидел, как из-за угла выползла темная фигура и уселась перед дверью. Схватив револьвер, я рванулся вперед, но жена судорожно обняла меня и удержала на месте. Я пытался оттолкнуть ее, но она вцепилась в меня еще отчаяннее. Наконец мне удалось вырваться, но когда я открыл дверь и добежал до сарая, тот человек уже исчез. Впрочем, он оставил следы своего пребывания, ибо на двери были нарисованы пляшущие человечки. Я обежал весь сад, но нигде его не нашел. Однако, как это ни удивительно, он безусловно находился где-то поблизости, так

как, когда утром я снова осмотрел дверь сарая, под той строчкой, которую я уже видел, оказалось несколько новых человечков.

– Вы их срисовали?

– Да. Их было очень немного. Вот они.

Опять он показал нам листок бумаги. Новый танец имел такой вид:

– Скажите, – спросил Холмс, и по его глазам я увидел, что он очень взволнован, – эти человечки были добавлены к предыдущей надписи или нарисованы отдельно?

– Они были нарисованы на нижней панели двери.

– Превосходно! Это для нас важнее всего. Это вселяет в меня надежду. Прошу вас, мистер Хилтон Кьюбитт, продолжайте свой интересный рассказ.

– Мне нечего прибавить, мистер Холмс, кроме того, что я очень рассердился на жену за то, что она помешала мне поймать этого прячущегося негодяя. Она уверяла, что боялась за меня. Сначала у меня возникло подозрение, что боялась она вовсе не за меня, а за него, так как я не сомневался, что ей известно, кто он такой и что означают его странные сигналы. Но голос моей жены и взгляд ее, мистер Холмс, обладают свойством рассеивать всякие подозрения, и теперь я уже не сомневаюсь, что она действительно боялась за меня… Вот все, что случилось. А теперь я жду от вас совета, что мне делать дальше. Меня так и тянет спрятать в кустах пять-шесть наших деревенских молодцов. Они хорошенько бы вздули его, тогда он оставил бы нас в покое.

– Боюсь, что столь сложное дело не излечишь таким простым лекарством, – сказал Холмс. – Сколько времени вы можете пробыть в Лондоне?

– Я должен вернуться сегодня же. Я не могу оставить жену на ночь в одиночестве. Она очень нервничала и просила меня вернуться поскорее.

– Вы, пожалуй, правы. Но если бы вы могли остаться, я через день или через два поехал бы вместе с вами. Оставьте мне эти бумажки. Вскоре я приеду к вам и, по всей вероятности, пролью некоторый свет на это дело.

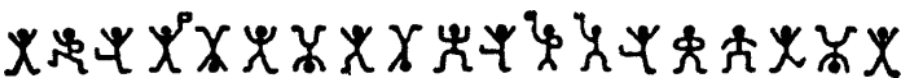
Шерлок Холмс держался с обычным профессиональным спокойствием, но я, так хорошо его знавший, видел, что он глубоко взволнован. Едва широкая спина Хилтона Кьюбитта

исчезла за дверью, как мой приятель кинулся к столу, разложил перед собой бумажки с пляшущими человечками и углубился в какие-то сложные вычисления. В течение двух часов покрывал он страницу за страницей цифрами и буквами. Эта работа так захватила его, что он, видимо, забыл о моем присутствии. Когда дело шло на лад, он начинал напевать и насвистывать, когда же он заходил в тупик, то подолгу сидел с нахмуренным лбом и блуждающими глазами. Наконец, удовлетворенно вскрикнув, он вскочил со стула и принялся шагать взад и вперед по комнате, потирая руки. Потом он отправил длинную телеграмму.

– Если мне ответят так, как я рассчитываю, ваша книга, Ватсон, обогатится описанием нового приключения, – сказал он. – Вероятно, завтра мы с вами поедем в Норфолк и окончательно раскроем тайну, доставившую нашему другу столько неприятностей.

Признаться, меня мучило любопытство, но я знал, что Холмс любит давать пояснения только тогда, когда сам находит это нужным, и терпеливо ждал, когда он соблаговолит поделиться со мной своим открытием.

Но ответ на телеграмму не приходил; в течение двух дней Холмс нетерпеливо прислушивался к каждому звонку. На второй день вечером мы получили письмо Хилтона Кьюбитта. Он сообщал, что у него все спокойно; только на подставке солнечных часов сегодня утром появилась длиннейшая надпись. К письму была приложена точная копия этой надписи. Вот она:



Холмс согнулся над этим причудливым рисунком и вдруг, вскочив на ноги, вскрикнул удивленно и сердито. Лицо его стало напряженным и озабоченным.

– Мы позволили этому делу зайти слишком далеко, – сказал он. – Какие поезда отправляются в Норт-Уолшем по вечерам?

Я заглянул в расписание. Последний поезд только что ушел.

– Придется пораньше позавтракать и выехать первым утренним поездом, – сказал Холмс. – Наше присутствие там необходимо. А! Вот телеграмма, которую я ждал. Погодите минуточку, миссис Хадсон, быть может, понадобится послать ответ. Нет, все обстоит так, как я и ожидал. Эта телеграмма окончательно доказывает, что мы не вправе больше держать мистера Хилтона Кьюбитта в неведении, потому что наш простодушный норфолкский сквайр попал в чрезвычайно опасное положение.

Так оно и оказалось. Переходя к окончанию этой мрачной истории, показавшейся мне вначале такой вздорной и забавной, я заново переживаю весь тот ужас, который мне пришлось пережить тогда. Как бы я хотел иметь возможность сообщить читателям, что история эта кончилась ко всеобщему благополучию! Но книга моя – точная летопись фактов, и я вынужден проследить вплоть до мрачного конца всю странную цепь событий, из-за которых через несколько дней об усадьбе Ридлинг-Торп-Мэнор заговорила вся Англия.

Едва мы успели выйти в Норт-Уолшеме и сказать, куда мы направляемся, к нам подбежал начальник станции.

– Вы, вероятно, сыщики из Лондона? – спросил он.

Холмс взглянул на него с беспокойством.

– Почему вы так думаете?

– Потому что инспектор Мартин из Нориджа только что проехал. Или, быть может, вы врачи? Она еще жива. Возможно, вы еще успеете спасти ее… для виселицы.

Холмс нахмурился.

– Мы едем в Ридлинг-Торп-Мэнор, – сказал он, – но мы ничего не слыхали о том, что там случилось.

– Страшное дело! – воскликнул начальник станции. – Они оба застрелены: и мистер Хилтон Кьюбитт и его жена. Она выстрелила сначала в него, потом в себя. Так рассказывают служанки. Он умер, она при смерти. Боже, самый древний род в Норфолкском графстве! Все у нас так уважали его!

Не сказав ни слова, Холмс вскочил в экипаж и в течение всего семимильного путешествия ни разу не раскрыл рта. Не часто случалось мне видеть его в таком мрачном расположении духа. Он и раньше, в продолжение всей нашей поездки из Лондона испытывал какую-то тревогу, и я с самого начала заметил, с каким беспокойством просматривает он утренние газеты; но теперь, когда внезапно оправдались самые худшие его опасения, он стал чернее тучи. Откинувшись назад, он угрюмо размышлял о чем-то.

А между тем мы проезжали по одной из самых любопытных местностей Англии. Все современное население этого края ютится в редко разбросанных домишках, но на каждом шагу над зеленой равниной вздымаются огромные четырехугольные башни церквей, свидетельствуя о былой славе и былом процветании старой Восточной Англии.

Наконец за зеленым обрывом возникла лиловая полоса Немецкого моря, и кучер кнутом указал нам на две остроконечные крыши, торчащие из-за кущи деревьев.

– Вот Ридлинг-Торп-Мэнор, – сказал он.

Когда мы подъехали к дому, я заметил перед ним черный сарай, стоящий за теннисной площадкой, и солнечные часы на пьедестале. Юркий человечек с нафабренными усами только что проворно соскочил с высокой двуколки. Это был инспектор Мартин из норфолкского полицейского управления. Он чрезвычайно удивился, услыхав имя моего приятеля.

– Позвольте, мистер Холмс, ведь преступление было совершено в три часа утра! Каким же образом вам удалось сразу узнать о нем в Лондоне и прибыть сюда одновременно со мной?

– Я ехал, чтобы предупредить его.

– Следовательно, у вас есть сведения, которых мы не имеем. Ведь, по общему мнению, они жили очень дружно.

– У меня есть только те сведения, которые я получил от пляшущих человечков, – сказал Холмс. – Об этом я расскажу вам потом. Я опоздал, мне не удалось предотвратить трагедию… Ну что ж, пусть в таком случае те знания, которыми я обладаю, помогут совершиться правосудию. Угодно ли вам произвести следствие совместно со мною? Или вы предпочли бы, чтобы я действовал самостоятельно?

– Для меня большая честь работать вместе с вами, мистер Холмс, – с искренним чувством ответил инспектор.

– В таком случае я хотел бы, не откладывая, выслушать свидетелей и осмотреть то место, где было совершено преступление.

У инспектора Мартина было достаточно здравого смысла, чтобы позволить моему приятелю поступать по-своему. Сам он ограничился тем, что внимательно следил за его работой. Местный врач, седобородый старик, только что вышел из комнаты миссис Хилтон Кьюбитт и сообщил, что ее положение серьезно, но не безнадежно; однако в сознание она придет, вероятно, не скоро, так как пуля задела мозг. На вопрос, сама ли она в себя выстрелила или в нее выстрелил кто-нибудь другой, он не решился дать определенный ответ. Во всяком случае, выстрел был сделан с очень близкого расстояния. В комнате нашли всего один револьвер; оба ствола были пусты. Мистер Хилтон Кьюбитт убит выстрелом прямо в сердце. Можно было с одинаковой вероятностью допустить и то, что он выстрелил сначала в нее, а потом в себя, и то, что преступницей была именно она, так как револьвер лежал на полу на равном расстоянии от обоих.

– Вы трогали убитого? – спросил Холмс.

– Нет. Мы только подняли и унесли леди. Мы не могли оставить ее на полу в таком состоянии.

– Давно ли вы здесь, доктор?

– С четырех часов утра.

– Был здесь кто-нибудь, кроме вас?
– Да, был констебль.
– Вы что-нибудь здесь передвигали?
– Ничего.
– Вы поступили благоразумно. Кто вызвал вас?
– Горничная Сондерс.
– Она первая подняла тревогу?
– Она и миссис Кинг, кухарка.
– Где они теперь?
– Вероятно, на кухне.
– В таком случае начнем с того, что выслушаем их рассказ.

Старинный зал с высокими окнами, облицованный дубом, был превращен в следственную камеру. Холмс уселся в большое старомодное кресло; лицо его было сурово, горящий взгляд непреклонен. Я читал в его глазах решимость посвятить, если понадобится, жизнь тому, чтобы человек, которого ему не удалось спасти, был хотя бы отомщен. Странное наше сборище состояло, кроме меня, из франтоватого инспектора Мартина, старого, седобородого сельского врача и туповатого деревенского полисмена.

Показания обеих женщин были в высшей степени точны. Их разбудил звук выстрела; через минуту они услышали второй выстрел. Они спали в смежных комнатах, и миссис Кинг бросилась к Сондерс. По лестнице они спустились вместе. Дверь кабинета была раскрыта, на столе горела свеча. Их хозяин лежал посреди комнаты лицом вниз. Он был мертв. Возле окна корчилась его жена, откинув голову к стене. Рана ее была ужасна – кровь залила половину лица. Она дышала, но ничего не могла сказать. В коридоре и в комнате стоял дым и пахло порохом. Окно было закрыто на задвижку изнутри, обе женщины утверждали это с полной уверенностью. Они сразу же вызвали доктора и полицейского. Затем с помощью конюха и его подручного они отнесли свою раненую хозяйку в ее комнату. Раскрытая постель указывала, что муж и жена собирались лечь спать. На ней было платье, на ее муже – халат, надетый поверх ночной сорочки. Между ними никогда не бывало ссор. Их все считали образцовой супружеской парой.

Вот главнейшие показания прислуги. Отвечая инспектору Мартину, обе женщины заявили, что все двери были заперты изнутри и что никому не удалось бы ускользнуть из дома. Отвечая Холмсу, они вспомнили, что почувствовали запах пороха, как только выбежали из своих комнат во втором этаже.

– Советую вам обратить самое серьезное внимание на этот факт, – сказал Холмс инспектору Мартину. – А теперь, по-моему,

следует приступить к осмотру комнаты, в которой было совершено преступление.

Кабинет оказался совсем маленькой комнаткой. Три стены его были заняты книжными полками, а письменный стол стоял возле окна, выходившего в сад. Внимание наше прежде всего привлекло грузное тело несчастного сквайра, распростертое на полу. Беспорядок в его одежде свидетельствовал о том, что он был наспех поднят с постели. Пуля пронзила его сердце и застряла в легком. Он умер мгновенно и безболезненно. Ни на его халате, ни на его руках не удалось обнаружить никаких следов пороха. Сельский врач утверждал, что у миссис Кьюбитт были пятна пороха на лице, но не на руках.

– Отсутствие пятен на руках ничего не доказывает, а присутствие их доказывает все, – сказал Холмс. – Если только порох случайно не высыплется из плохо прилаженного патрона, вы не запачкаете рук, сколько бы вы ни стреляли… Теперь можно унести тело мистера Кьюбитта. Вам, доктор, вероятно, не удалось отыскать пулю, которая ранила леди?

– Для этого пришлось бы сделать серьезную операцию. Но в револьвере осталось еще четыре заряда. Выстрелов было два, ран – тоже две, следовательно, судьбу каждой пули установить нетрудно.

– Это так только кажется, – сказал Холмс. – А что вы скажете относительно вон той пули, которая пробила край оконной рамы?

Он внезапно повернулся и своим длинным, тонким пальцем показал на отверстие в нижней перекладине оконной рамы.

– Черт возьми! – воскликнул инспектор. – Как вам удалось это найти?

– Я нашел, потому что искал.

– Удивительно! – сказал сельский врач. – Вы совершенно правы, сэр: значит, был третий выстрел и, следовательно, был третий человек. Но кто же он такой и куда он делся?

– На этот вопрос мы сейчас попробуем ответить, – сказал Шерлок Холмс. – Помните, инспектор Мартин, когда служанки заявили, что, выбежав из своих комнат, они сразу почувствовали запах пороха, я вам сказал, что на это нужно обратить внимание?

– Помню, сэр. Но, признаться, я не вполне уловил вашу мысль.

– Это является доказательством того, что и дверь и окно были раскрыты настежь. В противном случае запах пороха не распространился бы с такой скоростью по всему дому. Только сквозняк мог занести запах так далеко. В этой комнате были открыты и дверь и окно, но на очень короткое время.

– Почему на короткое время?

– Потому что – взгляните сами – эта свеча только чуть-чуть оплыла с одной стороны.

– Верно, верно! – воскликнул инспектор.

– Убедившись, что окно во время трагедии было распахнуто, я пришел к выводу, что в этом деле был третий участник, стоявший снаружи и выстреливший в окно. Любой выстрел, направленный в этого третьего, мог попасть в оконную раму. Я взглянул и действительно нашел след пули.

– Но каким же образом окно оказалось закрытым?

– Его закрыла женщина, закрыла инстинктивно. Закрыла и замерла… Но что это? А!

На столе кабинета лежала дамская сумочка – нарядная маленькая сумочка из крокодиловой кожи, отделанная серебром. Холмс раскрыл сумочку и вытряхнул на стол ее содержимое. В ней оказалось двадцать пятидесятифунтовых кредитных билетов, перехваченных резинкой, и больше ничего.

– Возьмите, это будет фигурировать на суде, – сказал Холмс, передавая инспектору сумочку с ее содержимым. – Теперь необходимо выяснить, кому предназначалась третья пуля. Судя по отверстию в оконной раме, стреляли из комнаты. Я хотел бы снова поговорить с миссис Кинг, кухаркой… Вы сказали, миссис Кинг, что вас разбудил громкий выстрел. Вы хотели этим сказать, что первый выстрел был громче второго?

– Я спала, сэр, и поэтому мне трудно судить. Выстрел показался мне очень громким, сэр.

– А не думаете ли вы, что это были два выстрела, грянувшие почти одновременно?

– Не могу в этом разобраться, сэр.

– Я уверен, что так и было. Я полагаю, инспектор Мартин, что в этой комнате мы больше ничего не узнаем. Если вы согласны последовать за мной, отправимся в сад и посмотрим, нет ли там чего-нибудь любопытного.

Как раз под окном кабинета оказалась цветочная клумба. Подойдя к ней, мы с изумлением увидели, что цветы вытоптаны и на мягкой земле отчетливо отпечатались следы ног; то были крупные мужские следы с очень длинными и острыми носками. Холмс шарил в траве и листьях, как охотничий пес, разыскивающий раненую птицу. Вдруг он радостно вскрикнул, нагнулся и поднял с земли маленький медный цилиндрик.

– Я так и думал! – сказал он. – Пистолет был с отражателем. Вот третья гильза. Мне кажется, инспектор Мартин, что следствие почти кончено.

На лице провинциального инспектора было написано изумление: он явно восхищался быстротой и мастерством работы

Холмса. Сперва он пробовал было отстаивать свое собственное мнение, но скоро пришел от Холмса в такой восторг, что полностью подчинился ему.

– Кого вы подозреваете? – спросил он.

– Я скажу вам позже. В этом деле есть несколько пунктов, которые я еще не в состоянии вам разъяснить. Я в своих открытиях зашел уже так далеко, что будет благоразумнее, если я подожду еще немного, а потом объясню вам все сразу.

– Как вам угодно, мистер Холмс, лишь бы убийца не ушел от нас.

– У меня нет ни малейшего намерения скрывать что-нибудь, просто невозможно в разгаре дела тратить время на длинные и обстоятельные разъяснения. Все нити этого преступления у меня в руках. Если даже леди никогда не очнется, нам удастся восстановить все происшествия этой ночи и добиться правосудия. Прежде всего я хотел бы узнать, нет ли поблизости гостиницы под названием «Элридж».

Слуг подвергли допросу, но никто из них не слыхал о такой гостинице. Только подручный конюха внезапно вспомнил, что в нескольких милях отсюда, неподалеку от Ист-Рэстона, живет фермер по фамилии Элридж.

– Его ферма лежит в стороне от других?

– Далеко от других, сэр.

– И, вероятно, там еще не слыхали о том, что произошло здесь сегодня ночью?

– Вероятно, не слыхали, сэр.

Холмс задумался, и вдруг лукавая усмешка появилась у него на лице.

– Седлай коня, парень! – сказал он. – Я хочу попросить тебя свезти записку на ферму Элриджа.

Он вынул из кармана несколько бумажек с пляшущими человечками. Сев за стол в кабинете, он разложил их перед собой и погрузился в работу. Наконец он вручил подручному конюха записку, приказал ему передать ее непосредственно тому лицу, которому она адресована, и при этом ни в коем случае не отвечать ни на какие вопросы. Адрес на записке мне удалось разглядеть – он был написан неровным, неправильным почерком, нисколько не похожим на обычный, четкий почерк Холмса. Записка была адресована мистеру Абу Слени, ферма Элридж, Ист-Рэстон в Норфолке.

– Мне кажется, инспектор, – заметил Холмс, – что вам следует вызвать по телеграфу конвой, так как, если мои предположения оправдаются, вам предстоит препроводить в тюрьму графства чрезвычайно опасного преступника. Мальчик,

которого я посылаю с запиской, может заодно отправить и вашу телеграмму. Мы вернемся в город послеобеденным поездом, Ватсон, так как сегодня вечером мне необходимо закончить один любопытный химический опыт. А дело, которое привело нас сюда, быстро приближается к развязке.

Когда подручный конюха ускакал, Шерлок Холмс созвал слуг. Он приказал всякого человека, который явится в дом и выразит желание повидать миссис Хилтон Кьюбитт, немедленно провести в гостиную, не сообщая ему о том, что здесь произошло. Он настойчиво требовал самого точного исполнения этого приказания. Затем он отправился в гостиную и прибавил, что все теперь сделается без нас, а нам остается только сидеть и поджидать, какая дичь попадет в наши сети. Доктор удалился к своим пациентам. С Холмсом остались лишь инспектор и я.

– Я помогу вам провести этот час интересно и полезно, – сказал Холмс, пододвинув свой стул к столу и разложив перед собой множество разных бумажек с изображением танцующих человечков. – Перед вами, дорогой Ватсон, мне необходимо загладить свою вину: я так долго дразнил ваше любопытство. Для вас же, инспектор, все это дело будет великолепным профессиональным уроком. Прежде всего я должен рассказать вам о своих встречах с мистером Хилтоном Кьюбиттом на Бейкер-стрит.

И он коротко рассказал инспектору то, что нам уже известно.

– Вот передо мною эти забавные рисунки, которые могли бы вызвать улыбку, если бы они не оказались предвестниками столь страшной трагедии. Я превосходно знаком со всеми видами тайнописи и сам являюсь автором небольшого научного труда, в котором проанализировано сто шестьдесят различных шифров, однако я вынужден признаться, что этот шифр для меня – совершенная новость. Цель изобретателя этой системы заключалась, очевидно, в том, чтобы скрыть, что эти значки являются письменами, и выдать их за детские рисунки. Но всякий, кто сообразит, что значки эти соответствуют буквам, без особого труда разгадает их, если воспользуется обычными правилами разгадывания шифров. Первая записка была так коротка, что дала мне возможность сделать всего одно правдоподобное предположение, оказавшееся впоследствии правильным. Я говорю о флагах. Флаги эти употребляются лишь для того, чтобы отмечать концы отдельных слов. Больше ничего по первой записке я установить не мог. Мне нужен был свежий материал. Посетив меня во второй раз, мистер Хилтон Кьюбитт передал мне три новые записки, из которых последняя, по всей вероятности, содержала всего одно слово, так как в ней не было

флагов. Две другие записки начинались, несомненно, с одного и того же слова из четырех букв. Вот это слово:

Как видите, оно кончается той же буквой, какой и начинается. Тут меня осенила счастливая мысль. Письма обычно начинаются с имени того, кому письмо адресовано. Человек, писавший миссис Кьюбитт эти послания, был, безусловно, близко с ней знаком. Вполне естественно, что он называет ее просто по имени. А имя ее состоит из четырех букв и кончается той же буквой, какой начинается: зовут ее Илси. Таким образом, я оказался обладателем трех букв: И, Л и С.

Итак, в двух записках он обращается к миссис Кьюбитт по имени и, видимо, чего-то требует от нее. Чего он может от нее требовать? Не хочет ли он, чтобы она пришла куда-нибудь, где он мог с ней поговорить? Я обратился ко второму слову третьей записки. Вот оно:

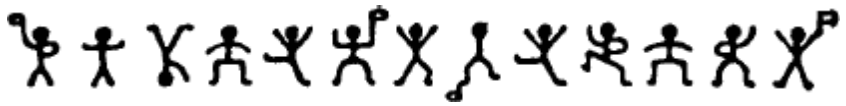
В нем семь букв: третья буква и последняя – И. Я предположил, что слово это «ПРИХОДИ», и сразу оказался обладателем еще пяти букв: П, Р, Х, О, Д. Тогда я обратился к той записке, которая состояла всего из одного слова. Как вам известно, слово это появилось на двери сарая, на нижней панели, в стороне от предыдущей надписи. Я предположил, что оно является ответом и что написала его миссис Кьюбитт. Вот оно:

Подставим под него те буквы, которые нам уже известны. Получается:

И.О.Д.

Что же могла миссис Кьюбитт ответить на его просьбу прийти? Догадка осенила меня. Она ответила: «НИКОГДА».

Теперь я знал уже столько букв, что мог вернуться к самой первой записке. Вот она:



Если подставить под эту надпись уже известные нам буквы, получается:

..Д.С. А. СЛ.НИ

Предположим, что второе слово – «ЗДЕСЬ». В таком случае последнее слово – «СЛЕНИ». Это фамилия, чрезвычайно распространенная в Америке. Коротенькое словечко из двух букв, стоящее перед фамилией, – по всей вероятности, имя. Какое же имя может состоять из двух букв? В Америке весьма распространено имя «Аб». Теперь остается установить только первое слово фразы; оно состоит всего из одной буквы, и отгадать его нетрудно: это местоимение «я». Итак, в первом послании написано: «Я ЗДЕСЬ. АБ СЛЕНИ». Ну, а теперь у меня уже столько букв, что без всякого труда могу прочесть и вторую записку. В ней написано: «ИЛСИ, Я ЖИВУ В ЭЛРИДЖ». Мне пришло в голову, что «Элридж» – название дома или гостиницы, в которой живет человек, все это написавший.

Инспектор Мартин и я с глубоким вниманием выслушали подробный и ясный отчет о том, каким образом мой приятель разгадал тайну пляшущих человечков.

– Что же вы сделали дальше, сэр? – спросил инспектор.

– Так как имя «Аб» употребляется только в Америке и так как все дело началось с того, что из Америки пришло письмо, у меня были все основания предположить, что этот Аб Слени – американец. Кроме того, я подозревал, что за всем этим кроется какое-то преступление. Мое подозрение было вызвано тем, что миссис Кьюбитт с таким упорством скрывала от мужа свое прошлое. Я послал телеграмму в нью-йоркское полицейское управление мистеру Уилсону Харгриву, который не раз пользовался моим знанием лондонского преступного мира. Я запросил его, кто такой Аб Слени. Он мне ответил: «Самый опасный бандит в Чикаго». В тот вечер, когда я получил этот ответ, Хилтон Кьюбитт сообщил мне последнее послание Слени. Подставив под него уже знакомые буквы, я получил фразу:

ИЛСИ ГО.ОВЬСЯ К С.ЕР.И

Так я узнал буквы М и Т, которые до сих пор мне не попадались. «ИЛСИ, ГОТОВЬСЯ К СМЕРТИ»! Мерзавец от просьб перешел к угрозам, а мне известно, что у чикагских бандитов слова не расходятся с делом. Я сразу же отправился в Норфолк со своим другом и помощником, доктором Ватсоном, но, к несчастью, мы прибыли тогда, когда самое худшее уже произошло.

– Большая честь – совместно с вами раскрывать преступление, – сказал инспектор почтительно. – Но, однако, вы позволите мне сказать вам несколько откровенных слов. Вы отвечаете только перед собой, а я отвечаю перед своим начальством. Если этот Аб Слени, живущий у Элриджа, действительно убийца и если он удерет, пока я сижу здесь, меня ждут крупные неприятности.

– Вам нечего беспокоиться: он не попытается удрать.

– Откуда вы знаете?

– Удрать – это значит сознаться в своей вине.

– В таком случае давайте поедем и арестуем его.

– Я жду его сюда с минуты на минуту.

– Почему вы думаете, что он придет?

– Я написал ему и попросил прийти.

– Я не могу поверить этому, мистер Холмс! Неужели он придет потому, что вы попросили его? Не возбудит ли в нем подозрения ваше письмо и не попытается ли он скрыться?

– Все зависит от того, как составить письмо, – сказал Шерлок Холмс. – Если не ошибаюсь, этот джентльмен уже идет к нам собственной персоной вон по той дорожке.

По дорожке, которая вела к дому, шагал какой-то человек. Это был высокий, красивый, смуглый мужчина в сером костюме и широкополой шляпе, с черной жесткой бородой и крупным хищным носом. На ходу он помахивал тростью и шагал с таким видом, словно все вокруг принадлежит ему. Наконец раздался громкий, уверенный звонок.

– Я полагаю, джентльмены, – спокойно сказал Холмс, – что вам следует спрятаться за дверь. Когда имеешь дело с таким человеком, нужно принять все меры предосторожности. Приготовьте наручники, инспектор. А разговаривать с ним предоставьте мне.

Целая минута прошла в тишине – одна из тех минут, которых не забудешь никогда. Затем дверь открылась, и наш гость вступил в комнату. В одно мгновение Холмс приставил револьвер к его лбу, а Мартин надел наручники на его запястья.

Все было проделано так быстро и ловко, что наш пленник оказался в неволе прежде, чем заметил нападающих. Он

переводил с одного на другого взгляд своих блестящих черных глаз, потом горько рассмеялся.

– Ну, джентльмены, на этот раз вы поймали меня! Я столкнулся с чьей-то железной волей… Однако меня вызвала сюда письмом миссис Хилтон Кьюбитт… Нет, не говорите мне, что она с вами в заговоре. Неужели она помогла вам заманить меня в эту ловушку?

– Миссис Хилтон Кьюбитт тяжело ранена и находится при смерти.

Он громко вскрикнул, и крик его, полный горя, разнесся по всему дому.

– Да вы с ума сошли! – заорал он яростно. – Он ранен, а не она! Разве у кого-нибудь хватило бы духу ранить маленькую Илси? Я угрожал ей, да простит меня Бог, но я не коснулся бы ни одного волоса на ее прекрасной голове. Возьмите свои слова обратно – эй, вы! Скажите, что она не ранена!

– Она была найдена тяжело раненной возле своего мертвого мужа.

С глубоким стоном он опустился на диван и закрыл лицо руками. Он молчал целых пять минут. Затем открыл лицо и заговорил с холодным спокойствием отчаяния:

– Мне нечего скрывать от вас, джентльмены, – сказал он. – Я стрелял в него, но и он стрелял в меня, – следовательно, это нельзя назвать убийством. Если же вы думаете, что я в состоянии ранить ту женщину, значит, вы не знаете ни ее, ни меня. Ни один мужчина никогда не любил ни одной женщины так, как я любил ее. Я имел все права на нее. Она была мне предназначена уже много лет назад. На каком основании этот англичанин встал между нами? Я первый получил на нее права, и я требовал только того, что мне принадлежит.

– Она рассталась с вами, когда узнала, кто вы такой, – сурово сказал Холмс. – Она бежала из Америки в Англию, чтобы спрятаться от вас, и здесь вышла замуж за почтенного человека. Вы угрожали ей, вы преследовали ее, превратили ее жизнь в ад, стараясь заставить ее бросить мужа, которого она любила и уважала, и бежать с вами… А вас она боялась и ненавидела. Вы кончили тем, что убили этого благородного человека и довели его жену до самоубийства. Вот ваши заслуги, мистер Аб Слени, за которые вам придется держать ответ.

– Если Илси умрет, мне все равно, что будет со мною, – сказал американец.

Он разжал кулак и глянул в записку, лежавшую у него на ладони.

– Послушайте, мистер, – вскричал он, и глаза его

недоверчиво блеснули, – а не пытаетесь ли вы меня попросту запугать? Если леди ранена так тяжело, кто же написал эту записку?

Он швырнул записку на стол.

– Ее написал я, чтобы заставить вас прийти сюда.

– Ее написали вы? На всем земном шаре нет ни одного человека, кроме членов нашей шайки, который знал бы тайну пляшущих человечков. Как могли вы написать ее?

– То, что изобретено одним человеком, может быть понято другим, – сказал Холмс. – Вот приближается кеб, в котором вас отправят в Норидж, мистер Слени. Но у вас есть еще возможность хоть немного исправить причиненное вами зло. Известно ли вам, что миссис Хилтон Кьюбитт сама была заподозрена в тяжком преступлении – убийстве своего мужа, – и что только мое присутствие здесь и добытые мною сведения спасли ее от этого обвинения? Вы обязаны объявить на весь мир, что она ни прямо, ни косвенно неповинна в его трагической смерти.

– Так я и сделаю, – сказал американец. – Я вижу, что для меня выгоднее всего говорить чистую правду. Вам нужно знать, джентльмены, что я познакомился с этой леди, когда она была ребенком. Наша чикагская шайка состояла из семи человек, и отец Илси был нашим главарем. Умный он был старик, этот Патрик! Это он изобрел буквы, которые всеми принимались за детские каракули, пока вам не посчастливилось подобрать к ним ключ. Илси узнала о некоторых наших делах и пришла в ужас, а так как у нее было немного собственных, заработанных честным трудом денег, она бежала от нас в Лондон. Мы были помолвлены, и она вышла бы за меня замуж, если бы я переменил профессию. А так она не желала иметь со мной ничего общего. Мне удалось напасть на ее след только после того, как она вышла за этого англичанина. Я написал ей, но ответа не получил. Тогда я приехал сюда, и, так как она могла не получить моих писем, я стал писать ей на таких предметах, которые должны были попасться ей на глаза.

Я живу здесь уже целый месяц. Я поселился на ферме. Комната, которую я снял, тем хороша, что расположена в нижнем этаже, и я мог выходить из нее по ночам, не привлекая внимания хозяев. Я изо всех сил старался переманить Илси к себе. Я знал, что она читает мои каракули, потому что однажды под ними она написала ответ. Наконец я потерял терпение и начал ей угрожать. Тогда она прислала мне письмо, в котором умоляла меня уехать, уверяя, что сердце ее будет разбито, если ее муж попадет в какую-нибудь скандальную историю. Она пообещала мне поговорить со мной через окно в три часа ночи, когда муж ее уйдет спать, если я

дам ей слово, что после этого уеду и оставлю ее в покое.

Разговаривая со мной, она стала предлагать мне деньги, чтобы откупиться от меня. Это привело меня в бешенство, я схватил ее за руку и пытался вытащить через окно. В это мгновение прибежал ее муж с револьвером в руке. Илси без чувств опустилась на пол, и мы остались с ним одни лицом к лицу. Я тоже был вооружен и поднял свой револьвер, чтобы испугать его и получить возможность уйти. Он выстрелил и промахнулся. Я выстрелил почти одновременно с ним, и он рухнул на пол. Я побежал через сад и услышал, как сзади захлопнули окно… Все это правда, джентльмены, и больше я ничего об этом не слыхал, пока ко мне не прискакал парень с запиской. Прочитав записку, я побежал сюда и попал к вам в руки…

Тем временем к дому подъехал кеб; в нем сидели два полисмена.

Инспектор Мартин встал и тронул арестованного за плечо.

– Пора ехать.

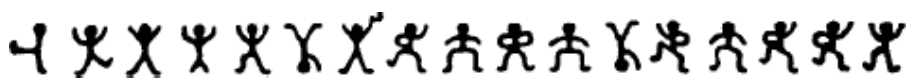
– Нельзя ли мне перед уходом повидаться с ней?

– Нет, она еще не очнулась… Мистер Шерлок Холмс, мне остается только надеяться, что, когда меня снова пошлют расследовать какое-нибудь крупное дело, мне опять посчастливится работать вместе с вами.

Мы стояли у окна и смотрели вслед удаляющемуся кебу. Обернувшись, я заметил листок бумаги, оставленный преступником на столе. Это была записка, которую послал ему Холмс.

– Попробуйте прочитать ее, Ватсон, – сказал он, улыбаясь.

На ней были нарисованы вот такие пляшущие человечки:



– Если вы вспомните мои объяснения, вы увидите, что здесь написано: «ПРИХОДИ НЕМЕДЛЕННО». Я не сомневался, что это приглашение приведет его сюда, ибо он будет убежден, что, кроме миссис Кьюбитт, никто так писать не умеет. Словом, мой дорогой Ватсон, этих человечков, столь долго служивших злу, мы принудили в конце концов послужить добру… Мне кажется, я выполнил свое обещание обогатить вашу записную книжку. Наш поезд отходит в три сорок, и мы приедем на Бейкер-стрит как раз к обеду.

Еще несколько слов в заключение. Американец Аб Слени зимней сессией суда в Норидже был приговорен к смерти. Но,

приняв во внимание смягчающие вину обстоятельства и то, что Хилтон Кьюбитт выстрелил в него первым, суд заменил смертную казнь каторжными работами. О миссис Хилтон Кьюбитт мне известно только то, что она совершенно поправилась, что она все еще вдова и что она посвятила свою жизнь заботам о бедных и управлению поместьем своего мужа.

Вопросы и задания

▸**1.** Было ли чтение новеллы «Пляшущие человечки» вашей первой встречей с Шерлоком Холмсом? Если он вам был уже знаком, подумайте, что нового вы узнали, читая эту новеллу.

2. Кратко воспроизведите важнейшие моменты сюжета: завязку, кульминацию, развязку. Можно ли назвать это произведение новеллой? Попробуйте решить этот вопрос.

3. Кого из героев этой новеллы вы могли бы подробно описать: Илси Патрик, Хилтона Кьюбитта, Аба Слени, Шерлока Холмса, доктора Ватсона? Кого из этих героев вы представляете себе более отчетливо? Чем это можно объяснить?

▸▸▸**1.** Критики обычно отмечают в новеллах Дойла стремительность развития сюжета и логическую четкость авторских решений. Попробуйте подтвердить или опровергнуть устоявшееся мнение.

2. Удалось ли вам освоить азбуку пляшущих человечков? Перерисуйте записки с этим шифром и попробуйте восстановить целиком алфавит этой самодельной азбуки.

3. Какие нравственные оценки дает своим героям автор? Согласны ли вы с ним?

4. Сам Конан Дойл считал «Пляшущих человечков» одной из лучших новелл о Холмсе. Согласны ли вы с такой оценкой автора?

Подведем итоги

1. Определение жанра важно не только потому, что всегда хорошо знать, с чем имеешь дело. Размышление об этом помогает хотя бы в самых общих чертах соотнести форму с содержанием, сделать более осмысленным и серьезным наше чтение. Оно может стать и более занимательным. Обратимся к Лермонтову. Попробуйте решить, почему поэт назвал балладой следующее произведение.

Баллада
(*с немецкого*)

Из ворот выезжают три витязя в ряд,
увы!
Из окна три красотки во след им глядят:
прости!
Напрасно в боях они льют свою кровь —
увы!
Разлука пришла – и девичья любовь
прости!
Уж три витязя новых в ворота спешат,
увы!
И красотки печали своей говорят:
прости!

Лермонтов взял из народной немецкой песни лишь две первые строчки. Зачем, как вам кажется, он указал на то, что это перевод с немецкого?

2. Размышления о жанрах, наверное, помогали вам задуматься и над таким более общим и серьезным вопросом, что такое искусство слова и как оно входит в вашу жизнь?

В одном из произведений, названном басней, Марк Твен пытается вам помочь ответить на этот вопрос. Подумайте, не нужно ли вам уточнить жанр этого забавного и серьезного произведения.

Басня[40]

Один художник, написавший небольшую, но очень красивую картину, решил так повесить ее, чтобы она отражалась в зеркале.

– Когда видишь ее в зеркале, – сказал он, – это углубляет перспективу и смягчает колорит. По-моему, картина становится намного приятнее.

Обо всем этом рассказал зверям – обитателям леса – домашний кот, который всегда приводил их в восхищение своей образованностью и утонченностью, своей удивительной благовоспитанностью и высокой культурой.

Он мог поведать о таких вещах, о которых и представления не

имели остальные звери. Да и после его рассказов они часто не могли поверить всему до конца.

Услышав от кота такую новость, обитатели леса пришли в страшное волнение. Они засыпали его вопросами, требуя, чтобы кот рассказал им все подробно. Особенно их интересовало, что такое картина.

– Видите ли, – сказал кот, – картина – это такая плоская штука. Ну, до того плоская, что от нее можно прийти в восторг. И к тому же она очень красива!

Тут уж любопытство у всех зверей разгорелось до предела, и они заявили, что готовы пожертвовать чем угодно, лишь бы увидеть то, что кот называл картиной.

– Что же, однако, делает ее такой красивой? – спросил медведь.

– Ее удивительная красота, – ответил кот.

Это привело их в еще больший восторг и в то же время заронило в них известное сомнение. Любопытство зверей не знает границ.

– А что такое зеркало? – поинтересовалась корова.

– Да просто дыра в стене, – объяснил кот. – Вы глядите в нее и видите в ней картину. И столько в этой картине изящества, очарования и небесной прозрачности, так вдохновляет она вас своей невообразимой красотой, что у вас начинает кружиться голова. И вы близки к обморочному состоянию.

Неожиданно осел, который до этого времени не произнес ни слова, заставил своих собратьев задуматься.

– Красоты, подобной той, о которой рассказывает кот, никогда не существовало, – изрек он, – да, вероятно, не существует и сейчас. И тот факт, что коту для описания этой красоты пришлось прибегнуть к такому количеству непомерно длинных эпитетов, наводит на подозрения.

Нетрудно было заметить, что речь осла произвела на зверей известное впечатление, и кот удалился, оскорбленный до глубины души. Несколько дней разговоров на эту тему в лесу не было, но любопытство, которое продолжало тлеть, в конце концов вспыхнуло с новой силой, и звери стали упрекать осла в том, что он своими бездоказательными подозрениями омрачил их радость. Но осла пронять было трудно. С полным спокойствием он заявил, что есть лишь один способ решить, кто прав, он или кот. Он, осел, пойдет в дом художника, заглянет в эту дыру и, вернувшись, расскажет, что он там видел. Тут все звери вздохнули с облегчением и принялись просить осла немедля отправиться к художнику. Что он и сделал.

Однако, прибыв на место, осел по ошибке стал между

зеркалом и картиной и, конечно, никакой картины увидеть не мог. Вернувшись в лес, он решительно сказал:

– Этот кот – лгун! Нет в дыре никого, кроме какого-то осла. Там не было и намека на какую-либо плоскую вещь. Осел, которого я видел, правда, довольно мил, но, в конце концов, это всего лишь осел и ничего более.

– Хорошо ли ты все разглядел? – спросил слон. – Достаточно ли близко ты подошел?

– О, Хатхи, повелитель зверей, я разглядел все очень хорошо, а подошел так близко, что столкнулся с ним нос к носу.

– Все это очень странно, – произнес слон. – Насколько нам известно, до сих пор кот всегда говорил правду. Пусть еще кто-нибудь сходит туда. Иди ты, Балу, и посмотри в эту дыру. Когда вернешься, доложишь, что ты там видел.

И медведь пошел. Когда он вернулся, звери услышали:

– Оба они, и кот и осел, говорили неправду; сидит в этой дыре какой-то медведь, и все тут.

Среди зверей поднялся настоящий переполох. Каждый теперь хотел самолично убедиться, кто прав.

Однако слон посылал их по одному.

Сначала – корову. Она не нашла в дыре никого, кроме коровы.

Тигр не нашел никого, кроме тигра.

Лев не нашел никого, кроме льва.

Леопард не нашел никого, кроме леопарда.

А верблюд нашел верблюда и больше никого.

Тогда разгневанный Хатхи заявил, что он отправится сам и выяснит настоящую правду. Вернувшись, он объявил, что отныне считает всех своих подданных лжецами, и долго не мог успокоиться, думая о том, как низко пал кот и как он ограничен.

– Только близорукие дураки, – заявил Хатхи, – могли не заметить, что в дыре не было никого, кроме слона.

Мораль, выведенная котом:

В любом произведении искусства вы можете обнаружить то, что привнесете в него, если станете между ним и зеркалом своего воображения. Увидите вы в нем свои уши или нет, но они там будут, можете не сомневаться.

Сможете ли вы, прочитав это произведение, использовать аргументы Твена, чтобы убедительно ответить, что такое искусство?

3. Внимательно рассмотрите в словаре в конце учебника таблицу жанров всех трех родов литературы: эпоса, лирики, драмы. Попробуйте рассказать о тех

жанрах, которые вам кажутся самыми интересными для чтения.

4. Разделите по трем родам следующие жанры: эссе, сатира, басня, памфлет, юмореска, водевиль, роман, трагедия, рассказ, скетч, комедия, новелла, эпиграмма, эпитафия, элегия, баллада, поэма, канцона, дума, сонет.

5. Назовите жанры, которые вы считаете устаревшими.

6. Приведите примеры жанров, которые сейчас еще существуют, но утратили свою популярность.

7. Назовите самые «молодые» жанры в любом из родов литературы.

8. Как объяснить, что Иван Сергеевич Тургенев называл произведение «Муму» то рассказом, то повестью?

9. К. Г. Паустовский написал в статье о новелле: «И мне вспоминается рассказ Горького об одной маленькой писательской игре, построенной на наблюдательности, очень любопытной. Горький очень любил писательские игры, и как-то в Берлине в таверне сидели Бунин, Леонид Андреев и Горький. Горький положил часы и сказал: вот за тем столиком сидит человек, каждый из нас будет на него смотреть полминуты, потом отвернется и расскажет совершенно точно, что он об этом человеке знает и что видел.

Первым должен был говорить он: „Ну что, ну в сером костюме, ну бледный“, больше ничего не мог сказать. Горький, безусловно, мог сказать больше, но так как сам придумал эту „игру“, то он себя принизил.

Спросили Леонида Андреева, что это за человек. Леонид Андреев сказал всего несколько слов: „Это сын дьявола“ – и всё.

Тогда спросили Бунина, и Бунин рассказал, какой на этом человеке костюм, в какую полоску, какой у него галстук, какой воротничок, где он измят, какое у него лицо – все совершенно точно. А кто этот человек? Он сказал: „Это, очевидно, крупный международный вор, судя по всему“.

Позвали хозяина таверны, спросили:

– Что это там за человек?

– Ради Бога, тише, это известный международный вор, который сюда приезжает отдыхать».

Сможете ли вы предположить, какое по жанру произведение об этом человеке мог бы создать каждый

из участников этой игры? Как вы это докажете?

10. Какую роль играет жанр в вашем чтении?

11. Перечислите жанры тех произведений эпоса, лирики и драмы, с которыми вы познакомились на уроках литературы и в самостоятельном чтении. Какие из жанров кажутся вам «долгожителями»?

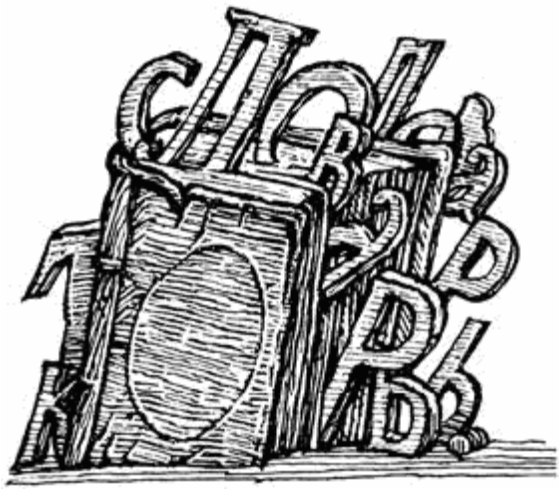
12. Связан ли жанр произведения с тем, в стихах или в прозе написано произведение?

13. Существуют ли жанры художественной литературы, которые вам не нравятся? Попробуйте объяснить, почему.

14. Попробуйте создать табличку жанров, располагая их в зависимости от ваших предпочтений.

15. Попробуйте создать на материале событий жизни вашего класса небольшое произведение. Это может быть очерк или рассказ, эссе или статья, частушка или эпиграмма. Проверьте свои силы.

Краткий словарь литературоведческих терминов



Роды и жанры литературы

Эпос	Лирика	Драма
Басня	Гимн	Водевиль
Былина	Инвектива	Драма
Легенда	Мадригал	Комедия
Новелла	Ода	Мелодрама
Очерк	Песня (песнь)	Скетч
Повесть	Послание	Трагедия
Рассказ	Романс	
Роман	Сонет	
Сказка	Стансы	
Эпопея	Стихотворение	
	Стихотворение в прозе	
	Элегия	
	Эпиграмма	
	Эпитафия	

Жанр (от французского – вид) – исторически сложившийся вид литературного произведения.

Род – наиболее обобщающее, исторически устойчивое деление литературных произведений в соответствии с тремя формами изображения человеческой личности.

Эпос

Э́пос (от греческого – слово, рассказ) – род литературы, в котором повествуется о событиях и героях.

Анекдо́т – жанр городского фольклора, злободневный комический рассказ с неожиданной концовкой; короткий рассказ об историческом лице, необычном происшествии (устар.).

Ба́сня – небольшое произведение в стихах или прозе нравоучительного или сатирического содержания. Черты и поступки героев изображаются в басне иносказательно – поступки и отношения людей заменяются поступками животных или неодушевленных предметов. Басня часто заканчивается *мора́лью* – выводом, к которому автор подводит читателя. Сатирическое или юмористическое содержание и наличие морали являются отличительными чертами басни. Наибольшую известность получили басни Эзопа (отсюда выражение «эзопов язык»), французского поэта Лафонтена, русского баснописца И. А. Крылова.

Были́ны (от русского – быль, бывшее в действительности) – русские народные песни-сказания о богатырях, народных героях и исторических событиях. По содержанию былины можно разделить на *богатырские* – о воинских подвигах богатырей Ильи Муромца, Алеши Поповича и др. – и *былины о жизни героев народных сказаний* Святогоре, купце Садко, Василии Буслаеве и др. Первые записи былин, устно передававшихся из поколения в поколение певцами-сказителями, были сделаны в XVII веке, а изданы впервые в 1804 году. Изложению содержания в былинах предшествует *запев* или *зачин,* а заканчивается особой концовкой – *исходом.* Характерной чертой *былинного стиха,* которым нараспев сказывается былина, является отсутствие рифмы.

Ду́ма – лироэпический жанр народного творчества XV–XVII веков: песня, часто исторического содержания.

Леге́нда (от латинского – то, что должно быть прочитано) – художественное произведение, в основе которого лежит подлинное событие, приукрашенное народной фантазией. Многие писатели использовали в своих произведениях легенды и предания как основу своих сюжетов.

Нове́лла (от латинского – новость) – небольшой рассказ, отличающийся от обычного рассказа новизной, остротой сюжета,

необычной концовкой.

О́черк – прозаический документальный жанр, чаще всего посвящается современной автору жизни, фактам и людям. В очерке точно изображаются события реальной жизни, участники которых существовали в действительности.

По́весть – жанр, который по своему объему и развитию сюжета ближе к рассказу, чем к роману. В повести изображается ряд событий, освещающих целый период жизни персонажей или одного лица – главного героя повести.

Расска́з – небольшое произведение, посвящаемое обычно отдельному событию из жизни героев. Рассказ – малая форма эпической литературы.

Рома́н – произведение, раскрывающее историю человеческих судеб на протяжении длительного времени, охватывает порой жизнь целых поколений. Роман – большая форма эпической литературы. Спецификой романа является сложность, разветвленность сюжета, повествование о жизни многих действующих лиц, судьбы и интересы которых сталкиваются и переплетаются. Первоначально термин «роман» возник как «рассказ на романском языке», в отличие от произведений, написанных на латыни. *Дилогия* – два романа, объединенные общими героями; *трилогия* – три романа, объединенные общими героями; *цикл романов* – несколько романов, объединенных в единое целое.

Сказ – фольклорное эпическое произведение, построенное на точных зарисовках быта и нравов в форме разговорной речи.

Сказа́ние – эпическое произведение, часто исторического содержания. В «Борисе Годунове» А. С. Пушкина летописец говорит:

> «Еще одно последнее сказанье
> И летопись окончена моя».

Ска́зка – произведение фантастического, приключенческого или бытового характера. Бывают *народные и литературные сказки.*

Народные сказки – одна из самых распространенных форм устного народного творчества. Различают *сказки о животных, волшебные, бытовые.* Сказки учили не мириться со злом, идти на поиски счастья и справедливости, они имели поучительный или развлекательный характер. Изучать народные сказки стали в XIX в. В Германии были опубликованы «Сказки братьев Гримм», в России – сборники сказок А. Н. Афанасьева, А. С. Смирнова и др.

Литературные сказки писали многие авторы, опираясь на народные мотивы.

Фельето́н – жанр художественно-публицистической литературы; живо и остроумно написанная на злободневную тему газетная статья. Особенности фельетона (критическое, комическое, сатирическое) могут быть использованы и в других жанрах. Так, существует и роман-фельетон. Такими романами считают «Двенадцать стульев» и «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова.

Эпопе́я (от греческого – собрание сказаний) – наиболее крупный жанр эпической литературы. Выделяют древнюю эпопею (*героический эпос),* который изображает какое-то значительное событие в жизни народа. В наше время эпопеей называют роман или цикл романов, изображающий значительный период времени или крупное историческое событие, в котором переплетаются судьбы многих героев.

Эссе́ – свободное по композиции и небольшое по объему эпическое произведение, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу: и описание того, что увидел автор, и воспоминание, и рассуждение.

Лирика

Лирика (от греческого – лира, музыкальный инструмент, под звуки которого исполнялись стихи и песни) – род литературы, в котором отражены переживания, чувства, мысли автора литературного произведения, его внутренний мир. Характерной особенностью лирики является стихотворная форма.

Гимн (от греческого – хвала, восхваление) – в античном мире: хвалебная песнь богам. Позднее гимном стали называть стихотворение на возвышенную тему, торжественную песнь в честь героев или какого-либо события.

Инвекти́ва (от латинского – бросаться, нападать) – один из видов сатиры, резкое обличение, обращенное против конкретного лица или группы лиц.

Канцо́на (от итальянского – песенка) – вид лирического произведения в Италии и Франции, а также – несложная многоголосная народная песня.

Мадрига́л (от латинского – песня на родном языке) – стихотворный комплимент, часто обращенный к женщине. По содержанию противоположен эпиграмме.

О́да (от греческого – песнь) – торжественное стихотворное произведение в честь какого-то лица или события. Для оды характерен высокий стиль речи, строгие нормы стихосложения. В

Древней Греции одой называли всякое стихотворение, которое исполнялось в хоровом пении.

Пе́сня (**песнь**) – 1) небольшое стихотворение, предназначенное для вокального исполнения, состоящее из нескольких куплетов с припевом. *Народные песни* очень разнообразны по своему содержанию и форме: *трудовые, обрядовые* (масленичные, свадебные, веснянки, колядки), *бытовые* (застольные, колыбельные, любовные, игровые), *исторические* и *героические,* в которых воспевается какое-то событие или легендарный подвиг; 2) часть большого стихотворного произведения.

Посла́ние – дружеское обращение, своеобразное лирическое письмо поэта. Иногда послания содержали высказывания на злобу дня, превращаясь в памфлеты.

Рома́нс – небольшое лирическое стихотворение песенного типа. Родиной романса является средневековая Испания. В России появился на рубеже XVII–XVIII вв. Особую популярность романс приобрел в XIX в., когда на музыку были положены многие стихи известных поэтов.

Соне́т (от провансальского – песенка) – стихотворение из 14 строк, выстроенное по строгой схеме: два четверостишия (катрена) и два трехстишия (терцета). Возник сонет в Италии в XIII–XIV вв. В русской поэзии сонет известен с XVIII в.

Ста́нсы (от итальянского – остановка, покой) – небольшое стихотворение, состоящее из четверостиший с законченной мыслью в каждом из них. Все строфы объединены общей темой.

Стихотворе́ние – небольшое лирическое рифмованное произведение, законченное по смыслу и форме. Встречаются как одно– и двустишия, так и многострофные стихотворения.

Стихотворе́ние в про́зе – небольшое произведение, поэтическое по содержанию и прозаическое по форме. В русской литературе И. С. Тургенев – автор наиболее известных стихотворений в прозе.

Эле́гия (от греческого – жалоба) – стихотворение, проникнутое грустью.

Эпигра́мма (от греческого – надпись) – один из видов сатирической поэзии, небольшое стихотворение, высмеивающее кого-либо. Малый жанр лирической поэзии, содержащий нравоучительные высказывания, пожелания и пр.

Эпита́фия (от греческого – надгробный) – надгробная надпись, часто в стихотворной форме. В русской поэзии нередко писались эпитафии в шуточной или иронической форме.

Драма

Дра́ма (от греческого – действие) – один из родов художественной литературы, наряду с эпосом и лирикой. Основу драмы, как на это указывает греческое слово, составляет действие. События, происходящие с героями драмы, их чувства и переживания отражены в действиях и поступках героев и воплощены на сцене. Драматические произведения предназначены для постановки в театре.

Водеви́ль (от французского названия местности, где зародился жанр) – так называли во Франции народные сатирические песенки. Позднее водевилем стали называть легкую комедийную пьесу с куплетами, в которой остроумный диалог сочетался с музыкой и танцами. Наиболее распространен водевиль был в XIX в.

Дра́ма – пьеса с серьезным конфликтом, изображающая борьбу между персонажами, однако конфликт этот не столь возвышен и силен, как в трагедии. Драма возникла в XVIII в. как жанр, стремящийся преодолеть односторонность классической трагедии и комедии.

Коме́дия (от греческих – веселая толпа и песнь) – драматическое произведение, изображающее жизненные положения или характеры, вызывающие смех.

Комедия возникла в Древней Греции и ведет свое происхождение от веселых народных представлений. Смех в комедии могут вызывать комические ситуации или характеры. В зависимости от этого различают *комедию положений* и *комедию характеров*. Однако в большинстве комедий эти разновидности сочетаются.

Мелодра́ма (от греческих – песнь и действие) – так называли в Средние века произведения, в которых диалоги и монологи персонажей сопровождались музыкой и песнями. Впоследствии мелодрамой стали называть пьесу, действующие лица которой делятся на «добрых» и «злых», «героев» или «злодеев», попадающих в острые ситуации, которые, как правило, благополучно разрешаются.

Скетч (от английского – набросок) – короткое театральное представление шутливого характера, построенное на неожиданных забавных положениях. Часто используется на эстраде.

Траге́дия – драматическое произведение, в котором характер героя раскрывается в безвыходном положении, в борьбе, обрекающей его на гибель. Трагедия – один из самых древних видов драмы, возникший в Древней Греции. Свое название получила от представлений в честь бога Диониса. В жертву ему приносили козла (по-гречески – трагос). Античная трагедия

потрясала картиной страданий человека, борющегося со сверхъестественными силами.

Лироэпика

Лироэпи́ческие произведе́ния – такие произведения, в которых сочетается эпическое и лирическое изображение жизни. В этих произведениях стихотворное повествование о поступках и переживаниях героев зачастую прерывается авторскими отступлениями, иногда далеко уводящими от темы произведения.

Балла́да – небольшое стихотворение, имеющее сюжет, в котором автор передает свои чувства и переживания. Баллада может иметь историческое, героическое или фантастическое содержание.

Поэ́ма (от греческого – делаю, творю) – большое стихотворное произведение. В поэме автор повествует о поступках героя, событиях, в которых тот участвует, его переживаниях и одновременно передает свое отношение к изображаемым событиям.

notes

Примечания

1

Мольéр (Жан Батист Поклéн, 1622–1673) – французский драматург.

2

Ока́зия – случайность.

З

Шко́ла вое́нных кантони́стов – начальная школа для солдатских детей.

4

Каллигра́фия – чистописание.

5

Фонта́нка – улица в Санкт-Петербурге.

6

«Моско́вские ве́домости» – газета, издававшаяся журналистом и публицистом М. Н. Катковым.

7

«Шексни́нска сте́рлядь золота́я» – цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Приглашение к обеду».

8

Фестива́ль – здесь: торжественный обед.

9

Вавило́нское столпотворе́ние – эпизод в Библии, где рассказывается о строительстве гигантской башни (столпа́) в Вавилоне, которая должна была достигнуть неба; в наказание за такую дерзость Бог «смешал» языки строителей, и они перестали понимать друг друга.

10

Четвёртый класс – по Табели о рангах: действительный статский советник.

11

Вигва́м – жилище американских индейцев; ва́мпум – бусы из раковин, средство запоминания и передачи сообщений у индейских племен.

12

Имеется в виду выражение – «от альфы до омеги»; А́льфа, Ома́ха – города в США.

13

Просфо́ра – в христианстве: небольшой круглый хлебец, используется в обрядах.

14

Кли́рос – в православных храмах: возвышение по обеим сторонам алтаря, место для певчих во время богослужения.

15

Троглоди́т – первобытный пещерный человек.

16

Сошни́к – часть сохи, плуга – острый наконечник, подрезающий пласт земли.

17

Левиа́фан – в Библии: огромное морское чудовище.

18

Не презирай сонета, критик. *Вордсворт* (*англ.*).

19

Конквистадо́ры (конкистадо́ры) – испанские и португальские авантюристы, отправлявшиеся в Америку после ее открытия для завоевания новых земель; они с жестокостью истребляли и порабощали коренное население; переносное значение: завоеватели, грабители, захватчики.

20

Голубо́й цвето́к, в частности голуба́я ли́лия – символ романтиков, символ осуществленной высокой мечты.

21

Суему́дрие – мудрость суетная, ложная.

22

РОСТА – Российское телеграфное агентство, с которым активно сотрудничал Маяковский.

23

Бру́ствер – небольшая земляная насыпь с наружной стороны окопа для защиты от огня противника.

24

Облига́ции – ценные бумаги, выдаваемые людям вместо денег (или продаваемые) как подтверждение займа, сделанного государством; по облигациям проводились тиражи выигрышей в качестве своеобразной компенсации.

25

Чи́рки – башмаки.

26

Гематоге́н – препарат, используемый для лечения малокровия.

27

Метранпа́ж – работник типографии, осуществляющий контроль за набором полос (страниц).

28

Шлак – отходы металлургических реакций при плавильных процессах.

29

Метаморфо́за – превращение, полное, совершенное изменение.

30

Ярд – мера длины, равная 91,4 сантиметра.

31

Эволю́ция – непрерывное движение, изменение в природе.

32

Лока́ция – определение местонахождения объекта по отраженному звуку.

33

Телепа́тия – способность улавливать мысли на расстоянии.

34

Фут – мера длины, равная 30,5 сантиметра.

35

Панеги́рик – восторженная речь, часто – чрезмерное восхваление кого-то.

36

Эмпи́рик – последователь эмпири́зма, учения, признающего опыт единственным источником достоверного познания.

Мазу́рик – жулик, карманный вор.

38

Кли́рик – священнослужитель.

39

Гамби́т – начало шахматной (шашечной) партии, в которой жертвуют фигуру или пешку ради получения активной позиции.

В данном случае это – название, которое дал произведению сам автор.